

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

135

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

135

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, Н. И. Гурина,
Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Круликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарера, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. СТАТЬИ

И. П. РУСАНОВА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

Памятники второй половины I тысячелетия н. э., распространенные на территории от Днестра и Припяти до верховьев Днестра и Западного Буга, делятся на два хронологических этапа — памятники VI—VII вв. типа Корчак (или пражского типа) и памятники VIII—IX вв. типа Луки-Райковецкой. К настоящему времени изучены многочисленные поселения обоих этапов¹. Гораздо хуже известны погребальные памятники этого времени. Сведения о раскопках погребений в конце XIX и в 20-х годах XX в.² создали не совсем правильные представления о характере этих памятников. Так, не подтверждаются сведения С. С. Гамченко, использованные во многих работах без должной критической проверки их³, о распространении урновых трупосожжений, помещенных в каменные ящики, и о преобладании в курганах урновых сожжений. Описанные С. С. Гамченко «каменные погребальные ящики» с помещенными в них урнами скорее всего являлись печами-каменками. «Ящики» были открыты С. С. Гамченко около сел Корчак, Катериновка и Перлевка в окрестностях г. Житомира, где при позднейших раскопках были исследованы многочисленные поселения с жилищами и печами, сложенными из камней. Судя по описаниям С. С. Гамченко⁴, «ящики» представляли собой груды камней и щебня и отдельные плиты, поставленные на ребро. На камнях заметны следы огня, сажа, трещины. Внутри «ящиков» обнаружены зола, уголь, костный пепел, мельчайшие костяные обломки, черепки сосудов, глиняные пряслица и глиняные «хлебцы», то есть находки, обычно встречаемые при расчистке печей. Размеры «ящиков» (от 50 см до 1,25 м) и глубина их залегания соответствуют данным о печах-каменках. Ни одного целого сосуда-урны в «каменных ящиках» найдено не было.

¹ И. П. Русанова. Карта распространения памятников типа Корчак (VI—VII вв. н. э.). Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 93—96.

² С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи. «Труды XI АС», т. I. М., 1896; В. П. Петров. Памятники корчакского типа (по материалам раскопок С. С. Гамченко). МИА, № 108, 1963, стр. 17—30; С. С. Гамченко. Дневники раскопок за 1927 и 1928 гг. Архив ИА АН УССР, ф. 38/5, 44/1.

³ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 34; он же. Памятники пражского типа на территории Приднепровья «Slavia antiqua», t. VII. Warszawa—Poznań, 1960, 112—117; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 34—36.

⁴ В. П. Петров. Памятники корчакского типа..., стр. 23—29.

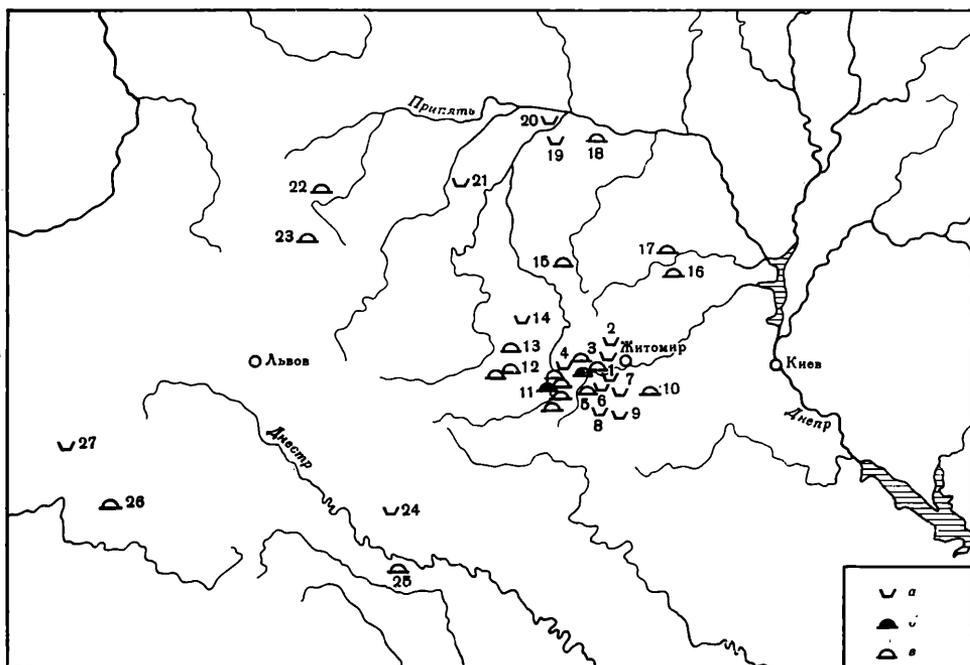

Рис. 1. Карта погребальных памятников с трупосожжением и лепной керамикой

а — бескурганные погребения в урнах; б — урновые трупосожжения под курганами; в — безурновые трупосожжения под курганами

1 — Корчак; 2 — Барашевка; 3 — Тетеревка; 4 — Буда Шеецкая; 5 — Малый Шумск; 6 — Вилы; 7 — Тетеревка; 8 — Шумск; 9 — Шумск; 10 — Янковцы; 11 — Мирополь; 12 — Шепетовка; 13 — Климентовичи; 14 — Суемцы; 15 — Зубковичи; 16 — Лозница; 17 — Селец; 18 — Семударцы; 19 — Хотомель; 20 — Хорск; 21 — Бабка; 22 — Милянковичи; 23 — Могильно; 24 — Звинич; 25 — Чепонысы; 26 — Червенево; 27 — Ужгород

Гораздо достовернее сведения С. С. Гамченко о находках отдельных урн с пережженными костями, поставленных в неглубокие ямки. Такие погребения встречены по всему ареалу памятников пражского типа (рис. 1), и находки их подтверждены при систематических раскопках⁵. При раскопках автора на поселениях Корчак IX и Тетеревка около Житомира погребения встречены среди жилищ. На поселении Корчак IX урна была до половины вкопана в материковый песок, верхняя ее часть находилась под дерном и была разбита при распашке. Урна была заполнена пережженными костями, кругом нее были насыпаны угольки и зола. Второе погребение на том же поселении разрушено полностью — от него сохранилась небольшая ямка (диаметром 40—50 см и глубиной 15 см), содержащая угольки, мелкие косточки и обломки разбитого плугом сосуда. На поселении Тетеревка также между жилищами в небольшом углублении (диаметр его 30—50 см и глубина 20 см) стояло два сосуда с пережженными костями. Один сосуд, совершенно целый (рис. 2, 3), был почти доверху заполнен пережженными костями, от второго сосуда сохранилась нижняя часть, содержащая незначительное количество пережженных костей. Среди костей найдены кусочки оплавившегося зеленого стекла. С южной стороны к погребальной яме примыкал ряд ямок от небольших столбиков, расположенных полукругом⁶. Остатки бескурганных погребений открыты также при раскопках поселения и святилища Шумск на правом берегу р. Гнилопяти. Здесь сохранились неглубокие ямки (глубина в материке около

⁵ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв..., стр. 34—36; он же. Памятники пражского типа на территории Приднепровья, стр. 112—117.

⁶ И. К. Фролов. Поселение Тетеревка I (VII—VIII вв.). КСИА, вып. 110, 1967, стр. 30—35.

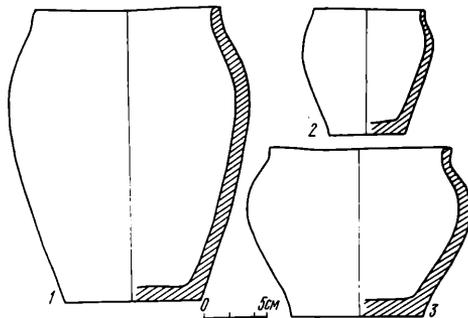
10 см), в 11 из них найдены пережженные косточки, угольки и черепки разбитых сосудов. Разрушенные погребения обнаружены на могильнике у с. Тетеревка, где при первой распашке песчаного всхолмления в 1942 г. найдена целая урна с костями, стоявшая на глубине 20—30 см⁷. При раскопках здесь в 1961 г. встречены лишь неопределенной формы ямки и растащенные плугом пережженные кости и мелкие обломки сосудов.

В целом по имеющимся данным в ареале корчакских памятников преобладали трупосожжения в урнах, поставленных в очень неглубокие ямки. Обычно лишь нижняя часть сосуда оказывалась углубленной в материк, верхняя же находилась в слое дерна. Поэтому погребения очень плохо сохранились, они разрушались при первой же их распашке. Погребальные ямки были в плане округлыми и в большинстве случаев имели диаметр 0,2—0,5 м. Ямки засыпаны песком с остатками погребального костра — мелкими угольками, золой, пеплом. Пережженные кости, помещенные в урны, были, напротив, тщательно очищены от остатков костра и даже вымыты. Иногда урны прикрыты камнем или плоской глиняной сковородой (Барашевка, Суемцы). Есть данные об урнах, перевернутых вверх дном и покрывавших кучки пережженных костей (Шумск, Хотомель). Возможно, погребения имели какие-то опознавательные знаки на поверхности земли, как это прослежено на поселении в Тетеревке⁸.

Вещей, кроме урн, в погребениях почти нет. Найдены только оплавившиеся стеклянные бусы (Тетеревка), глиняные «хлебцы» (Суемцы), железная пряжка (Хорск). Урны в большинстве случаев не сохранились целиком, чаще встречаются лишь их нижние, придонные части. По сохранившимся сосудам можно утверждать, что бескурганые погребения относились как к раннему периоду существования культуры типа Корчак, так и к более позднему времени. К раннему типу относятся урны из Корчака IX

Рис. 2. Сосуды из погребений

1 — из Корчака IX; 2 — из кургана
5 в Мирополе; 3 — из Тетеревки

(рис. 3, 1) из Ужгорода⁹. К более позднему принадлежат урны из Тетеревки (рис. 3, 3), урна из Хорска, украшенная по венчику редкой насечкой и датирующаяся найденной с ней железной пряжкой VI—VII вв.¹⁰ К самому позднему периоду существования лепной керамики, то есть к IX в., относятся сосуды из могильника Шумск¹¹.

⁷ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв..., стр. 36, рис. 10, 8.

⁸ Особняком стоят бескурганые погребения, обнаруженные в г. Ужгороде. Здесь на глубине 1,5 и 2 м открыты остатки костров, разложенных на каменных вымостках диаметром около 3 м. В центре кострищ поставлены сосуды, с пережженными костями (С. И. Пеняк. Исследование древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия на территории западной области УССР. «Archeologické rozhledy», 1968, № 5, стр. 596). Скорее всего эти захоронения относятся к разрушенным курганам.

⁹ С. И. Пеняк. Исследование древнеславянских памятников..., стр. 599, табл. 1, 5.

¹⁰ Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. Е1—57, 1961, стр. 7, рис. 1.

¹¹ Материалы хранятся в Институте археологии АН СССР.

Больших грунтовых могильников пока не найдено. Известны или единичные погребения, или на могильнике насчитывается не более десятка захоронений (Шумск, Тетеревка). При этом всегда, если местность кругом погребений хорошо обследована, рядом обнаружены поселения или же погребения расположены непосредственно на территории селищ (Корчак IX, Тетеревка, Хотомель, Бабка, Шумск). В наиболее позднем комплексе памятников, в Шумске, могильник примыкал к культовому сооружению и находился поблизости от поселения, имевшего характер общественного центра.

Курганные могильники, в противоположность грунтовым, образуют обособленные группы, часто удаленные от мест поселения и содержащие обычно сравнительно большое число насыпей. Курганы рубежа I и II тысячелетий, как правило, располагаются по берегам крупных рек и на высоких далеко видимых местах¹². Более ранние курганные могильники занимают низкие берега рек или невысокие водоразделы, вдалеке от воды, неудобные для жизни, но более закрытые и укромные места, в настоящее время обычно покрытые лесом. Огромный курганный могильник был открыт и отчасти исследован С. С. Гамченко на берегах р. Случь между селами Мирополь и Ульха¹³. Здесь насчитывалось 464 насыпи, образующие 24 обособленные группы. Группы курганов относятся к разному времени. Ранние курганы с трупосожжением и лепной керамикой открыты в пяти группах, расположенных на невысоких береговых склонах и отделенных друг от друга ручьями и болотистыми низинами. Такие группы насчитывают от 12 до 50 насыпей. Курганы очень небольшие (высота их от 0,3 до 0,5 м, лишь изредка до 1 м, диаметры 4,5—10 м), обведены неглубокими ровиками и располагаются близко один от другого, почти соприкасаясь основаниями.

В этом могильнике С. С. Гамченко раскопал 15 курганов с трупосожжением. Он считал, что во всех курганах, кроме одного (курган 19), сожжение совершалось на месте кургана и кости были собраны в глиняные урны¹⁴. Такое заключение представляется неверным. Только в одном кургане, раскопанном С. С. Гамченко, была найдена целая урна с костями, в остальных встречены лишь обломки лепных сосудов, разбросанные в насыпи и на горизонте, отдельные косточки и угольки. Та же картина наблюдалась при позднейших раскопках на этом могильнике¹⁵. В последние годы здесь раскопано еще 15 курганов с трупосожжением. Во всех насыпях встречены мелкие разрозненные обломки лепных сосудов, ни в коем случае не принадлежавшие «раздавленным землей урнам». Лишь в двух курганах найдены целые сосуды, но они лежали рядом с погребениями и были заполнены землей. Кострища, открытые на горизонте под насыпью курганов, очень тонкие (4—5 см), золистые, площадь их небольшая (диаметры от 0,5 до 1,5 м). Они могли иметь лишь ритуальное значение, их нельзя рассматривать как остатки погребального костра для трупосожжения.

Так же очень сомнительна реконструкция погребального обряда в курганах у с. Корчак, раскопанных С. С. Гамченко. По его сведениям, около Корчака находилась курганная группа, состоявшая из 27 насыпей, семь из которых им раскопаны. Прежде всего, по-видимому, С. С. Гамченко не всегда раскапывал достоверные курганные насыпи. Так, по его описанию, им раскопаны «курганы», имевшие диаметры 13—20 м при вы-

¹² И. П. Русанова. Разведка по р. Уж. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 71.

¹³ С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи, стр. 355—403.

¹⁴ Там же, стр. 384—385.

¹⁵ Ю. В. Кухаренко. Миропольские курганы. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 111—114; И. П. Русанова. Раскопки курганов на Воляни. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 278.

соте 14—20 см и окруженные ровиками шириной до 10 м и глубиной 13—15 см. Вероятно, это были естественные небольшие неровности на местности. Такими сомнительными курганами представляются курганы 1, 2, 7. В одном из них, имевшем высоту 14 см, на глубине 1,02 м найдены камень, черепки и косточки, а в другом — каменный ящик такого же типа, как и в бескурганых погребениях, то есть, вероятно, остатки печи-каменки. В остальных пяти курганах (диаметры их от 7 до 13 м и высота 35—60 см) были обнаружены обломки лепных сосудов, разбросанные на разной глубине по всей площади насыпи, угольки и кальцинированные косточки, лежавшие на горизонте. Из описаний этих курганов никак не следует, что пережженные кости в них были собраны в урны, поставленные в насыпи или на горизонте, как считал сам С. С. Гамченко и издавший его материалы В. П. Петров. Лишь в одном кургане у с. Корчак (№ 8) на горизонте стояли два сосуда, в одном из которых находились пережженные человеческие кости¹⁶.

Сведения о трупосожжениях в урнах под курганными насыпями, известными на территории Вольни, очень кратки и не вполне достоверны. Так, есть сообщение о находке при раскопках в 1903 г. в кургане у с. Зубковичи на р. Уборть трех урн, одна из них стояла в насыпи кургана и две были помещены в неглубокие ямки под насыпью¹⁷. Есть краткие сведения о находке урн при раскопках в 30-х годах курганов у с. Червенево Мукачевского района¹⁸. Но при позднейших раскопках в этом же могильнике урн найдено не было. Здесь обнаружены кострища и кучки пережженных костей на горизонте и отдельные лепные черепки в насыпи¹⁹. Такой же обряд погребения встречен во всех остальных курганах с сожжением на территории распространения памятников корчакского типа (Буда Шеецкая²⁰, Селец²¹, Могильно²², Климентовичи²³, Семурядцы)²⁴. С наибольшей полнотой детали погребального обряда выявлены при раскопках курганов в последние годы. В кургане у с. Семурядцы на горизонте под насыпью обнаружено скопление пережженных костей, угля и золы и над ним обломки лепного сосуда. Погребение было окружено круговым ровиком, диаметр его 6 м, ширина 0,5 м и глубина в материке 0,2—0,3 м²⁵. При раскопках в 1969 г. около Мирополя в насыпях курганов встречены отдельные угольки и на горизонте небольшие ритуальные кострища. Пережженные кости в очень небольшом количестве найдены на кострищах или в неглубоких ямках в материке. В трех курганах сохранились остатки круговых оградок. В кургане 1 ямки от вертикальных столбиков образовывали прямоугольник со стороной 2,8 м. В кургане 2 между столбами такой же оградки сохранились куски обожженных, горизонтально лежавших бревен (рис. 3). В кургане 5 ямки от столбиков шли по кругу вдоль подножия кургана. В этот же круг вписываются лежавшие на материке отдельные камни. Диаметр оградки в этом кургане около 3 м. Иногда в насыпи курганов, а чаще в их основании встречаются мелкие обломки лепных сосудов. Фрагменты принадлежат нескольким сосудам и, как правило, не склеиваются. В нескольких слу-

¹⁶ В. П. Петров. Памятники корчакского типа..., стр. 17—23.

¹⁷ Я. В. Яроцкий. Могильники по среднему течению р. Уборти. «Археологическая летопись Южной России за 1903 г.» Киев, 1904, 176—181.

¹⁸ С. И. Пеняк. Исследование древнеславянских памятников..., стр. 597—598.

¹⁹ Там же, стр. 598—600.

²⁰ В. П. Петров. Памятники корчакского типа..., стр. 30.

²¹ Ю. В. Кухаренко. Курганы у с. Селец. МИА, № 108, 1963, стр. 316—320.

²² И. П. Русанова. Раскопки курганов на Вольни, стр. 278.

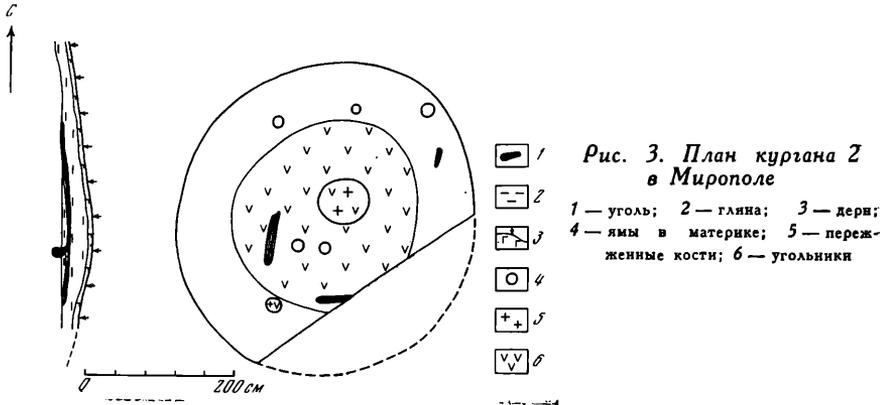
²³ О. Karpińska. Kurhany z okresu rzymskiego w Polsce ze szczegolem umglednieniem typu sidlemińskiego. Poznań, 1926, стр. 94.

²⁴ Л. Д. Поболь. Древности Туровщины. Минск, 1969, стр. 65—67.

²⁵ Там же.

чаях на горизонте рядом с кострищем стояли или лежали боком целые сосуды, заполненные землей.

Рассматривая курганы с трупосожжением и лепной керамикой в целом, можно заключить, что сожжения умерших всегда происходили на стороне, вне кургана, пережженные кости в редких случаях собирались в урны, поставленные в насыпи или на горизонте под насыпью, но в большинстве случаев были положены или на небольшом кострище на материке или в неглубокую ямку. По-видимому, были широко распространены прямоугольные или круговые оградки около погребений. Оградки состояли из отдельно стоявших вертикальных столбиков, основания которых иногда помещались в круговые канавки, или из горизонтально лежавших бревен.

Оградки известны лишь в небольшом числе, вероятно, в силу их плохой сохранности и несовершенных методов раскопок.

Вещей в курганах почти нет. Кроме керамики, найдены глиняные пряслица, железные ножи и в двух курганах — металлические вещи. В кургане у с. Зубковичи обнаружена бронзовая пуговка с плоской головкой и оплавившиеся кусочки других бронзовых вещей²⁶. У с. Климентовичи встречены железные удила, железная и костяная пряжки. Ю. В. Кухаренко датирует эти вещи VI—VIII вв.²⁷ Керамика из курганов относится как к наиболее ранним вариантам типа Корчак, так и к более поздним типа Луки Райковецкой. При этом урнами в погребениях служили лишь сосуды наиболее ранних форм (Мирополь, курган 3, Корчак, курган 8, Шепетовка, курган 3, раскопанные С. С. Гамченко). Исходя из этого, можно считать, что курганы с урновыми погребениями относятся только к раннему периоду существования курганов — к VI—VII вв. Но керамика тех же ранних форм известна и из курганов с безурновыми погребениями (Климентовичи, Мирополь, курганы 4, 25, 27, раскопанные С. С. Гамченко, курган 6, раскопанный Ю. В. Кухаренко, курганы 1 и 5, раскопанные И. П. Русановой). Следовательно, курганы с безурновыми погребениями распространены также с раннего времени, но продолжают существовать значительно дольше, вплоть до конца I тысячелетия. В поздних курганах встречена керамика развитых типов и появляются сосуды, сделанные на кругу (Мирополь, курган 16, раскопки С. С. Гамченко, курганы 2, 5, 7, раскопки Ю. В. Кухаренко, Селец, Червенево, Милянковичи).

Судя по керамическому материалу, грунтовые сожжения, курганы с погребениями в урнах и без них сосуществуют в течение всей второй

²⁶ Я. В. Яроцкий. Могильник по среднему течению р. Уборти, стр. 180.

²⁷ Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья, стр. 117—122.

половины I тысячелетия н. э. Такая двойственность погребального обряда может быть в какой-то мере объяснена несовершенством датировки погребений. Датировать по отдельным сосудам и обломкам их можно лишь очень приблизительно, к тому же в погребениях возможно долгое переживание архаических форм сосудов. Но если можно сомневаться в существовании двух обрядов одновременно в раннее время, то остается фактом их совместное распространение в поздний период. Другим объяснением двойственности обряда погребения могут служить различия в социальных или семейных отношениях погребенных. Бескурганные погребения, обычно единичные или немногочисленные, совершались вблизи поселений, иногда среди жилых домов и в связи с этим были обозначены на поверхности лишь легким наземным сооружением. Курганные могильники, как правило, располагаются вдалеке от селений и представляют собой обособленные «поселки мертвых», служившие общим кладбищем-погостом для населения более отдаленных окрестностей. Одним из таких погостов являлось скопление ранних и поздних курганов на р. Случь у Мирополя.

В. В. СЕДОВ

РАННИЕ КУРГАНЫ ВЯТИЧЕЙ

Сведения древнерусских летописей об ареале вятичей кратки: «...Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ него же прозвашася Вятичи»¹. Под 1146 и 1185 гг. в летописях названы вятические города Козельск, Дедославль и Корачев², расположенные в бассейне верхней Оки. В Тверской, Львовской и Ермолинской летописях сообщается, что «Вятичи и до сего дня, еже есть Рязанцы»³. Таким образом, территория расселения вятичей охватывала бассейны верхнего и среднего течения Оки.

Вятические курганы с труположениями и их вещевые инвентари были прекрасно систематизированы и интерпретированы А. В. Арциховским⁴. В небольшой по объему, но очень насыщенной книге этот исследователь обработал все накопленные к 30-м годам XX в. археологические материалы по вятичам и сделал важные историко-археологические выводы, не потерявшие своего научного значения и поныне. Выделенные им предметы — семилопастные височные кольца, хрустальные и желтостеклянные шарообразные бусы, решетчатые перстни и пластинчатые загнутоконечные браслеты, весьма характерные для вятичей, позволили в деталях обрисовать вятическую племенную территорию XII—XIV вв. В последних десятилетиях раскопано еще около трех тысяч вятических курганов. Однако пределы вятического ареала остались неизменными (рис. 4).

Более ранний регион вятичей может быть очерчен по распространению курганов с трупосождениями. Когда А. В. Арциховский писал монографию о вятичах, такие курганы были почти не известны. Исследователь привел слова летописца: «И радимичи, и вятичи, и северь одинъ обычай имяху: ...аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху краду велику, и въсложакуть и на краду, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаку в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и няне», — и сделал вывод, что до XII в. вятичи хоронили «на столпе, на путях», а от такого обряда на долю археологов ничего не остается⁵.

Однако этимология древнерусского слова «столб» не ограничивается значением «столб, бревно». В памятниках русской письменности XI—XVI вв. столпами называются и небольшие надмогильные домики и саркофаги⁶. Летописец из Переславля-Залесского, писавший в начале XIII в., к словам текста «Повести временных лет» о постановке погре-

¹ ПСРЛ, т. I, стб. 12.

² Там же, т. II, стб. 336—338.

³ Там же, стб. 637.

⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

⁵ Там же, стр. 151, 152.

⁶ Б. А. Рыбаков. Нестор о славянских обычаях. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 43.

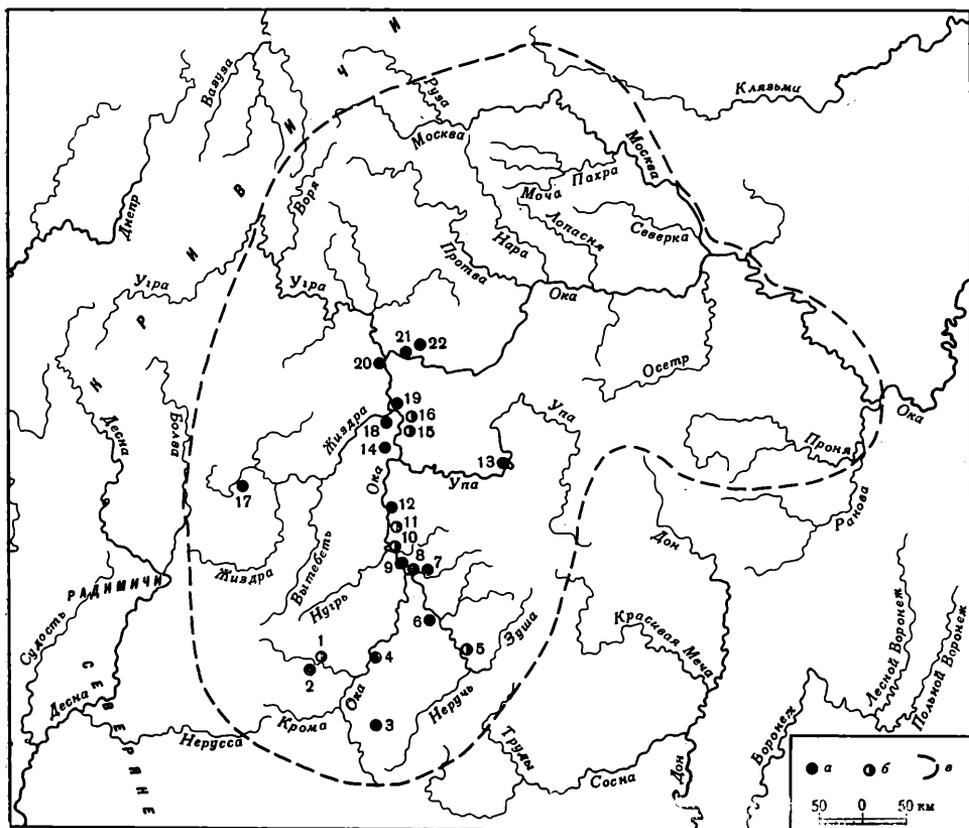

Рис. 4. Карта распространения вятических курганов с трупосожжениями

а — группа курганов с трупосожжениями первого типа; б — могильники с курганами, содержащими деревянные камеры; в — граница вятического ареала (по курганам с трупосожжениями XI—XIV вв.); 1 — Лебедка (уроч. Игрище); 2 — Лебедка; 3 — Плата; 4 — Спасское; 5 — Ворынцево; 6 — Мценск; 7 — Городище; 8 — Никитина; 9 — Шлыково; 10 — Воронеж; 11 — Песковатое; 12 — Голубочки; 13 — Тризново; 14 — Городок; 15 — Западная; 16 — Доброе; 17 — Солоново; 18 — Кудиново; 19 — Вороново; 20 — Слевидово; 21 — устье Калужки; 22 — Ждамирово

бального сосуда на столпе добавляет: «...и в курганы сыпаху», а «краду великую» интерпретирует как «громада дров велия»⁷. Поэтому летописное описание вятического погребального обряда можно понимать как захоронение остатков трупосожжения в курганных насыпях с деревянными конструкциями в виде домиков или со столбами.

Поиски ранних курганов вятичей начал П. Н. Третьяков, отнесший к числу таковых насыпи середины I тысячелетия н. э. типа Шаньково—Почепок, раскопанные в 80-х годах прошлого столетия Н. И. Булычковым в бассейне Угры⁸. Однако раскопки, произведенные в последние десятилетия на поселениях I тысячелетия н. э. в верхнеднепровском бассейне и на верхней Оке, показали, что древности типа Шаньково—Почепок принадлежат дославянскому населению. Это — памятники мощинской культуры, оставленные предками летописной голяди⁹.

⁷ «Летописец Переславля-Суздальского». М., 1851, стр. 4.

⁸ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 48—51.

⁹ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 43—48. П. Н. Третьяков полагает, что эти древности принадлежат окским балтам, испытавшим некоторое славянское воздействие (П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 294—297).

Известные же к настоящему времени в ареале вятичей достоверно славянские курганы с трупосожжениями относятся к VIII—XI вв. (рис. 4). Они подразделяются на два типа — курганы без погребальных камер и курганы, имеющие внутренние деревянные камеры, в которые помещались остатки трупосожжений. Курганы первого типа в целом аналогичны погребальным насыпям IX—X вв. других восточнославянских территорий. В вятическом регионе они принадлежат к числу наиболее распространенных и встречены во всех пунктах, где имеются насыпи с трупосожжениями.

Одним из наиболее исследованных в земле вятичей является курганный могильник, расположенный в урочище «Игрище» в 0,5 км севернее с. Лебедки в бассейне Цона, левого притока Оки. В разные годы И. Е. Евсеевым, П. С. Ткачевским, К. Я. Виноградовым и Т. Н. Никольской здесь раскопаны 32 кургана¹⁰. Обряд погребения — трупосожжение на стороне. Собранные с погребального костра кальцинированные кости кучкой или в глиняной урне помещались прямо в курганной насыпи, в ее основании или верхней части. Многие насыпи содержали по одному захоронению, другие — от двух до четырех. В основаниях погребальных насыпей зафиксированы кольцевые (реже прямоугольные) оградки, от которых остались канавки и ямки от вертикальных столбов. Большинство захоронений безынвентарные. Вещи встречены в двух погребениях: в одном — сплавленные стеклянные бусы, билоновая ажурная пряжка и медные спиральки, в другом — железная пряжка. Глиняные урны Лебедкинских курганов — лепные и имеют аналогии среди материалов рядом расположенного поселения, нижний слой которого относится к VIII—X вв.¹¹ Очевидно, что и описываемые курганы принадлежат к тому же времени. Есть среди Лебедкинских курганов и насыпи второго типа, о которых подробнее будет сказано ниже.

В верховьях бассейна Оки курганы первого типа раскапывались также при дер. Плата, где в насыпи найдены глиняный горшок с кальцинированными костями и обломок второго сосуда¹², и при с. Спасском, где П. С. Ткачевским сожженные косточки встречены в насыпи, а на материке зафиксирован зольный слой с костями, среди которых оказался кусочек зеленоватого стекла¹³. Во второй курганной группе при с. Лебедки еще в 1906 г. раскопана насыпь с раздавленным глиняным сосудом, наполненным сожженными костями¹⁴.

В бассейне Зуши, правого притока верхней Оки, подобные курганы с сожжениями открыты близ Мценска¹⁵, при дер. Шлыково¹⁶ и около хут. Никитина¹⁷. В Мценском могильнике сожженные косточки находились в основаниях курганов. В одном из них на материке расчищено скелетное захоронение, а в насыпи встречены кальцинированные кости. В большей части Шлыковских курганов, исследованием которых занимались В. Р. Апухтин, И. Е. Евсеев и П. С. Ткачевский, остатки трупосожжений помещены выше материка. Все погребения безынвентарные и часть — безурновые. В одном из курганов (раскопки В. Р. Апухтина)

¹⁰ И. Е. Евсеев. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения реки Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши. «Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда», вып. 2. М., 1908, стр. 29—52; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1952, стр. 75—78, 120, 122; Архив ЛОИА, д. АК, № 1906/72; дела ГАИМК № 1925/144, 1927/172, 1929/192.

¹¹ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 176—197.

¹² Архив ЛОИА, д. АК, № 1906/72.

¹³ Там же, д. ГАИМК, № 1925/144.

¹⁴ Там же, д. АК, № 1906/72.

¹⁵ Е. И. Евсеев. Исследование городищ и курганов..., стр. 42, 43.

¹⁶ Там же, стр. 44—46; Архив ЛОИА, д. АК, № 1902/110, 1903/113, 1906/72; д. ГАИМК, № 1925/144.

¹⁷ Архив ЛОИА, д. ГАИМК, № 1926/117.

в западном поле на 0,35 м выше основания расчищена глиняная площадка, на которой были насыпаны кальцинированные кости и стояли четыре лепные урны, наполненные сожженными костями. Горшки по форме близки к роменским.

Далее вниз по Оке курганы с трупосожжениями того же типа открыты В. А. Городцовым и В. Р. Апухтиным в Воронце¹⁸. Здесь в одной насыпи остатки трупосожжения находились на материке, в другой — в глиняной урне. Один курган, содержащий несколько безурновых трупосожжений на горизонте, раскопан Е. В. Лавровой в дер. Городище¹⁹. Среди кальцинированных костей найдены сплавы голубого стекла. Курганы, раскапываемые Н. Ю. Зографом в Голубочках, содержали по одному безурновому трупосожжению²⁰. Два кургана, исследованные В. Р. Апухтиным в Городке, заключали сожженные кости, собранные кучкой и накрытые горшками²¹. К этому же типу принадлежат два кургана из трех, раскопанные в с. Песковатом Ф. А. Афремовой, С. И. и Е. Н. Липеровскими и И. М. Собакиным²². В первом из них на середине высоты открыта кучка кальцинированных костей среди угольного включения, во втором — четыре кучки сожженных костей (одна сверху и три на материке). При погребениях найдены обломки сосудов и глиняное пряслице.

Курганы описываемого типа составляли основную часть могильников близ дер. Западной на правом берегу Черепети недалеко от ее впадения в Оку (раскопки Ю. Г. Гендуне и С. А. Изюмовой)²³ и при с. Доброе (раскопки Н. И. Булычова и С. А. Изюмовой)²⁴. В одном кургане последнего могильника раскопками Н. И. Булычова открыто неполное трупосожжение. Установлено, что умерший был положен головой к западу. В 1957 г. два кургана с сожжением того же типа раскопаны С. А. Изюмовой при дер. Тризново на р. Упе²⁵.

На правом берегу Оки, почти напротив устья Жиздры, у дер. Вороново один курган с остатками трупосожжения в урне роменского облика раскопан в 1958 г. Т. Н. Никольской²⁶. В 1936 и 1937 гг. курганы с трупосожжениями в урнах и без них исследовались К. Я. Виноградовым у дер. Кудиново²⁷. В верховьях р. Жиздры у дер. Солонovo в кургане, раскопанном В. И. Лабунским, открыты два рядом лежавших глиняных горшка, из которых в малом находились кальцинированные кости²⁸.

Самые северные курганы с сожжениями находятся в окрестностях Калуги. В устье р. Калужки в 1896 г. четыре кургана раскопаны И. Д. Четыркиным²⁹. В трех из них погребений не обнаружено, а в четвертом сверху открыто три древнерусских гончарных горшка, поставлен-

¹⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. «Археологические известия и заметки», 1898, № 7-8, стр. 225, 226; он же. Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки 1897 г. «Древности», т. XVIII, 1900, стр. 14—20; Архив ЛОИА, д. АК, № 1902/110.

¹⁹ Е. В. Лаврова. О раскопках курганов в Белевском уезде Тульской губ. «Вестник археологии», вып. VII. СПб., 1888, стр. 211—214.

²⁰ А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. ЭРАО, т. XI, вып. 1-2, 1899, стр. 197.

²¹ Архив ЛОИА, д. АК, № 1902/110.

²² Архив ЛОИА, д. ГАИМК, № 1921/102.

²³ С. А. Изюмова. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной. СА, 1964, № 2, стр. 151—163; Архив ЛОИА, д. АК, № 1903/15.

²⁴ Н. И. Булычов. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 7—10; С. А. Изюмова. Курганы у с. Доброе Тульской области. СА, 1970, № 1, стр. 191—201.

²⁵ С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново. СА, 1961, № 2, стр. 252—258.

²⁶ Архив ИА, р.—1, № 1958/1760.

²⁷ Архив ЛОИА, д. ГАИМК, № 1937/199.

²⁸ В. И. Лабунский. Раскопки в Калужской губернии в 1891 г. «Древности», т. XVI, 1900, стр. 69—71.

²⁹ Архив ЛОИА, д. АК, № 1896/41.

ных вверх дном, и много мелких пережженных костей. Вблизи у дер. Ждамирово тем же исследователем в 1895 г. исследован курган с углистым слоем, содержащим много кальцинированных костей³⁰. Наконец, в 1940 г. Г. П. Гроздилов раскопал два кургана близ дер. Слевидово, заключавших захоронения по обряду ингумации и кремации и датировемых XII в.³¹

Вятические курганы второго типа — насыпи с погребенными домовинами, сложенными из дерева, менее многочисленны и пока известны только в шести могильниках — при населенных пунктах Воронеж, Доброе, Западная, Лебедка, Песковатое³² и Воротынцево³³. За исключением Воротынцевского кургана все эти насыпи располагались в общих группах с насыпями первого типа и вперемежку с ними. Курган в Воротынцеве был одиночным. Исследователь курганов в Воронеже В. А. Городцов отметил, что дощатые камеры здесь сооружались под западной полой насыпи. Входы в них закладывались камнями или закрывались досками. Очевидно, погребальные домовины открывались при новых захоронениях. В Песковатовском кургане ящик оказался обугленным и имел размеры 2,3×0,7 м. В нем содержалось очень большое количество кальцинированных костей, очевидно, принадлежащих нескольким индивидуумам. Одно из захоронений помещалось в древнерусском гончарном сосуде, украшенном линейным орнаментом. По-видимому, захоронения в этом кургане совершались еще в X—XI вв. В горшке, кроме сожженных костей, оказались проволочный перстень и куски сплавленного стекла. Обугленность погребальных сооружений наблюдалась и в других курганах.

В курганах близ дер. Западной погребальные камеры были срубными. Вход в камеры также заваливался камнями. Подобный сруб размерами 1,4×1 м, высотой 0,25 м, с полом и крышей открыт при раскопках одного из курганов в с. Добром. Внутри него находились три скопления кальцинированных костей, обломки лепных сосудов и стеклянные бусы, позволившие датировать курган IX—X вв. В камере Воротынцевского кургана находились два целых и два раздавленных сосуда, близких к горшкам роменской культуры.

Курганы с погребальными домовинами специфичны, но не составляют этнографической особенности вятического ареала. Помимо верхнеокского региона, подобные курганы известны в области расселения радимичей и северян (Попова Гора, Демьянки, Шуклинка³⁴, а также на Дону³⁵). Позднее, в XI—XII вв., подобные теремки-домовины встречаются в курганах с труположениями, главным образом в областях расселения дреговичей и радимичей. Анализ последних курганов позволяет предполагать, что сооружение деревянных домовин принадлежит к элементам погребальной обрядности субстратного населения — днепровских балтов³⁶.

Очевидно, такое же происхождение погребальных камер в вятических курганах с трупосожжениями. Балтские прототипы их в бассейне Оки известны. Это — курганы с погребальными домовинами, исследованные

³⁰ Архив ЛОИА, д. АК, № 1895/67.

³¹ С. И. Изюмова. Курганы у деревни Слевидово. СА, 1970, № 4, стр. 237, 238.

³² См. сноски 10, 18, 22, 23 и 24.

³³ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки..., стр. 52—54. По мнению исследовательницы, этот курган содержал и более ранние захоронения с керамикой мощинского типа.

³⁴ А. А. Спицын. Курганы, раскопанные П. М. Еременком в Суражском уезде. ЗРАО, т. VIII, вып. 1-2, 1896, стр. 85; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки..., стр. 83; Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ с. Демьянки. СА, 1967, № 1, стр. 189—190.

³⁵ П. П. Ефименко, П. Н. Третяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 79—91, 110—112.

³⁶ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 88, 89.

курганов кольцевые канавки, по-видимому, оставались незамеченными. Новейшие раскопки показывают, что они спорадически встречаются от юго-западных областей восточнославянского ареала до Суздальского ополья⁴⁰.

Как подметил П. Н. Третьяков, курганные кольцевые оградки напоминают «ограды» языческих святилищ балтского населения Смоленщины⁴¹. Кольцевые оградки в курганах типа Шаньково, по-видимому, генетически связаны с местными культовыми строениями балтов.

Таким образом, некоторые ранние курганы вятичей по ряду своих особенностей обнаруживают преемственность с древностями местных балтов. Зато керамический материал из вятических курганов VIII—IX вв. существенно отличается от мощинской посуды. Вятическая керамика и полуземляночные жилища, известные по синхронным поселениям, сопоставимы со славянскими древностями более южных областей Восточной Европы — роменскими Днепровского лесостепного левобережья, типа Луки-Райковецкой правобережной лесостепи и т. п.

Можно полагать, что в начале VIII в. на верхнюю Оку пришла группа славян под предводительством Вятки⁴². Этноним вятичи произведен от имени Вятко⁴³, о чем прямо сообщает «Повесть временных лет». Расселившись в земле голяди, славяне постепенно смешались с аборигенами и ассимилировали их, унаследовав некоторые элементы их культуры.

Балтские элементы спорадически обнаруживаются и в более поздних вятических курганах с труположениями. Так, В. А. Городцовым в двух курганах близ Воскресенска открыты дощатые ящики-камеры, в которых находились скелеты. Как и в более раннее время, ящики строились сбоку насыпей, чтобы их можно было открыть для новых захоронений⁴⁴. Аналогичный курган с деревянной камерой, в которой находился скелет с семилопастными височными кольцами, исследован Н. И. Бульчовым в урочище «Меренище» на Болве⁴⁵. В вятическом регионе зафиксированы случаи восточной ориентировки умерших (Войлово, Васильевское, Субор, Леоново, Ступенки, Ивановское, Шатуны — в бассейнах Жиздры и Угры на пограничье с кривичами; Александровка, Волково, Колоколово, Потапово и Черемушки в бассейне р. Москвы). В курганах средней полосы Восточной Европы такая ориентировка является наследием балтского погребального ритуала⁴⁶.

Все вятические курганы VIII—X вв. сосредоточены в бассейне верхней Оки⁴⁷. Более северные области вятического ареала в это время, по-видимому, были заняты голядью. История славянского освоения этих областей детально восстанавливается по курганам XI—XIV вв. Абсолютное большинство городов вятической земли, упоминаемых летописями в XII в., расположено в области ранних курганов вятичей (рис. 5).

⁴⁰ И. П. Русанова. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 46, 47; М. В. Седова. Раскопки суздальских курганов в 1967 г. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 97—99.

⁴¹ П. Н. Третьяков. Об истоках культур роменско-боршевской древнерусской группировки. СА, 1969, № 4, стр. 89.

⁴² Эта группа славян происходит из большой праславянской группировки, представленной в третьей четверти I тысячелетия н. э. памятниками с керамикой пражского типа и занимавшей обширную территорию от верхней Эльбы на западе до Киевского Поднепровья на востоке.

⁴³ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, стр. 376.

⁴⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 106.

⁴⁵ Н. И. Бульчов. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 года. М., 1903, стр. 47.

⁴⁶ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 103—121; он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 162—171.

⁴⁷ Выше уже говорилось, что курганы IX—X вв. с погребальными домовинами известны также на верхнем Дону и, очевидно, свидетельствуют об участии верхнеокского населения в колонизации этого района.

П. А. РАППОРТ

О МЕТОДИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

История древнерусской архитектуры — наука еще сравнительно молодая и бурно развивающаяся. За последние 20 лет в этой области сделаны чрезвычайно важные открытия, во многом изменяющие наши представления о целых этапах развития русской архитектуры. Успешное развитие историко-архитектурных знаний и значительное накопление нового материала в большой степени связано с широко развернувшимися за последние годы археологическими раскопками памятников зодчества. В особенности это относится к домонгольскому периоду русской архитектуры. В результате археологических раскопок даже само количество памятников архитектуры X—XIII вв., которые доступны изучению, увеличилось почти в три раза¹.

Конечно, здания, обнаруженные при раскопках, не могут конкурировать с целиком сохранившимися постройками, поскольку в раскопках раскрываются лишь нижние части сооружений; о верхних их частях можно судить только предположительно. Однако даже и такие раскопанные сооружения, от которых сохранились только части фундаментов, часто дают неоценимые сведения для воссоздания общей картины развития древнерусской архитектуры.

Количество памятников русской архитектуры X—XIII вв., еще не вскрытых раскопками, быстро уменьшается. В отличие от древнерусских городищ, сотни которых еще ждут исследователей, памятники зодчества, лежащие под землей, могут быть исчерпаны уже в самое ближайшее время. Естественно поэтому, какое большое значение имеет каждый памятник архитектуры, на котором сейчас проводятся раскопки. Данные, полученные при таких раскопках, может быть, уже нельзя будет проверить на другом подобном памятнике, поскольку само количество нераскопанных памятников уже очень невелико. К этому следует добавить, что в процессе раскопок страдает сохранность остатков сооружений, а также нарушается стратиграфия напластований. Поэтому вторичные раскопки памятников архитектуры всегда представляют значительно меньшие возможности для исследования.

Между тем, к сожалению, и сейчас еще очень часто в итоге археологического изучения в науку вводятся лишь самые минимальные сведения о здании: схема плана, общая характеристика кладки и строительных материалов. Ограниченность же таких сведений объясняется зачастую не столько плохой сохранностью самой постройки, сколько несовершенством методики раскопок.

¹ П. А. Раппорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. СА, 1962, № 2, стр. 61.

Памятники архитектуры — чрезвычайно сложные объекты. К раскопкам таких памятников нельзя подходить с обычной археологической методикой, поскольку раскопки здания требуют совершенно специфических, чисто архитектурных приемов изучения и фиксации. Нарушение этого требования приводит к невосполнимым потерям, к тому, что ни строительно-техническая, ни архитектурно-художественная стороны памятника не будут изучены с достаточной полнотой. Но, с другой стороны, односторонне-архитектурный подход, не подкрепленный профессиональными археологическими методами, может вырвать здание из культурного слоя, и в этом случае останутся непонятными все вопросы, связанные с окружением памятника, с процессом его строительства и разрушения.

Таким образом, методика раскопок памятников архитектуры значительно сложнее и разнообразнее, чем при раскопках большинства других археологических объектов. К сожалению, в повседневной археологической практике при вскрытии памятников архитектуры методические требования часто нарушаются, главным образом потому, что производители работ не всегда знают полный объем таких требований.

Все методические требования, относящиеся к раскопкам архитектурных объектов, могут быть объединены в три группы:

- 1) археологические требования;
- 2) требования, связанные с изучением архитектурно-художественной стороны памятников;
- 3) требования, связанные с изучением строительно-технических особенностей раскапываемых зданий.

Методические требования первой группы обозначают по существу лишь то, что при раскопках памятников архитектуры должны строго соблюдаться все методические приемы, принятые при археологическом изучении древних поселений. То, что объектом раскопок является не древнерусское дерево-земляное жилище, а монументальное, каменное или кирпичное здание, не избавляет исследователя от необходимости вести раскопки тщательно и подробно, внимательно следить за стратиграфией и точно фиксировать все профили раскопов. Конечно, при раскопах архитектурных объектов многие методические приемы могут быть несколько видоизменены. Так, можно иначе организовать регистрацию и привязку находок, вместо квадратной сетки может быть принята другая система разбивки раскопа и пр. Однако речь идет о сознательном изменении методики, а отнюдь не об ее упрощении.

Правильная организация раскопок и тщательные стратиграфические наблюдения неоднократно давали археологам возможность делать очень важные выводы. В качестве примера можно привести раскопки Десятинной церкви в Киеве, под которой были выявлены более древнее языческое кладбище и тайник, отрытый киевлянами, спасавшимися в церкви в момент монгольского штурма².

Стратиграфические наблюдения иногда дают ценные сведения не только по истории города и примыкающего к зданию района поселения, но и для характеристики самого памятника архитектуры. Так, например, в 1960 г. был раскопан древний храм в Путивле³. Автор раскопок датировал здание второй половиной XII в. В 1965 г. здание было вскрыто вторично и более тщательно⁴. Анализ напластований культурного слоя на участке, вплотную примыкавшем к церкви, показал, что слой строительства здания лежит непосредственно под слоем пожара города, связанного с мон-

² М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 45—140.

³ В. А. Богусевич. Раскопки в Путивльскому кремлі. «Археологія», т. XV. Київ, 1963, стр. 165.

⁴ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Путивле. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 154.

гольским нашествием. Это дало основания Б. А. Рыбакову убедительно датировать церковь 30-ми годами XIII в.

Очень важно, чтобы стратиграфия была изучена не только на участках вне постройки, но и внутри нее. При раскопках церкви Покрова на Нерли, когда были открыты основания древней галереи, именно стратиграфия напластований внутри церкви и галереи дала убедительные доказательства полной одновременности их постройки⁵.

Археологические методические требования, даже если они несколько видоизменены в связи с применением их к архитектурному объекту, достаточно знакомы археологам, и поэтому случаи нарушения этих требований обычно бывают связаны либо просто с низкой квалификацией руководителя раскопок, либо с неоправданной поспешностью в проведении работ.

Гораздо более специфичны методические требования второй группы, связанные с изучением архитектурно-художественной стороны памятников зодчества. Эти требования иногда недостаточно учитывают даже квалифицированные археологи, имеющие большой археологический опыт, но мало знакомые с архитектурой. Недостаточное понимание того, какие элементы следует проследить и зафиксировать в раскапываемых руинах здания, порой ведет к утере важнейших данных, которые во многом позволили бы дополнить представления о первоначальном облике древнего памятника. Так, сколько раз в археологических отчетах о раскопках фигурируют указания на то, что в постройках были найдены остатки древних полов из поливных керамических плиток. Однако отсутствие точных фиксиционных чертежей не позволяет судить о том, каков был характер этих полов. Между тем детальный обмер остатков пола в некоторых случаях мог бы дать возможность реконструировать его рисунок. Например, на основании обмера остатков майоликового пола, обнаруженного при раскопках так называемой Нижней церкви в Гродно, М. В. Малевская впоследствии смогла полностью реконструировать своеобразную композицию этого пола⁶. При раскопках внутри Киевского Софийского собора были найдены лишь жалкие остатки древних мозаичных полов. Но в раскопках были прослежены линии, процарапанные по известковой подготовке пола и служившие для предварительной наметки рисунка мозаичных полов. Точная фиксация этих линий позволила графически воссоздать почти весь рисунок великолепного коврового убранства полов Киевской Софии⁷. При раскопках церкви на Малой Рачевке в Смоленске выяснилось, что сохранность здания очень плохая и полы не сохранились. Тем не менее тщательная разборка всех кирпичных завалов внутри здания позволила выделить несколько кирпичей, лежавших в непо потревоженном состоянии и являвшихся остатками древнего кирпичного пола церкви⁸.

Следует отметить, что иногда вызывает затруднения фиксация архитектурной профилировки здания, особенно в том случае, когда постройка выполнена из плохо сохранившегося и разрушающегося кирпича. Очень важно также уметь сразу же отделить первоначальные формы здания от более поздних доделок. Так, при раскопках церкви Спаса в Чернушках (Смоленск) были зарегистрированы сложнопрофилированные лопатки, имевшие необычно грубый вид и заканчивавшиеся не круглой, а прямоугольной тягой. Повторные раскопки этой церкви в 1964 г. показали, что зафиксированная ранее форма лопаток отражает их переделку в XVI в.,

⁵ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. т. 1. М., 1961, стр. 277—281.

⁶ М. В. Малевская. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно. Сб. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 146.

⁷ М. К. Каргер. Древний Киев, т. II. М.—Л., 1961, стр. 186—204. Реконструкция выполнена М. В. Малевской.

⁸ Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Раскопки в Смоленске в 1966 г. СА, 1969, № 2, стр. 213.

а первоначальные пучковые лопатки имели гораздо более тонкие и изящные формы⁹.

К той же, второй группе методических требований относятся и все вопросы, связанные с фиксацией и, если нужно, консервацией остатков древней монументальной живописи. В тех случаях, когда живопись сохранилась в большом количестве и снятие ее со стен представляет значительные трудности, это должны выполнять специалисты-реставраторы. Какие блестящие результаты может дать бережное отношение к плохо сохранившимся остаткам живописи, можно судить хотя бы по тем росписям, которые были сняты со стен раскопанной церкви на Протоке (Смоленск) и вывезены в Государственный Эрмитаж¹⁰. Однако каждая археологическая экспедиция, ведущая раскопки памятников архитектуры, должна иметь достаточно подготовленных сотрудников и необходимые материалы, чтобы в случае необходимости произвести своими силами снятие хотя бы небольших кусков штукатурки с живописью со стен раскапываемого здания. Так, очень интересные фрагменты монументальной живописи были сняты В. И. Матвеевой при раскопках в Смоленске церковью на Воскресенском холме и на Окопном кладбище.

Практически при проведении раскопок памятников архитектуры чаще всего нарушаются методические требования третьей группы, т. е. связанные с изучением строительно-технической стороны раскапываемого объекта. Непонимание важности такого рода наблюдений приводит к тому, что почти в половине раскопанных за последние годы памятников архитектуры XI—XIII вв. нет возможности анализировать их технологическую сторону. Довольно часто в публикациях считают вполне достаточным указать, что здание сложено из белокаменных блоков или из плоских кирпичей (плинфа). В том случае, когда приводят размер кирпичей, обычно указывают один «средний» размер. Но такие сведения совершенно недостаточны. Детальный анализ показывает, что в большинстве древнерусских зданий кирпичи имеют несколько варьирующиеся размеры, и промер большого количества кирпичей обычно дает возможность выявить несколько серий стандартов кирпичей. Но даже точный промер кирпичей и наличие общей характеристики кладки в действительности являются лишь незначительной частью тех наблюдений, которые следует провести в процессе раскопок. Для того, чтобы правильно понять объем и характер необходимых наблюдений, неизбежно надо иметь определенный минимум технологических знаний.

Подробное описание характера кладки и растворов, толщины швов и системы их перевязки имеют не меньшее значение, чем промер самих кирпичей. При фиксации раскопанных частей кирпичной постройки недостаточно нанесения на чертеж общих форм памятника и даже выполнения деталей с изображением всех кирпичей. Такие детальные чертежи все равно будут давать случайную картину и не раскроют характера кладки. Для выяснения системы кладки нужно на каком-то участке стен (лучше на углу или у лопатки) выровнять кладку по горизонтали и нанести полученную картину на чертеж, а затем аккуратно снять один ряд кирпичей и нанести на чертеж кладку нижележащего ряда. Только сопоставление рисунка кирпичной кладки двух соседних рядов может раскрыть принцип перевязки швов и общую систему кладки. При этом следует иметь в виду, что технологические детали — толщина и характер швов, способ их подрезки и пр. — должны быть отмечены даже в том случае, если эти детали на первый взгляд не дают оснований для каких-либо выводов. Данные,

⁹ Н. Н. Воронин. К истории смоленского зодчества XII—XIII вв. Сб. «Смоленск, Материалы юбилейной научной конференции». Смоленск, 1967, стр. 110.

¹⁰ Е. Г. Шейнина. Методика снятия стеновых росписей храма XII в. Смоленске. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 33.

которые сейчас кажутся маловажными, могут в дальнейшем оказаться, наоборот, очень существенными. Так, например, при раскопке церкви на Протоке в Смоленске было отмечено наличие в кирпичной кладке своеобразных двойных швов. Позднее именно на основании наличия этих швов и сопоставления их с подобными обмерами сохранившихся участков поверхностей стен (с показанием разбивки их на кирпичи) М. Б. Чернышев смог подсчитать производительность труда каменщиков XII в.¹¹

Большое значение имеет характер обработки фасадных поверхностей кирпичной кладки. В церкви на Протоке в Смоленске фасады имели косую подрезку швов снизу вверх, не совсем обычную для русской архитектуры XII в. Через несколько лет (в 1967 г.) в Смоленске была раскопана церковь на Окопном кладбище¹². Церковь эта по своим архитектурным формам оказалась очень близкой к церкви на Протоке. Ее фасады не имели подрезки швов, но пилон, выстроенный несколько позднее для укрепления западной галереи, имел именно такой характер обработки поверхности. Эта деталь сразу же определила хронологическое соотношение двух данных памятников: церковь на Окопном кладбище была построена несколько раньше, чем церковь на Протоке.

При описании древних кирпичей в постройках Чернигова, Смоленска, Гродно и некоторых других городов отмечено наличие на этих кирпичах своеобразных клейм на торцах или постелях. В свое время И. М. Хозеров опубликовал целый ряд таких клейм из материалов смоленских памятников¹³. При раскопках бесстолпной церкви на Смоленском детинце выяснилось, что на кирпичах этой церкви имеются клейма, совпадающие с клеймами Борисоглебской церкви на Смядыни, опубликованными И. М. Хозеровым¹⁴. Точный смысл кирпичных клейм до сих пор еще не установлен, но совпадение некоторых довольно сложных их рисунков безусловно означает выполнение их одной группой мастеров. Церковь на Смядыни датирована летописью и, таким образом, бесстолпная церковь на детинце приобрела достаточно уверенную датировку. Но более того, на детинце было раскопано еще и гражданское здание — остатки княжеского или епископского дворца. Техника его кладки оказалась идентичной технике бесстолпной церкви, а на постели одного из кирпичей в кладке дворца было найдено клеймо, оттиснутое тем же штампом, что и соответствующее клеймо на кирпиче бесстолпной церкви. Таким образом, детальное наблюдение и прорисовка всех клейм на кирпичах позволили датировать обе расположенные на детинце постройки¹⁵.

Крайне недостаточное внимание обычно уделяется изучению фундаментов раскапываемых построек. Между тем кладки фундаментов бывают очень разнообразны по типу, и их исследование может дать ценные сведения как для истории древнерусской строительной техники, так и для характеристики здания в целом¹⁶. При раскопках церкви Спаса в Чернушках в Смоленске удалось определить величину осадки фундамента по отношению к древнему уровню поверхности земли. Оказалось, что в центральной части церкви осадка довольно значительная, в боковых ча-

¹¹ М. Б. Чернышев. О производительности труда каменщиков в древней Руси. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 292.

¹² Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Раскопки в Смоленске в 1967 г. СА, 1971, № 2, стр. 186.

¹³ И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. «Научные известия Смоленского гос. университета», т. V, вып. 3. Смоленск, 1929.

¹⁴ Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники. СА, 1967, № 3, стр. 298.

¹⁵ Там же, стр. 300.

¹⁶ Так, например, совершенно неожиданная и очень своеобразная конструкция фундамента была обнаружена при раскопках башни в Черторыйске (П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, стр. 143).

стях — гораздо меньше, а в галерее — совсем ничтожная. При одинаковом грунте осадка фундамента зависит исключительно от веса давящих на фундамент частей здания. Следовательно, центральная часть церкви Спаса должна была иметь гораздо большую высоту, чем боковые части, а галерея была, очевидно, совсем низкой. Эти наблюдения в сочетании с изучением архитектурных форм здания позволили в общих чертах реконструировать объемную композицию памятника¹⁷.

В тех случаях, когда оказывается, что фундамент древней постройки выбран на камень, может оказаться, что важнейшее значение имеет изучение фундаментных рвов. Так, если бы не сохранились очертания фундаментного рва, не удалось бы определить крайне своеобразную в плане форму апсид в церкви на Окопном кладбище в Смоленске (раскопки 1967 г.). Целиком из изучения фундаментных рвов получены все данные о плане церкви на усадьбе Художественного института в Киеве¹⁸.

Тщательное соблюдение всех методических требований, детальные наблюдения над стратиграфией раскопа, над архитектурными формами и техническими особенностями раскапываемых построек безусловно должны сопровождаться тщательной фиксацией¹⁹. Очень важно также, чтобы сведения, полученные при раскопках, не были позднее опущены при публикации. Как часто, например, при публикации планов древнерусских храмов забывают поставить на чертеже стрелку ориентации по странам света. Между тем по азимуту церкви можно, как правило, определить день ее закладки.

Сложность раскопок памятников древнерусского зодчества вызывает необходимость наличия в составе археологической экспедиции специалистов различного профиля — археологов, архитекторов, реставраторов. Важно отметить, что это не должно быть механическое соединение разнородных специалистов. Иногда считают, что раскопки памятников архитектуры может проводить любой археолог, если в экспедиции имеется архитектор для проведения обмеров. Однако при таком сочетании специалистов выполнение всех перечисленных выше методических требований явно невозможно. Успешное осуществление поставленных задач может быть достигнуто только в том случае, если в коллективе экспедиции археологи и архитекторы работают совместно над разрешением одних и тех же задач²⁰.

Раскопки памятников древнерусского зодчества могут быть правильно проведены лишь в том случае, если они целеустремленно задуманы, как специальное историко-архитектурное исследование. Только правильная постановка этой проблемы может обеспечить ее успешное решение.

¹⁷ Н. Н. Воронин. К истории смоленского зодчества XII—XIII вв., стр. 112.

¹⁸ М. К. Каргер. Древний Киев, т. II, стр. 394.

¹⁹ По обмерам памятников зодчества при раскопках см., например: «Памятка по обмерам архитектурных сооружений при археологических раскопках». Ленингр. отд. Института археологии АН СССР. Составил П. А. Раппопорт. Л., 1961.

²⁰ Необходимость совместной работы археологов и историков архитектуры при изучении памятников средневекового зодчества очень четко обоснована, например, в статье польского исследователя А. Томашевского (А. Tomaszewski. Archéologie médiévale et histoire de l'architecture médiévale — quelques problèmes de coopération. «Archeologia Polona», v. X, 1968, стр. 233).

А. А. МЕДЫНЦЕВА

О «СУКЛАДНИКАХ»
НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Сложный процесс изучения берестяных грамот неизбежно предполагает разночтения, различные толкования отдельных грамот и терминов. Во многих изданиях археологи, историки, лингвисты снова и снова обращаются к данным грамот на бересте и каждый исследователь вносит что-то новое в их прочтение и понимание. И тем не менее, при большой источниковедческой работе, проделанной над текстами берестяных грамот, очевидно, не один раз придется возвращаться к толкованию некоторых текстов и терминов, в них встречающихся.

К таким грамотам относится одно из писем известного новгородского боярина и политического деятеля Онцифора Лукича (грамота № 349). Это письмо найдено в слое с дендрохронологической датой 1340—1382 гг., что соответствует времени жизни Онцифора (впервые упомянут в летописи в 1342 г., умер в 1367 г.).

А. В. Арциховский при публикации этого письма дал первый перевод и убедительно связал его с именем известного летописного посадника¹. С разделением на слова текст этой грамоты выглядит так: «Челом битие ко госпожи матери от Онсифора. Вели Нестеру рубль скопити да ити к Июрию к сукладнику. Молися ем, чтобы конь купиль. Да иди с Обросиемъ к Степану, жеребий возмя, или возметъ рубль, купи и други конь. Да прошай оу Юрия полтини да купи соли с Обрысиемъ. А миhi и серебра не добудеть до пути, пошли с Нестеромъ симъ. Да пришли 2 кози корякулю, пятенъ, польсти, веретища, миhi и медвидно. Вели оу Максима оу ключника пшенки попрошати. И диду молися, чтобы ихалы в Июрьевъ монастырь пшенки попрошалъ, а сди ее не надияся»². Перевод: «Челобитье к госпоже матери от Онцифора. Вели Нестору рубль скопить да идти с Амфросием к Степану, взяв жеребий, а может быть, он и рубль возьмет, купи другого коня. Да проси у Юрия полтину да купи соли с Амвросием. А если он не добудет мехов и серебра до зимнего пути, пошли за ними с Нестором сюда. Да пошли «2 кози корякулю, пятен», войлочные ковры, мешки, меха и медвежью шкуру. Вели у Максима ключника попросить пшенки. И деда проси, чтобы ехал в Юрьев монастырь и попросил пшенки. А здесь на нее не надейся».

Термин «сукладник» А. В. Арциховский перевел как «укладник» — мастер, делающий сталь, что подтверждается ссылками на источники³. Действительно, этот термин в форме «укладник», восходящий, очевидно,

¹ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 43—47.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 45.

к самому технологическому процессу производства особого сорта стали⁴, встречается в писцовых книгах 1519 г., где среди ремесленников Борисо-Глебского монастыря упомянут «укладник Елсуфко Олешин сын»⁵. В источниках XVII в. (акты о строении в городе Архангельске каменного гостиного двора) упомянуты «кузнецы Сенка Поздеев с товарищи», которые ковали «из своего корельского железа, из суклады, к каменному делу на Орлеце снастей»⁶.

Таким образом, перевод термина «сукладник» — ремесленник, делающий сталь, вполне возможен и подтвержден источниками, правда, значительно более поздними по времени, чем грамота Онцифора. Легко объясняется также то обстоятельство, что у ремесленника Юрия и новгородского боярина и посадника Онцифора были какие-то тесные деловые взаимоотношения: ремесленник мог быть богатым человеком.

При последующих публикациях перевод и толкование этой грамоты получили некоторые уточнения. В. Л. Янин связал эту грамоту с комплексом других посадничьих грамот и предположил, что загадочные «2 кози корякую пятаен» означают мешки из караковых лошадиных шкур⁷. Л. В. Черепнин вполне обоснованно считает, что сукладник Юрий — это человек, через кого, а не у кого, нужно было купить лошадь, и высказывает предположение, что Юрий, у которого нужно взять полтину, чтобы купить соли, возможно, тот же «укладник», а не сын Онцифора. Ремесленники часто выступали ростовщиками, и Онцифор мог сделать такого рода заем у укладника, с которым у него были, по всей вероятности, довольно тесные деловые отношения⁸. Как видно, перевод термина «сукладник» ни у кого из исследователей сомнения не вызывает.

Между тем, возможно, что этот термин употреблен Онцифором совсем в другом смысле. Нужно иметь в виду, что в древнерусском языке значение предлогов *съ* и *сѣ* частично совпадало, обозначая соединение, сближение⁹. Поэтому существовали такие пары слов с одинаковым значением как *сѣпрѣга-сѣпрѣга*; *сѣгбѣын-сѣгбѣын* (удвоенный); *сѣтѣдѣ сѣтѣдѣ-сѣтѣдѣ*¹⁰ и т. д. Следовательно, вполне возможно и существование одинаковых терминов «*сѣккладникъ*» и «*съккладникъ*» от «*съкклад*» — уговор, договор¹¹. Термин «складник» от древнейшего «*съккладникъ*», в смысле «участник одного предприятия», широко известен по актовому материалу и писцовым книгам¹².

Самым ранним документом, где встречен этот термин, являются «Списки обид московским купцам в Литовских землях (посольство от великого князя Ивана Васильевича с Михаилом Еропкиным к королю Казимиру 1490 г.)». «...Князь великий повествует: а в Киеве были торгом летось наши торговцы, тверичи же, Климуша Михалев, да Васко Аннин, складники, у обеих товар заодин был»¹³. В другом документе новгородские купцы, заключенные в Колыванскую крепость, обращаются с челобитной «колыванским посадникам и ратманам» с просьбой отпустить их на поруки

⁴ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 51—53.

⁵ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I. М., 1951, стр. 42, № 23.

⁶ «Дополнения к актам историческим», т. 6, СПб., 1857, стр. 120.

⁷ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1963, стр. 126.

⁸ Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 300, 301.

⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 591.

¹⁰ Там же, стб. 595, 624—625, 629.

¹¹ Там же, стб. 716.

¹² Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 326.

¹³ «Сборник Русского исторического общества», т. XXXV. СПб., 1882, стр. 43.

и разрешить известить об этом своих складников (1484—1504 гг.): «...А коль господине посаднике и ратманы Колыванские, нас пожалуете, а на поруки велите дать, ино господине толды нам будет добро отписать к своим осподарем и своим отцем и своим складникам»¹⁴.

Институт складничества охватывал самые разные слои древнерусского общества. М. Н. Тихомировым доказано существование в Новгороде купеческих объединений, основанных на складничестве, древнейшим из которых было Ивановское сто при церкви Ивана Предтечи на опоках¹⁵. Как показывают исследования Л. В. Даниловой, складничество или «сябренное» землевладение было широко распространено среди различных слоев новгородского населения, особенно часто складнические союзы встречались в промыслах¹⁶. Неизвестно, существовала ли разница между терминами «сябр» и «складник», но в писцовых книгах наряду с сябрами встречаются и складники в земледелии. В Теребужском погосте в деревне Поткола перечислены: «Трофимко Ивашков, сын его Мартынок, складник его Офонаско Денисов, сеют ржи пять коробей...»¹⁷.

Все вышесказанное дает основание перевести «сукладник» из письма Онцифора не как «ремесленник», а как «складник». Трудно сказать, какого рода складничество объединило новгородского боярина Онцифора и Юрия. Они могли выступать складниками и в земледелии, и в торговле.

А. В. Арциховский предположил, что письмо Онцифора могло быть написано в 1342 г.¹⁸, когда отец Онцифора — Лука Варфоломеич был убит на Северной Двине, а сам Онцифор был вынужден бежать из Новгорода после неудачного выступления против посадника и какого-то Одрешки¹⁹. Л. В. Черепнин, исходя из содержания письма, присланного Онцифором в Новгород своей матери, с просьбой прислать и соли, и пшена, и теплой одежды, также считает возможным, что это письмо могло быть прислано Онцифором в 1342 г.²⁰. Конечно, нет твердых доказательств, что грамота № 349 относится к этим событиям 1342 г. Однако все же ясно, что Онцифор находится в неблагоприятных для него условиях, и вполне понятен поэтому его совет матери обратиться за помощью к его складнику Юрию.

Но если в грамоте № 349 термин «сукладник» может быть все же переведен и как «складник», и как «укладник», то контекст грамоты № 133 не оставляет места для сомнений. Это письмо, также найденное в слоях XIV в. (девятого строительного яруса, что соответствует 1340—1369 г.)²¹, дошло до нас в очень плохом состоянии: из него вырваны целые куски бересты. Сохранившаяся часть грамоты без разделения на слова, как она издана А. В. Арциховским: «Поклоноотригоририкос...емо-космену послало...аномосвоимосувладн ...кипунепре сотои ГО... веревкиуз-коиннатодале...гонадцатерубля...сподинепрод — — присобе — ереброксо-безовози». Перевод: «Поклон от Григория к С... к Смену послал... со своим... 9 сотои З...веревки узкой, а то дали...рубля, а ты, господин, продаи при себе, а серебро к себе возьми»²². В. И. Борковским реконструировано начало грамоты: «Поклоно от Григории к осподину моемо»²³. Л. В. Че-

¹⁴ «Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией», т. XV. СПб., 1894, стб. 79.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1956, стр. 114—127.

¹⁶ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.

¹⁷ Писцовые книги Вотской пятины 7001 г. «Временник общества истории и древностей российских при Московском университете», кн. II. М., 1851, стр. 56.

¹⁸ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 44.

¹⁹ «Новгородская Первая летопись». М.—Л., 1950, стр. 356.

²⁰ Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты..., стр. 299—300.

²¹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 71—72.

²² Там же, стр. 72.

²³ Там же, стр. 98, прим. 23.

репнин восполнил и некоторые другие пробелы. Вот текст грамоты № 133 в его реконструкции, сделанный с учетом замечания В. И. Борковского: «Поклоно от Григории ко [осподину моемо] ко Смену. Послало [есмо с хриси] аномо со своим с Увланд (или сувланд) кипу непре, 9 сото и 3 в...веревки узкой. А то дало... [дру] гонадцате рубля. А [то гос]подине, прод[дай] при себе [а с]еребро к себе возми»²⁴. Л. В. Черепнин предполагает, что «автор письма, возможно феодал, посылает Семену ряд товаров: непре-кожи тюленя, «узкую веревку» и, может быть, «сукладь» (низший сорт стали) и предлагает адресату продать посылаемые товары, а вырученную сумму взять себе, видимо, в счет погашения долга. Л. В. Черепнин предлагает и другое возможное толкование: грамота № 133 отражает отношение между двумя представителями купеческого мира, торгующими вскладчину или связанными какими-то иными коммерческими взаимоотношениями²⁵.

Необходимо остановиться на реконструкции последнего слова третьей строки, которое Л. В. Черепниным восстанавливается как «увландн...» или «сувландн...». Чтение буквы «в» в этом слове основано на недоразумении. Вполне очевидно, что здесь нужно читать К (начертание ее полностью совпадает с начертаниями других букв «К» из этой грамоты)²⁶, что допускает и Л. В. Черепнин. Следовательно, это неясное место в грамоте № 133 восстанавливается так: «Послал... аномо со своимо сукладн [ником]». Причем, в обрывке...«аномо» скорее всего можно видеть окончание имени (Степаном?), то есть вся фраза читается следующим образом: «Послал есмо со Степаномо, со своим суклад [ником] кипу непре...».

Содержание письма № 133 характеризует отношения между купцами-складниками (возможно, что складниками были только Григорий и Степан, а Семен действительно мог быть их кредитором). Эти купцы торговали промысловыми товарами («узкая веревка», о которой говорится в грамоте, скорее всего тоже из кожи). Контекст грамоты предполагает только один перевод термина «сукладник» — складник. К сожалению, плохая сохранность грамоты не позволяет полностью восстановить ее текст.

Многие берестяные письма, хотя и не упоминают «сукладников» — складников, содержат материал по складничеству. Например, в грамотах № 105 и 107 упоминаются компании купцов-складников²⁷. Как можно судить по тексту, несколько купцов-складников покупают отрока из Заозерья (свинцовая грамота)²⁸. Вероятно, многие деловые письма адресованы своим складникам, хотя этот термин в них и не употребляется. Это вполне понятно. Как мы видим из примера грамот № 133 и 349, лишь в том случае, когда письма отправлялись третьим лицом, к имени добавлялось «складник», чтобы не вызвать путаницы. В некоторых других случаях адресаты называются по имени, хотя из текста можно предположить, что они направлены складникам. К таким письмам может относиться берестяная грамота № 272 — письмо, адресованное сыну посадника Онцифора — Максиму, найденное в слоях второй половины XIV в. (восьмой ярус)²⁹. Содержание ее следующее: «От Савлия ко Максиму. Како стоя пришли конь. Цему мя еси погубиль в другы ряд? Рать ударила подо Копорию. А без другого коня живот пометаль, а иное разроняль.

²⁴ Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты..., стр. 289—290.

²⁵ Там же, стр. 290.

²⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). См. фотографию грамоты на вклейке между стр. 72 и 73.

²⁷ Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты..., стр. 87—88.

²⁸ А. В. Куза, А. А. Медынцева. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Новгородские грамоты на бересте как исторический источник». СА, 1972, № 1.

²⁹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 97—99.

А ноне пришли... Полоне ли буде, на одиномо коне не дома... ни дровна, ни матери послати на цемь. А...ти...а съ мною...» Перевод, данный А. В. Арциховским: «От Савелия к Максиму. Как договорились, пришли коня. Почему ты меня погубил второй раз? Рать ударила под Копорьем. А я без второго коня имущество побросал, а часть разронял. А теперь пришли... Плохо будет на одном коне. Ни дома... ни дров, ни матери послать на чем... А со мною...».

В комментарии к этой грамоте издатель отмечает: «Это раздраженное письмо написано человеком, находившимся в полосе военных действий. Едва ли он был воином, содержание письма говорит о другом. Вероятно, он ездил по хозяйственным делам, имея какую-то договоренность с адресатом»³⁰. Л. В. Черепнин в основном присоединяется к этому переводу, делая некоторые замечания. По его мнению, нельзя передать выражение «како стоя» словами «как договорились», так как «стоя» — одна из форм глагола стоять — находиться без движения. Поэтому это выражение нужно понимать в том смысле, что Савелий извещает Максима о том, что поскольку он вынужден стоять, опасность новых вражеских нападений еще не прошла.

Между тем глагол «стояти» употреблялся в очень широком смысле. Помимо его прямого значения И. И. Срезневский приводит следующие: заступаться, защищать, настаивать; держаться, исполнять; начальствовать, управлять³¹. Очевидно, что ближе всего к смыслу этого слова в грамоте значение «держаться, исполнять». И. И. Срезневским указан и пример такого значения глагола «стояти»: «Аже бы ты оу своемъ слове стоялъ, а нашу братью проводилъ бы мы быхомъ не поминали того коня» (Рижская договорная грамота 1300 г.)³².

Следовательно, у издателя грамоты были все основания передать выражение «како стоя» — как договорились. Возможно, только ближе к тексту будет перевод: «как стоишь на своем слове?», «как выполняешь договор?»

Грамота № 272 — письмо к феодалу Максиму Онцифоровичу от Савелия, очевидно, тоже феодала, связанного с Максимом договором, по которому последний должен был прислать коня Савелию. Нарушив во второй раз свое обещание, Максим снова подверг Савелия и его имущество опасности. Есть основания считать Максима и Савелия складниками (сукладниками).

Таким образом, в берестяных грамотах нашло отражение и складничество, известное по другим источникам в самых разных областях жизни древнерусского общества. Выяснение термина «сукладник» из грамот № 133 и № 349 не только дает новый штрих для толкования этих грамот, но, возможно, позволит говорить более уверенно о складничестве по отношению к другим берестяным текстам, где этот термин отсутствует.

³⁰ Там же, стр. 99.

³¹ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. III, стб. 528—529.

³² Там же, стб. 529.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ГРАМОТНОСТЬ ГОРОЖАН ДРЕВНЕРУССКОГО ПОНЕМАНЬЯ

Находки берестяных грамот в Новгороде, а затем в Пскове, Смоленске, Витебске и Старой Руссе открыли новый этап в изучении грамотности жителей этих городов. Для большей части древнерусских городов грамотность их населения устанавливается по надписям на вещах и на стенах храмов, а также на основании находок орудий письма, стилей — писал. Материалы такого рода представлены и в древнерусских городах Понеманья.

Своеобразную группу находок составляют стили этой территории: 14 экз. найдены в Новогрудке, а 12 происходят из Волковыска. Почти все эти находки состоят из стержней с остриями для нанесения надписей и лопаточек, служивших для исправления или затирания написанного. Переход от стержней к лопаточкам нередко украшен валиками различной ширины.

В табл. 1 сведены находки стилей из Новогрудка и Волковыска¹.

А. Ф. Медведев, автор сводки о древнерусских писалах, установил, что форма их лопаточек, характерная для определенного исторического периода, имеет датирующие признаки². Стили Понеманья по форме лопаточек распределяются на 8 типов.

Тип 1 (табл. 1, 1, 2; рис. 6, 1, 2) — лопаточка полукруглой формы. Одна из находок (рис. 6, 1) происходит из новгородской постройки второй половины XI в. Аналогичные писала найдены в Новгороде (датируются рубежом XI и XII вв.) и в Друцке (относятся к XII в.)³.

Тип 2 (табл. 1, 3; рис. 6, 4) — лопаточка трапециевидной формы. Стилль найден в новгородской постройке первой половины XII в.

Тип 3 (табл. 1, 20) — лопаточка имеет форму широкого бокальчика. Стилль найден в Волковыске, в слое XI—XII вв.⁴ Параллели этой находке известны в Новгороде и Вщиже, где они датируются XI—XIII вв.⁵

Тип 4 (табл. 1, 4, 5, 10, 17, 26; рис. 6, 5—7) — лопаточка в форме узкого бокальчика с оттянутыми краями. Стержни бронзовых стилей этого типа — крученые, на лопаточке одного из них сохранились следы растительного орнамента (рис. 6, 5). Новогрудские железные стили встречены в жилищах первой половины XII в., бронзовый — в постройке второй половины XII в. Железный стилль из Волковыска найден в полуземлянке

¹ Перечень волковыских находок дан по статье Я. Зверуго «Писала древнего Волковыска» («Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969; стр. 152.

² А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 73.

³ Там же, рис. 1, 4, 5.

⁴ Я. Г. Зверуго. Писала древнего Волковыска, стр. 148.

⁵ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 76.

Таблица 1
Писала из Новогрудка и Волковыска

№ п/п	Материал	Размеры в см			Рис.	Примечания
		общая длина	длина лопаточки	ширина лопаточки		
Новогрудок						
1	Железо	11	2,3	1,8	1,1	
2	Железо	12,5	2	2	1,2	
3	»	10	2,5	2,2	1,4	
4	»	12,5	2,6	1,8	1,6	
5	»	13,1	2,1	1,5	1,7	
6	» покрытое белым металлом	10,5	2	2,2	2,2	
7	Железо	13,2	2,3	2	2,2	
8	»	—	—	—	2,4	Верхняя часть не сохранилась
9	»	—	—	—	2,7	»
10	Бронза	—	2,3	2	1,5	Стержень обломан
11	»	10,7	2,5	1,8	2,5	»
12	»	—	—	—	1,3	»
13	»	—	—	—	2,3	Стержень обломан. На месте лопаточки — фигурное навершие
14	Кость	—	—	—	2,5	Верхняя часть не сохранилась
Волковыск						
15	Железо	8,7	2,3	2,2	1,2	
16	»	15,9	—	2,3	—	
17	»	11,3	2,5	2	1,4	
18	»	8,3	1,9	1,6	1,10	
19	»	11,8	2,1	1,9	1,8	
20	»	11,1	2,5	2,2	1,5	
21	»	12,8	3	1,7	1,3	
22	»	13,1	2,7	1,5	1,7	
23	»	13,5	1,8	2,3	1,6	
24	Бронза	—	2	2,2	1,9	
25	»	—	2,3	1,8	1,11	Стержень обломан
26	»	12,9	1,9	1,8	1,1	» »

XII в.⁶ В древнерусских городах XII и первой половины XIII в. орудия письма этого типа встречаются чаще других типов писал⁷.

Тип 5 (табл. 1, 21, 22) — лопаточка в форме бокальчика с прямыми боковыми сторонами. Одна из находок этого типа происходит из слоя XII—XIII вв.⁸

Тип 6 (табл. 1, 6, 7, 19, 25; рис. 7, 2, 5) — лопаточка треугольная с выступами или зубчиками по бокам. Бронзовый стиль этого типа

⁶ Я. Г. Зверуго. Новые данные о древнем Волковыске (материалы раскопок 1967 года). «Древности Белоруссии». Минск, 1969, рис. 12.

⁷ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 76.

⁸ Я. Г. Зверуго. Писала древнего Волковыска, стр. 150.

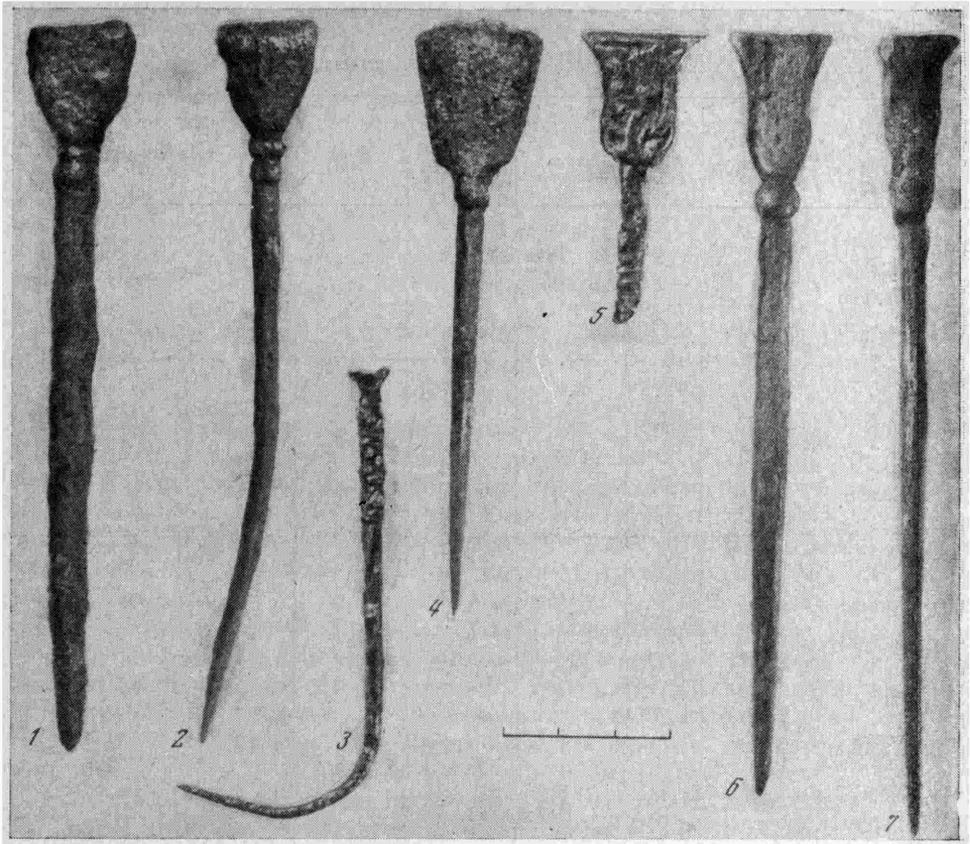

Рис. 6. Стили из Новогрудка
1, 2, 4, 6, 7 — железные; 3, 5 — бронзовые

(рис. 7, 5) найден в новгородской постройке, существовавшей с начала и до 70-х годов XIII в. Находки стилей этого типа хорошо известны в домонгольских слоях ряда древнерусских городов (Новгород, Киев, Минск и др.)⁹.

Тип 7 (табл. 1, 24) — фигурная лопаточка орнаментирована крестовидной прорезью. Стель датируется XII или первой половиной XIII в. Идентичные орудия письма известны в Витичеве и Звенигороде¹⁰.

Тип 8 (табл. 1, 8, 16, 18; рис. 2, 4) — треугольная лопаточка плавно переходит в стержень. По данным Волковыска и Новгорода, находки этого типа встречаются с XII до начала XIV в.¹¹

Представляет интерес также бронзовая поделка, состоящая из стержня и навершия в виде фигурки собаки (рис. 7, 3). С орудиями письма эту вещь сближает крученный стержень с валиками наверху. Она может быть сопоставлена с новгородским костяным писалом, верхняя часть которого оформлена в виде головы дракона.

В Новогрудке найдены еще три стили, верхние части которых не сохранились. Один из них железный (рис. 7, 7), второй бронзовый (рис. 6, 3) и третий костяной с вырезанным на нем знаком (рис. 7, 1), проис-

⁹ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 76.

¹⁰ Я. Г. Зверуго. Писала древнего Волковыска, стр. 150, 151; А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 76.

¹¹ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 79, рис. 2, 3.

ходящий из той же постройки, что и бронзовый стиль шестого типа (рис. 6, 5).

Наиболее ранние из новгородских и волковских стилей относятся ко второй половине или концу XI в. и сделаны из железа. Не исключено, что в это же время здесь были распространены костяные орудия письма, о чем может свидетельствовать трапециевидная лопаточка железного стиля (рис. 6, 4), как бы воспроизводящая форму лопаточки новгородских костяных писал второй половины X или первой половины XI в.¹² Бронзовые орудия письма, судя по материалам Новогрудка, появляются не ранее второй половины XII в.

Длина стилей различна. В Новогрудке их размеры сравнительно невелики (от 10 до 13,2 см). В Волковске же встречаются и более короткие экземпляры длиной 8,3 см и достигающие в длину почти 16 см. Размеры лопаточек довольно стабильны.

Высокий уровень городского железоделательного ремесла домонгольского времени в Понеманье позволяет причислить железные орудия письма к изделиям местных ремесленников. Очевидно, что костяной стиль (рис. 7, 1) был изготовлен новгородским костерезом. Что касается бронзовых писал, то среди них встречаются привозные вещи. В первую очередь это относится к стилю типа 7 (из Волковска), полностью соответствующему бронзовым стилям Звенигорода и Витичева. А. Ф. Медведев предполагает, что обе южнорусские находки отлиты в одной форме¹³. В той же форме, следовательно, мог быть отлит и волковский стиль. Если это так, то в Понеманье, как и в Киевскую и Галицкую земли, стили данного типа могли попасть из какого-то одного пункта. По-видимому, привозными были и некоторые другие бронзовые стили, в пользу чего говорит патина новгородских стилей, отличающаяся от патины, покрывавшей бронзовые изделия местных ремесленников.

Орудия письма, о которых идет речь, как изготовленные на месте, так и привозные, относятся к общерусским типам стилей. Почти все типы стилей Понеманья имеют параллели в городах Древней Руси. Значительное преобладание железных изделий над бронзовыми, отмеченное А. Ф. Медведевым для древнерусских писал, характерно и для нашей территории. Отметим также популярность стилей типа 4 (рис. 6, 5—7), встречающихся в древнерусских городах XII и первой половины XIII в. чаще, чем стили других типов.

Стили Новогрудка и Волковска с лопаточками, как и все орудия письма этого рода, предназначались для письма на навощенных дощечках. Записи имели беглое, преходящее значение, легко могли быть исправлены или уничтожены. Возможность пользования лопаточкой для исправления написанного породила в Западной Европе совет, обращенный к пишущему: «Почаще оборачивай стиль»¹⁴.

Письмо на навощенных дощечках, как показывают находки стилей, имело место не только в крупных городских центрах, но и в средних и даже мелких городах и городах Древней Руси. В связи с этим интересно проследить там, где это возможно, соотношение количества найденных орудий письма с размерами раскопанной городской площади. На Неревском конце Новгорода, где вскрыта площадь около 10 000 кв. м, найдено более 70 стилей¹⁵. В Новогрудке встречено в пять раз меньше стилей, но и площадь, исследованная в этом городе (2200 кв. м), в пять раз меньше новгородской. Отсюда напрашивается заключение, что в обоих,

¹² А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., рис. 1, 2.

¹³ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 76.

¹⁴ О. А. Добыш-Рождественская. История письма в средние века. М.—Л., 1936. стр. 24.

¹⁵ В. Л. Янин. Я прислал тебе бересту. М., 1963, стр. 47.

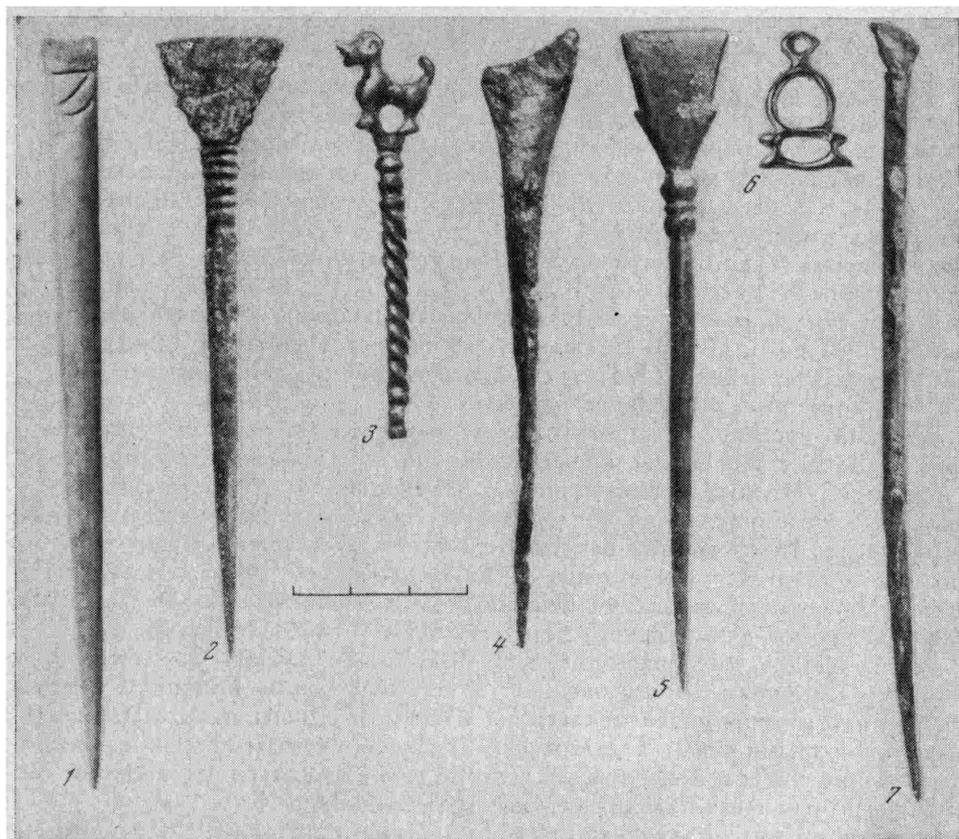

Рис. 7. Стилы и застежка из Новогрудка

1—5, 7 — стили; 6 — книжная застежка (1 — костяной; 2, 4, 7 — железные; 3, 5 — бронзовые; 6 — серебряная)

столь различных городах, письмо на восковых досках было распространено приблизительно в равной степени. Правда, новогрудские орудия письма найдены в особых условиях — они происходят из богатого квартала, заселенного ремесленниками-ювелирами. По-видимому, навощенные дощечки служили для текущих хозяйственных записей, которые были необходимы ювелирам, обрабатывавшим не только цветные металлы и серебро, но и золото. Очевидно, для письма на каком-то другом материале предназначался бронзовый стиль, у которого лопаточку заменили декоративной фигуркой собаки.

В Понеманье известны надписи или отдельные буквы, исполненные кириллицей. Из вещей повседневного быта большой интерес представляет гродненское шиферное пряслице XIII в. с двустрочной надписью: «Г(осподи) и помози рабе своей не...», далее неразборчиво. Необычная надпись на пряслице привлекала внимание ряда исследователей и даже стала предметом научного спора¹⁶.

Z. Durczewski. Stary Zamek w Crodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937—1938. «Niemen», 1939, N. 1, str. 14; А. С. Орлов. Библиография русских надписей. М., 1952, стр. 228; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 200; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 64—65, рис. 30; Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 130—132; он же. Еще три шиферных пряслица с надписями. СА, 1959, № 2, стр. 242; В. Л. Янин. К чтению надписи на пряслице из Гродно. СА, 1958, № 1, стр. 243—245

Гродненская находка оказалась не единственной. Пряслице с аналогичной надписью встречено в Волковыске¹⁷. Шиферные пряслица с начертанными на них отдельными буквами известны в Гродно и Новогрудке¹⁸.

Горожане Понеманья, как и жители многих городов Древней Руси, метили и принадлежавшие им амфоры. На одной такой амфоре, найденной в новогрудской постройке первой половины XII в., по тулову процарапано слово «Олъкъсн» (Алексий), по-видимому, имя владельца¹⁹. На грамотность обитателей данного жилища, помимо граффити на амфоре, указывает и находка стиля (рис. 7, 4).

В Новогрудке, Волковыске и Слониме найдены фрагменты амфор с начертанными на них буквами. Довольно отчетливо читаются буквы А, Д, Л, Н, Я²⁰ и некоторые другие. Буква Н, процарапанная на ручке одного из обломков новогрудской амфоры, была искажена. Палеографически она соответствует современному изображению знака N, где срединный наклонный стержень тянулся от верхнего конца левого стержня до нижнего конца правого²¹. На нашей находке наклонный стержень прочерчен в обратном направлении. Видимо, владелец амфоры или другое лицо, нанесшее данную букву, еще недостаточно владел грамотой.

Из числа других древнерусских предметов с надписями интересны поделки из кости. Одна из них датируется XIII в. На ней вырезано несколько букв. Вторая костяная вещь добыта волковыскими раскопками. На поделке нанесены буквы К и А²².

Под изображениями святых, почитавшихся в Понеманье в XII—XIII вв., в ряде случаев сохранились подписи. На медных пластинках из Нижней церкви в Гродно читается буква «а» в круге (агиос) и имя святого — в одном случае Симеон, в другом Павел, в третьем, возможно, Феодот²³. В этой же церкви найден округлый медный медальон с погрудным изображением святого. На нем сохранились углубления от букв, слева — А, в круге И (О) и справа АНЪ (агиос Иоанъ)²⁴. Имя Симеона сопровождается его барельефное изображение на печати из Волковыска. В том же городе найдены обломки шиферной иконки с надписью «Гавриил» и медный медальон с выгравированным на нем воином (голова его в нимбе). Канонизированного воина, как сообщает подпись, звали Димитрием²⁵. К группе этих находок следует отнести каменную резную иконку из новогрудского детинца с изображением Николы и надписью «Николае агисъ»²⁶. Возможно, что буквы С, О, Е и другие, нанесенные краской на оштукатуренные стены новогрудской жилой постройки первой половины XII в.²⁷, также принадлежат имени святого, изображенного на стене.

В развале Нижней церкви Гродно найден обломок колокола, на котором читается слово «рабу», являющееся, по мнению Н. Н. Воронина,

¹⁷ Я. Г. Зверуго. Древний Волковыск (X—XIV вв.). Автореф. канд. дисс. Минск, 1971, стр. 22.

¹⁸ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 19. На Новогрудском пряслице выбита буква «Ж».

¹⁹ М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка. СА, 1962, № 2, стр. 153—154.

²⁰ Я. Г. Зверуго. Писала древнего Волковыска, стр. 147, рис. 1, 12.

²¹ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 157, 167.

²² Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 44, рис. 16, 3; Я. Г. Зверуго. Писала древнего Волковыска, рис 1, 13.

²³ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 117, 119, рис. 62, 1—3.

²⁴ Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 29.

²⁵ В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 271, рис. 10, 11.

²⁶ Ф. Д. Гуревич, К. В. Павлова, Т. С. Пономарева, Е. В. Шолохова. Итоги работ Новогрудской экспедиции. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 312.

²⁷ Ф. Д. Гуревич. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 100, рис. 21, 1—3.

частью вотивной рельефной надписи²⁸. Отметим также буквенные знаки на кирпичах, происходящих из храмов XII в. в Гродно и Волковыске²⁹.

Интересные данные, дополняющие представления о грамотности жителей Новогрудка, получены при исследовании остатков храма Бориса и Глеба XII в. (раскопки М. К. Каргера). На штукатурке, сохранившейся от стен храма, открыты разнообразные граффиты, среди которых имеются древнерусские надписи и отдельные буквы. К сожалению, эти материалы еще не опубликованы.

Горожане древнерусского Понеманья имели свои книги, от которых уцелели металлические застежки. Нам известно 7 застежек, 5 из них найдены в Новогрудке и 2 в Волковыске. Все они сделаны из бронзы, лишь одна — серебряная. Новогрудские трехпетельчатые подвески (рис. 7, б) типичны для русских древностей³⁰. Интересно, что размеры этих застежек стандартны (длина 2,5 см, ширина 2 см). Волковыские застежки наряднее новогрудских. Одна из них орнаментирована насечками, на второй сохранились следы позолоты³¹. Как видно по сохранившимся древнерусским книгам, в нижнюю петлю застежки продевался ремешок, второй конец которого прикреплялся к одной из досок переплета, а средняя петля надевалась на стерженек верхней доски переплета³². Упомянутый медный медальон с изображением Иоанна, по мнению Н. Н. Воронина, мог украшать переплет богослужебной книги³³.

О грамотности горожан Понеманья свидетельствуют, таким образом, разнообразные материалы, наиболее ранние из них относятся ко второй половине XI в. С XII в. грамотность более интенсивно внедряется в культуру городского населения. Это явление тесным образом связано со строительством храмов в Гродно, Волковыске и Новогрудке, ставшими центрами христианизации Понеманья. Как известно, распространению христианства сопутствует развитие письменности и книжного дела.

В заключение отметим гипотезу, выдвинутую историком В. Т. Пашуто: попытаюсь объяснить рассказ Ипатьевской летописи о литовском князе Миндовге и его преемниках, он высказал предположение, что источником для такого рассказа являлась летопись, созданная на территории Черной Руси, т. е. в Понеманье. Автор предполагает, что она могла быть написана в Новогрудке, где крестился язычник, литовский князь Войшелк, или в новогрудской округе³⁴. Мысль В. Т. Пашуто была решительно отвергнута историками. В свете археологических материалов, характеризующих грамотность горожан Понеманья, в частности Новогрудка, предположение В. Т. Пашуто не кажется нам невероятным и в качестве гипотезы имеет право на существование.

²⁸ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 110—120, рис. 65, 1.

²⁹ Там же, стр. 130, рис. 74; Я. Г. Зверуго. О строительном материале храма XII в. на волковыском займище. «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969, стр. 157, рис. 1, 4—6, 17.

³⁰ ПВД, т. II. М., 1950, стр. 377.

³¹ Я. Г. Зверуго. Некоторые итоги раскопок Волковыска. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 294.

³² П. Симиони. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. СПб., 1903, табл. IX, XI.

³³ Н. Н. Воронин. Археологические заметки, стр. 29.

³⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 113—121; он же. Образование литовского государства. М., 1959, стр. 38.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ДЕЛА
В ЛАДОГЕ

В 1950 г. во время работ на «Земляном городище» Староладожской экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса у самой северной кромки раскопа на уровне построек X в. (горизонт Д) была найдена литая бронзовая поделка. На первый взгляд она напоминает длинный (длина 84 см) ременный наконечник (рис. 8, 1)¹. Однако на обороте вдоль всей поделки проходит боровок высотой 4 мм, из чего следует, что наконечником поделка быть не могла. Лицевая сторона поделки покрыта крайне плохо выполненным плетеным орнаментом. Наиболее отчетливо вылеплена голова животного, плетеный же орнамент не только плохо построен, но и не удался в отливке. Таким образом, мы имеем дело с порченной, неудачной отливкой. Это всегда интересно, в данном же случае интересно вдвойне, поскольку мастер пытался орнаментировать поделку плетением скандинавского характера.

Определить назначение ладожской находки оказалось делом нелегким. Выяснилось, что подобные украшения редки. Мне известны находки их в Швеции и в Финляндии. В Швеции они были найдены трижды, все три раза парами. В Бирке, в богатом женском погребении в камере (№ 854) первой половины IX в. пара таких украшений, отлитых из серебра и позолоченных, найдена на груди (длина 9,35 см). Лицевую сторону покрывает тончайший орнамент, сверху — скульптурная головка, на обороте — боровок с восемью дырочками. Форма украшений сложная, почти вычурная (рис. 8, 2). Между ними и вокруг них найдена 81 бусина с остатками красных ниток в канальцах. Х. Арбман не понял назначения украшений и называл их «Trachtenbeschläge»² или «Silberbeschläge»³, то есть довольно неопределенно, что-то вроде «накладки на одежду», и полагал, что их пришивали к одежде за дырочки в боровке.

Украшения, аналогичные по назначению, но иные по форме и орнаментации, найдены в двух кладах на Готланде. В кладе № 212 (Morgens, приход Гретлингбо) — два бронзовых ажурных украшения (длина 12,5 см), с боровком на обороте и с просверленными в нем дырочками. В том же кладе найдено 249 бус⁴. В кладе № 219 (Халлинге, также в приходе Гретлингбо) найдено два целых бронзовых с позолотой украшения и два фрагмента аналогичных им. Вместе с ними в кладе была

¹ Гос. Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры, ЛС—149.

² H. Arbman. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937, S. 239, Abb. 5b : 2m.

³ H. Arbman. Birka. I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943, S. 326, Taf. 91, 7, 8; S. 330, Abb. 276.

⁴ M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, Bd. II. Lund — Stockholm, 1947, S. 85, Abb. 67, 2—4 (количество подобных украшений, найденных в данном кладе, указано ошибочно — 7. Исправление печати см. в томе I, 1958, стр. 51).

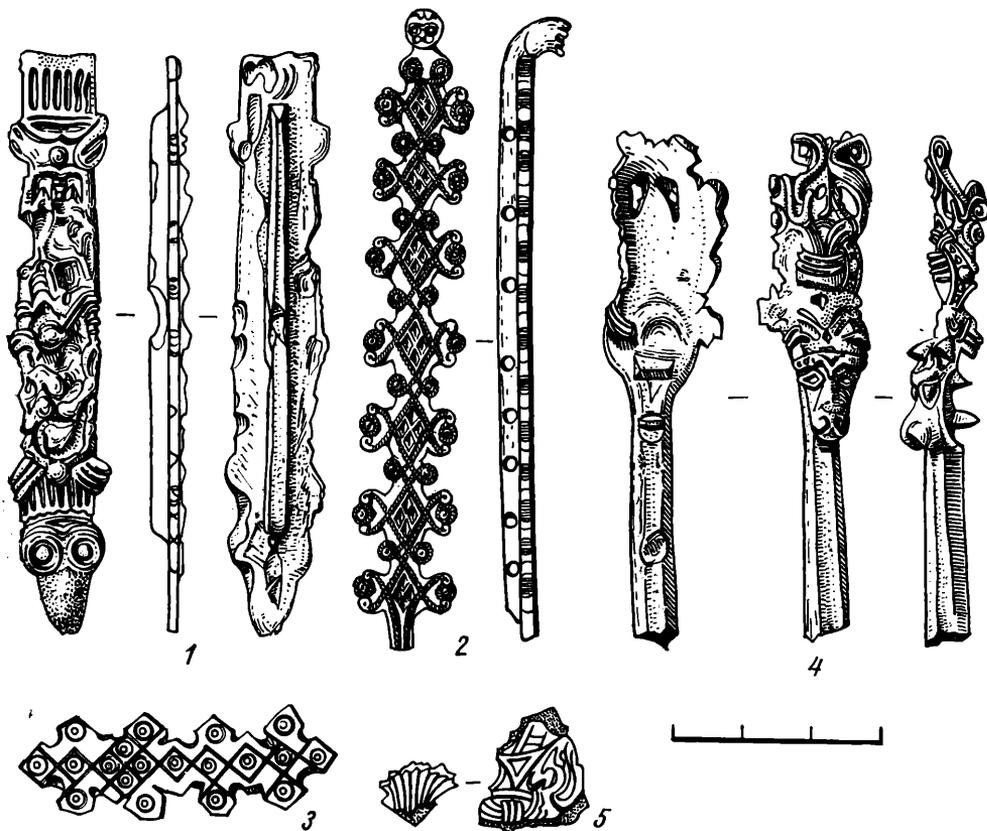

Рис. 8. Бракованные отливки из Ладоги и их аналоги

1 — Ладога, деталь нагрудного украшения; 2 — Бирка, деталь нагрудного украшения (погреб. 854); 3 — Финляндия, держатель цепей; 4, 5 — Ладога, часть булавки и фрагменты поделок из бронзы

241 бусина, не считая битых⁵. Оба клада зарыты примерно во второй половине X в. Вслед за Х. Арбманом М. Стенбергер сначала (1947 г.) называл эти украшения «Trachtenbeschläge» или «Bronzebeschläge». Близка к разгадке назначения данных украшений была в 1951 г. Э. Кивикоски, которая опубликовала аналогичные вещи, найденные в Финляндии. Она назвала их «Kettenverteiler», то есть «разделители цепочек»⁶. И, наконец, в 1958 г. М. Стенбергер поставил точку в этом маленьком дискуссионном вопросе. Заметив, очевидно, что данным украшениям всегда сопутствует большое количество бус, он назвал их «держателями нитей бус» («Perlbandhalter»)⁷. Таким образом, ладожский бронзолитейщик пытался отлить детали довольно редкого нагрудного украшения, но так как отливка не удалась, дырочки в боровке он просверливать не стал.

Неожиданно много держателей оказалось в Финляндии. Э. Кивикоски насчитала их 35⁸. Главное отличие их от шведских заключается в размерах: финские держатели втрое короче шведских. Но по конструкции они аналогичны шведским — на обороте у них такой же боровок с дырочками, по словам Э. Кивикоски, для цепочек. Финские находки она считает сделанными на месте и характерными только для Финляндии (рис. 8, 3).

⁵ Указ. соч., Bd. II, S. 87, Abb. 68, 2, 4.

⁶ E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, Bd. II. Helsinki, 1951, S. 10, N 709, 710.

⁷ M. Stenberger. Указ. соч., Bl. I. Stockholm, 1958, S. 51.

⁸ E. Kivikoski. Указ. соч., S. 10.

Х. Арбман держатели Бирки считал привезенными из Западной Европы и по происхождению франко-саксонскими⁹. М. Стенбергер готландские держатели считал восходящими к развитому каролингскому искусству¹⁰. Финские держатели проще шведских, но в их форме видна попытка сохранить традицию держателей Бирки. Ладожский держатель аналогичен шведским и финским держателям только по конструкции, а следовательно, и по назначению. Но ни по форме, ни по характеру орнаментации он на них не похож. Для орнаментации ладожского держателя мастер решил использовать мотивы не западноевропейского, а северного, скандинавского искусства. Как всегда, в подобных случаях трудно решить, из чьих рук вышла эта неудавшаяся отливка — скандинава или коренного ладожанина. Но, безусловно, орнаментируя держатель плетенкой, мастер учитывал вкусы своих заказчиков — жителей Ладоги X в.

* * *

В 1952 г. на территории древнего посада Ладоги на левом берегу Ладожки был заложен небольшой (28 м²) разведочный раскоп¹¹. Под слоем XVI—XVII вв. с остатками мастерской по обработке цветных металлов находился перекопанный слой с находками XII—XIV вв.; ниже шли остатки построек XI—XII вв., а еще ниже — постройки X в. (горизонт Д). Так как на глубине 1,40 м раскоп начало заливать грунтовыми водами, вести его на всей площади было невозможно. Поэтому, чтобы узнать хотя бы глубину залегания материала, толщину культурного слоя и характер напластований, заложили шурф размером 1,10 × 1,10 м, который и был доведен до материка. Оказалось, что мощность культурного слоя в данном районе посада равна 2,70 м. И вот здесь в небольшом шурфе была сделана находка, о которой и пойдет речь. Это снова бронзовая поделка и снова неудавшаяся отливка со скандинавским орнаментом (рис. 8, 4)¹². Она обнаружена почти на дне шурфа (на глубине 2,50 м) в мощном (60 см), но совершенно аморфном гумусном слое с мелкой щепой и костями животных. Возможно, что шурф был заложен над какой-то западиной или ямой. На эту мысль наводит следующее обстоятельство. На глубине 2 м, то есть на 0,5 м выше бронзовой поделки, найдены два кусочка бронзовой вещи также со скандинавской плетенкой (рис. 8, 5)¹³ и, безусловно, синхронной бронзовой поделке, обнаруженной глубже. Для того чтобы отложился естественным порядком слой толщиной в полметра, нужен большой срок. Но две одинаковые по времени вещи, разделенные полуметровой толщей культурного слоя, указывают на то, что срок не мог быть большим. По-видимому, обнаруженный в шурфе мощный аморфный слой был сброшен в какую-то западину или яму. Таковы условия находки второй неудавшейся ладожской отливки.

Найденная поделка представляет собой толстый граненый обрубок, заканчивающийся звериной головой. Над головой наверху — сложная композиция из плетенки. Наверху сильно «повело» при отливке или при охлаждении, орнамент не везде проработан. На обороте — 2 короткие цапки. Назначение вещи определяется значительно легче, чем в первом случае. Это часть длинной булавки «кольцевой фибулы». Булавка осталась необработанной после отливки, толстой, а низ ее обрублен и

⁹ *H. Arbman. Schweden...*, S. 239, Anm. 2.

¹⁰ *M. Stenberger. Указ. соч.*, Bd. 1, 1958, S. 51.

¹¹ Работы проводил Г. П. Гроздилов в составе Невской экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной

¹² Гос. Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры, оп. 56 (IV — Траншея II), № 32.

¹³ Там же, № 31.

использован на другие нужды. Такие «фибулы» хорошо известны как по нашим, так и по зарубежным находкам (рис. 9). Все они не выходят за пределы X в.

В советской литературе за подобными украшениями закрепилось наименование — «кольцевая фибула»¹⁴. Фибула — это застежка, пряжка. Для того чтобы пряжкой можно было бы что-то застегнуть, ее язычок должен находиться обязательно над рамкой пряжки. Пряжкой, у которой язычок находится под рамкой, ничего застегнуть нельзя. Именно так устроены «кольцевые фибулы» данного типа: у них булавка находится под кольцом (рис. 9). Самое большее, что можно скрепить такой «фибулой», — это складать ткань булавкой, протодетой сквозь специальные отверстия в одежде. При этом кольцо останется свободно лежать на ткани, не неся никакой нагрузки. Но в таком случае «фибула» перестает быть застежкой, а превращается в булавку. Булавки со сложно оформленной головкой особенно широко распространены в Прибалтике, где они известны с глубокой древности до средневековья. Как правило, к ним прикрепляют нагрудные цепи. К «кольцевым фибулам» также подвешивали цепи, что еще больше сближает их с собственно булавками. Для прикрепления цепи на обороте нижней звериной головы на кольце «фибулы» делали петельку (рис. 9, 2).

Наблюдения показали, что «кольцевые фибулы» с длинной булавкой и декоративным кольцом найдены только в мужских погребениях¹⁵. Это лишний раз подтверждает отличие данного вида украшений от собственно фибул. Известно, что фибула — принадлежность женской одежды. Не следует думать, что один из типов фибул, а именно «кольцевые фибулы», в виде исключения проникли в мужской костюм. «Кольцевые фибулы» с длинной иглой просто не фибулы и для них необходимо найти новое название.

Нельзя сказать, что и у зарубежных археологов существует четкое деление колец с длинной булавкой на фибулы и нефибулы. Нет и устоявшейся общепринятой терминологии. Любое кольцо с длинной иглой — гладкое и тонкое; кольцо с бусинами и кольцо широкое, плоское, с плетеным орнаментом — может быть названо и Ringnadel (игла с кольцом) и Ringspanne (кольцевая пряжка) и Ringfibel (кольцевая фибула). Поэтому в литературе и зарубежной, и нашей много путаницы и просто неверных данных о количестве находок и о хронологических границах тех или иных типов колец с длинной иглой на той или иной территории. Поэтому до окончательной проверки всего доступного материала по длинным булавкам с декоративным кольцом интересующего нас типа я воздержусь от точного указания количества подобных находок в том или ином районе. Укажу лишь, что, по-видимому, больше всего их найдено в северной половине Восточной Европы и в Средней Швеции, что в Норвегии их мало; что еще меньше их на Готланде и в Финляндии.

Но вернемся к ладожской находке. Можно ли указать длинные булавки с навершием, аналогичные ладожской? Здесь, конечно, следует учитывать, что не существует двух абсолютно одинаковых отливок. По-видимому, отливка производилась с потерей формы. Тем не менее среди колец и наверший можно заметить несколько повторяющихся моделей, раз-

¹⁴ М. В. Фехнер. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв». М., 1963, стр. 82—83; В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв». Тр. ГИМ, вып. 43, М., 1967, стр. 203—206; С. И. Кочкуркина. Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X—XI вв. (По материалам курганов юго-восточного Приладожья). «Скандинавский сборник», XV. Таллин, 1970, стр. 148—149.

¹⁵ В. С. Дедюхина. Указ. соч., стр. 191 и 206; С. И. Кочкуркина. Указ. соч., стр. 148.

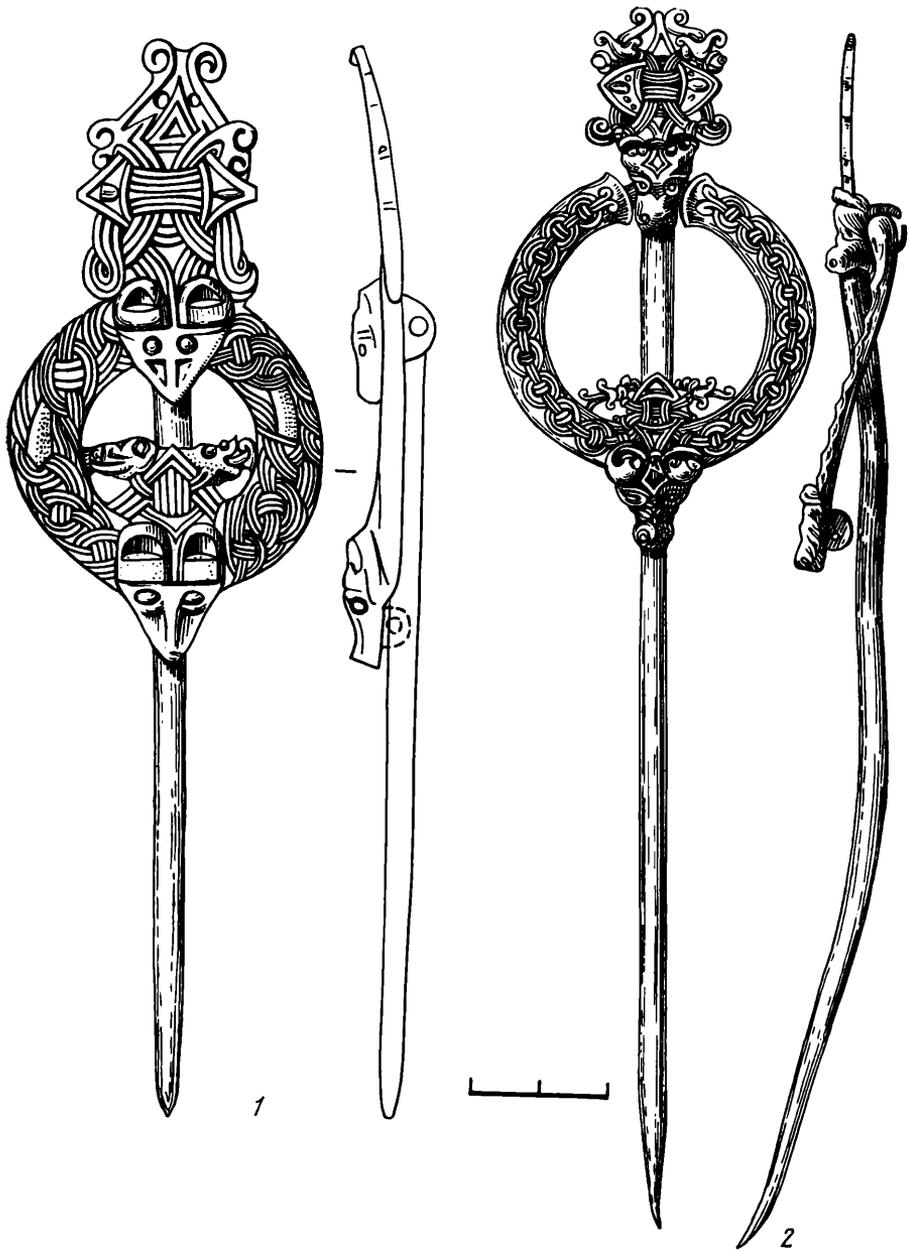

Рис. 9. Булавки с декоративным кольцом
 1 — Крокберг, Швеция; 2 — Киев, погребение 116 (по М. К. Каргу)

нящихся лишь в деталях. Нет устойчивого соотношения и между типом кольца и типом навершия. Тут возможны любые сочетания. И тем не менее для ладожской находки можно попытаться указать аналогии не только для булавки с навершием, но и для всего украшения в целом, как оно было задумано. Беру только наиболее устойчивые сочетания. Булавки с кольцом, близкие ладожской, найдены в Норвегии ¹⁶, в Швеции —

¹⁶ J. Petersen. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928, Abb. 227.

в Бирке¹⁷ и к северо-западу от нее (рис. 9, 1)¹⁸, в верховьях Паши¹⁹, в Гнездове²⁰ и в Ладоге на «Земляном городище». К сожалению, ладожская находка не сохранилась, но в свое время ее видел в коллекции ладожского учителя Серебряникова А. А. Спицын и указал, что она аналогична булавке с декоративным кольцом, найденной в Гнездове²¹. Конечно, нельзя поручиться за абсолютную точность аналогии, но нельзя не учитывать зоркий глаз и огромный опыт А. А. Спицына. Находка на «Земляном городище» длинной булавки с декоративным кольцом, аналогичной испорченной отливке, найденной здесь же на ладожском посаде, представляет несомненный интерес. До сих пор каждую подобную булавку с декоративным кольцом, найденную в Восточной Европе, мы считали привезенной из Скандинавии. После находки в Ладоге длинной иглы испорченной отливки такой уверенности быть уже не может. Какое-то количество подобных булавок могло быть сделано и в Ладоге. Напомню, что изготовление скандинавообразных фибул было налажено на Рюриковом городище под Новгородом, а готовая отливка этой мастерской оказалась в Гнездове²².

¹⁷ Н. Arbmán. *Birka*, погребение 581, табл. 42, 3.

¹⁸ Крокберг, провинция Даларне. «Kongl. vitterhets historie och antiqvitets Akademiens Månadsblad 1894». Stockholm, 1897, Abb. 29.

¹⁹ А. Колмогоров. Тихвинские курганы. Тр. XV АС, т. I, 1911, стр. 430, рис. 49.

²⁰ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, табл. 16.

²¹ А. А. Спицын. Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу. ЗОРСА, т. V, ч. 2. СПб., 1904, стр. 58. Как на аналогию, А. А. Спицын ссылается на МАР, № 28, 1902, табл. 16.

²² Г. Ф. Корзухина. Находка на Рюриковом городище под Новгородом. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 45—46, рис. 1.

М. В. СЕДОВА

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ЯРОПОЛЧА ЗАЛЕССКОГО

Материалы, добытые при многолетних раскопках древнерусского города Ярополча Залесского, неоднократно публиковались¹. В результате раскопок выяснилась яркая картина жизни отдаленного города Владимиро-Суздальской Руси, возникшего на юго-восточной границе княжества в первой половине XII в. и погибшего в 1238—1239 гг. от нашествия татаро-монгольских орд.

В экономической жизни Ярополча, как и в жизни любого древнерусского города, ведущее значение имело развитие ремесла и торговли. Следы таких ремесленных производств, как железообрабатывающее, ювелирное, костерезное, гончарное, зафиксированы раскопками. О развитии же торговли судить по археологическому материалу значительно труднее, так как многие предметы купли-продажи (такие, как хлеб, мед, воск, пушнина и др.) просто не поддаются археологическому изучению. Все же можно предполагать, что Ярополч с его развитым ремеслом снабжал изделия ремесленного производства близлежащие сельские общины. Видимо, из города в деревенскую округу поступали кузнечные изделия — орудия сельскохозяйственного труда, оружие, различные бытовые предметы. Не исключено, что и изделия ювелирного и костерезного ремесла находили сбыт не только в самом городе, но и в сельской округе. Взамен город должен был получать продукты сельского хозяйства и охотничьего промысла.

Имеются находки, которые непосредственно связаны с торговлей. Таковы, в частности, весы и гири. В Ярополче найдено 5 фрагментов бронзовых коромысел весов — 4 в детинце, 1 — на посаде (рис. 10, 3) и 1 железная гирька с ушком (рис. 10, 1). Из-за плохой сохранности металла первоначальный вес последней установить не удается.

Интересна торговая пломба — небольшая круглая свинцовая пластина (диаметром 1,2 см) со следами шнура и знаками на обеих сторонах (рис. 10, 7, 8). Подобные пломбы, во множестве известные по находкам в древнерусских городах, видимо, привешивались к различным товарам. На

¹ В. В. Седов. Древнерусское поселение близ г. Вязники. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 95—105; он же. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 73—77; он же. Каменный крестик с надписью из Пирова селища. СА, 1959, № 1, стр. 275—277; М. В. Седова. Раскопки Ярополча Залесского (1961). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 48—50; она же. Археологические работы во Владимирской области в 1962 г. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 106—109; она же. Работа Вязниковского отряда. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 71; она же. Раскопки Пирова городища. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 86; она же. Предметы вооружения из Ярополча Залесского. КСИА, вып. 125, 1971, стр. 87—94; она же. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского. КСИА, вып. 129, 1972; В. В. Седов и М. В. Седова. Раскопки во Владимирской земле. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 55—57.

одной стороне пломбы из Ярополча в точечном ободке помещена часть знака Рюриковичей Ф, на оборотной знак 'У'. К сожалению, оба знака попали в поле не полностью. Можно предположить, что княжеский знак в виде простого трезубца колоколовидного или чашевидного очертания на лицевой стороне пломбы относится к середине XII в. Он почти полностью тождествен знаку на поливной керамической плитке из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, построенном в 1152 г. Юрием Долгоруким². По-видимому, знак принадлежит или самому Юрию, или одному из его старших братьев³.

Интересно отметить, что знак на пломбе аналогичен княжескому знаку, оттиснутому на днище глиняного сосуда из Ярополча и принадлежавшему, видимо, княжескому ремесленнику.

По археологическому материалу можно проследить направление отдаленных торговых связей Ярополча. Жители его покупали предметы роскоши, драгоценные камни, шелковые ткани и другие товары. Среди привозных товаров прослеживаются предметы, поступавшие в Ярополч с юга, возможно, при торговом посредничестве Киева. Так, в детинце, на территории кладбища первой половины XII в., в женском погребении 13 на шее покойника обнаружен фрагмент ткани, служивший позументом на вороте рубахи (рис. 10, 9). Ткань шелковая с золотым тканым узором в виде двух рядов ступенчатых пирамид, обращенных вершинами друг к другу. Цвет ткани предположительно красный⁴. Место производства подобных тканей — скорее всего Византия. Из Византии поступали и некоторые типы стеклянных бус, в частности, черные эллипсоидные бусы с белым пластичным узором⁵. Безусловно, в результате торговли с Крымом попали в Ярополч сосуды для хранения вина и масла — амфоры. Фрагменты амфор резко отличаются от обычной древнерусской посуды. Это толстостенные сосуды из тонкоотмученной и хорошо обожженной красноватой глины, с узким горлом, крупно рифленой поверхностью и коническим дном. Зафиксировано около 50 фрагментов амфор, однако по имеющимся обломкам восстановить форму сосудов не удается. Скорей всего фрагменты эти относятся к крупным грушевидным амфорам с сильно расширяющимся корпусом и массивными округлыми в сечении ручками, высоко поднятыми над горлом. Подобные амфоры характерны в средневековых городах Крыма для слоев XII—XIII вв.⁶ В Ярополче все амфорные находки происходят из детинца, на посаде их нет. По-видимому, дорогостоящее вино и оливковое масло, транспортировавшиеся в амфорах, являлись предметами роскоши и были доступны только представителям феодальной верхушки.

Особенно большое скопление фрагментов амфор (около половины всех находок) обнаружено на одной из усадеб, хозяин которой занимал, видимо, нерядовое положение в городе. В комплекс находок этой усадьбы

² Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1961, стр. 82, рис. 21.

³ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, т. VI, 1940, стр. 232.

⁴ Анализ ткани произведен сотрудницей Института художественной промышленности Н. Т. Климовой (анализ № 119 — в архиве III археологического отдела ГИМ). Ткань основного фона — полотняного переплетения, плотностью 40 × 60 нитей/см². Основа: тонкая, шелковая, крученая пряжа. Две нити за одну. 40 нитей на 1 см². Уток: 2 утка по 28—30 прокидок на 1 см каждой. 1-ый уток — шелковый уток из основы. Использовался для получения основного полотна ткани. 2-ой уток — узорный, состоит из позолоченного серебра на шелковой основе. Витки металлической ленточки плотные, примыкающие друг к другу почти без просветов. Узорный уток идет поверх основного полотна то на лице, то наизнанку соответственно рисунку, длинные стежки его прикрепляются к полотну основы через 3 нити.

⁵ Ю. Л. Шапова. Стекло Киевской Руси. М., 1972, стр. 93.

⁶ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, т. XV, 1951, стр. 340—341, рис. 11.

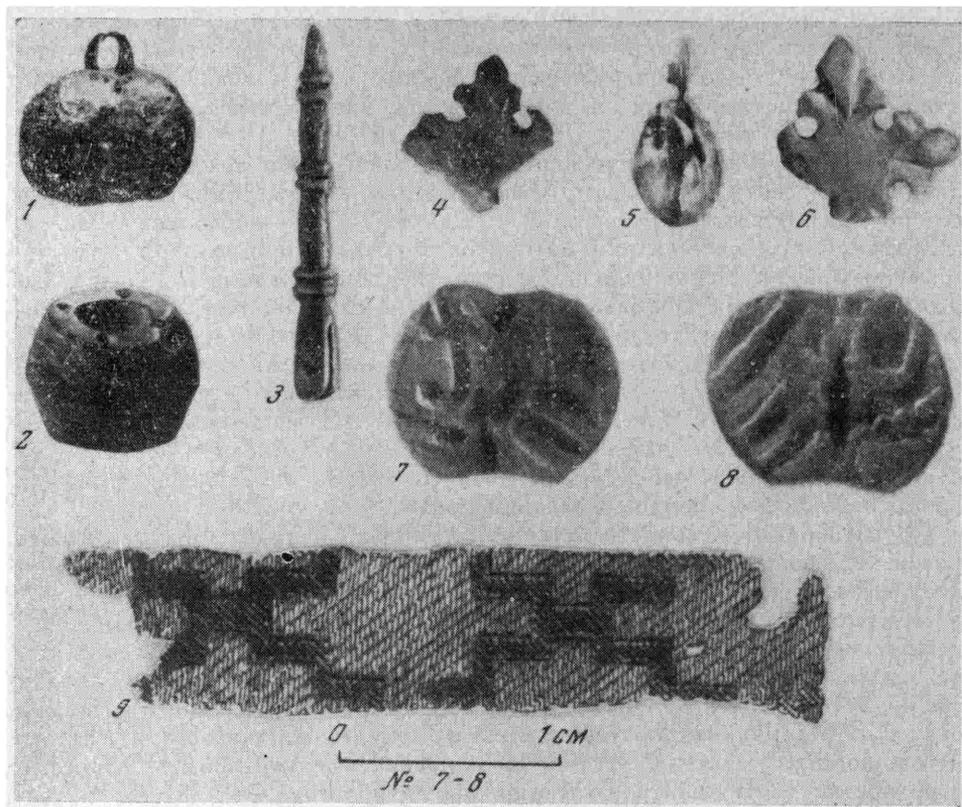

Рис. 10. Вещи из Ярополча-Залесского

1 — железная гирька; 2 — шиферное пряслице; 3 — коромысло весов; 4, 6 — янтарные крестики; 5 — аметистовая привеска; 7, 8 — свинцовая пломба; 9 — фрагмент шелковой ткани

входят такие редко встречающиеся предметы, как свинцовая печать с надписью «Днѣслово», обрывки серебряных сканных украшений — рясен, серебряное позолоченное женское очелье, состоящее из сканых и гладких бляшек. Не исключено, что эта усадьба принадлежала княжеским наместникам в Ярополче.

Так же, видимо, только в очень зажиточных домах употреблялась стеклянная посуда, производившаяся в Киеве. Обломки хрупких стеклянных сосудов желтоватого цвета найдены в небольшом количестве только в укрепленном детинце. Удастся реконструировать бокал воронкообразной формы и кубок на поддоне. Подобные сосуды из стекла состава $K - Na - Ca - Si$ известны в Киеве, Вышгороде, Белой Веже, Новгороде, Смоленске, Любече, Новогрудке, Вщиже, Друцке и Белоозере. Изготавливали сосуды греческие мастера, обосновавшиеся в Киеве. Изделия из стекла этого состава бытовали на Руси со второй половины XI до второй половины XII в.⁷

Свидетельством торговых связей Ярополча с южнорусскими землями являются также находки пряслиц из розового шифера. Они многочисленны — около 120. Центром производства шиферных пряслиц был Овруч на Волини, где имелось единственное месторождение этого красивого и удобного в обработке камня. Оттуда торговцы-коробейники разносили их на многие сотни и тысячи километров по всей территории Древней Руси⁸.

⁷ Ю. Л. Шапова. Русские стеклянные изделия как источник по истории русско-византийских отношений в XI—XII вв. «Византийский временник», т. XIX, 1961.

⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 466—471.

Возможно, что розовый шифер попадал на северо-восток Руси не только в виде готовой продукции, но и в виде сырья. Так, в Суздале в раскопках 1970 г. была обнаружена мастерская по изготовлению пряслиц из розового шифера. Найдены куски шифера, выточенные заготовки пряслиц и готовые изделия.

Все вышеперечисленные находки имеют южное происхождение. Они попадали на северо-восток из Киева водным днепровским путем. Суды шли по Днепру, затем волоком на р. Вазузу, оттуда на верхнюю Волгу. С Волги суда сворачивали в ее приток Нерль, затем волоком и системой малых рек в Нерль Клязьменскую, оттуда в Клязьму к г. Владимиру и другим городам Покаязьменя. Письменные источники XII в. упоминают р. Вазузу на пути из Днепра в Суздаль. В «Сказании о чудесах Владимирской божьей матери» говорится о том, как князь Андрей Боголюбский ехал в 1155 г. из Киева в Суздаль: «Едушу ж ему путем, поя с собой проводника и приеха к реце Вазузе»⁹. С усилением Владимиро-Суздальской земли, с заменой кружного пути из Киева в Суздаль на более короткий путь через земли вятичей южное направление торговли было основным для городов Покаязьменя.

Другие предметы свидетельствуют об иных направлениях торговых связей. Так, о торговле с Прибалтикой можно говорить на основании находок изделий из янтаря: бус и нательных крестиков (рис. 10, 4, 6). Бусы встречены зонные и эллипсоидные. Два янтарных крестика относятся к стилизованным, так называемым «процветшим». Судя по новгородским аналогиям, и зонные янтарные бусы, и стилизованные крестики бытовали в конце XI—XII в.¹⁰ О связях с Поволжьем говорят находки болгарской посуды. Это гончарная посуда красновато-бурого, коричневого и желтого цветов, хорошего обжига, часто с подложенной вертикальными полосами поверхностью. В Волжской Булгарии она датируется X—XIII вв.¹¹ Аналогичная керамика имеется в домонгольских слоях Владимира и Суздаля¹² и таких городов Муромо-Рязанского княжества, как Старая Рязань, Пронск, Переяславль-Рязанский¹³. Она свидетельствует о широкой торговле северо-восточных княжеств с Волжской Булгарией.

Булгарские купцы по заключенному в 1229 г. с князем Юрием Всеволодовичем торговому договору могли свободно торговать в русских городах по Волге и Оке: «Купцам ездить в обе стороны невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно»¹⁴. Путь в Волжскую Булгарию в XII в., с возникновением и расцветом Владимира, шел по Клязьме. Недаром одни из городских ворот в системе обороны Владимира носили название Волжских¹⁵. Ярополч был транзитным пунктом по пути из Владимира на Волгу, и, видимо, болгарские купцы не раз останавливались в этом городе.

При посредстве Волжской Булгарии волжским торговым путем поступали во Владимирскую землю и в частности в Ярополч из Средней Азии и Ближнего Востока некоторые типы бус¹⁶. Это — сердоликовые и хрустальные бусы, аметистовая бусина-привеска (рис. 10, 5), некоторые

⁹ «Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы». Издание Общества любителей древней письменности, вып. XXX. СПб., 1878.

¹⁰ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 106, рис. 8, 10.

¹¹ Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII в. МИА, № 111, 1962, стр. 137, 138.

¹² Архив ИА, дела Р—1, 1751 и 3673.

¹³ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 327.

¹⁴ В. Н. Гатищев. История российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1768, стр. 454.

¹⁵ «Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы», стр. 34.

¹⁶ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, вып. 33, 1959, стр. 149—156.

типы стеклянных бус, например золото-стеклянных. Перечисленные выше привозные предметы свидетельствуют о развитой торговле, о том, что Клязьма была оживленной торговой и транспортной дорогой, по которой суда могли попадать с Волги в глубь Владимиро-Суздальской земли. Такое положение складывается к середине XII в. в связи с перенесением столицы княжества из Суздаля во Владимир и возникновением опорных пунктов по границе княжества — городов Стародуба, Ярополча, Гороховца и Бережца. Так, если Юрий Долгорукий в 1120 г. еще совершил поход на болгар Волгой, плывя на ладьях, по-видимому от Ярославля, то Андрей Боголюбский в 1164 г., судя по участию муромского князя, двигался более коротким путем: Клязьмою и затем Окой до Волги или же от низовьев Клязьмы к Волге сушей.

Клязьма была единственной торговой дорогой. Сухопутных дорог, по-видимому, в этой части княжества почти не существовало, так как севернее Клязьмы на многие десятки километров, вплоть до Волги, простирались глухие боровые леса, мало населенные и поныне. Южнее Клязьмы начинались земли Муромо-Рязанского княжества. Освоение нижнего течения Клязьмы началось поздно. Если на Оке, на Нерли клязьминской и верхней Волге в X—XI вв. во множестве известны находки восточной серебряной монеты¹⁷, то по течению Клязьмы ниже Владимира не зафиксировано ни одного клада. Почти не известны здесь городища и курганные могильники славян, а также финские поселения и грунтовые могильники¹⁸.

Возникшие в первой половине XII в. в результате активной княжеской политики княжеские города были и военными форпостами, и центрами ремесла и торговли. С их возникновением по Клязьме осуществлялись оживленные торговые связи с Волжской Булгарией, а по Волжскому пути и с далекой Средней Азией и Ближним Востоком.

Таким образом, рассматривая археологический материал Ярополча, мы видим, что Клязьма в XII—XIII вв. была оживленной торговой артерией, связывавшей Владимирскую землю с далекими областями Востока, Юга и Запада.

¹⁷ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, рис. 24, 31, 49.

¹⁸ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, рис. 101—104.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

ЖЕЛЕЗНЫЕ КРОВЛИ В АРХИТЕКТУРЕ
ДРЕВНЕГО ПСКОВА

Отчетливое представление о древнерусской строительной технике необходимо и археологу, и исследователю древнерусской архитектуры, и реставратору ее памятников. В этой заметке мы хотим сообщить об одной технической особенности устройства железных кровель, которая прослежена главным образом на материале Пскова, но, несомненно, была присуща вообще Древней Руси.

Покрытие железом крыш церквей вошло в Пскове в практику со второй половины XV в. Под 1465 г. псковские летописи отметили обивку железом крыш двух церквей в Довмонтовом городе — Софийской и Воскресенской¹. Видимо, в то время такое покрытие представляло в Пскове новинку. В следующем году летопись отметила покрытие железом входа Иерусалимской церкви², а в 1467 г. — главы Троицкого собора на Крому³. После этого известия о покрытиях церквей железом в псковской летописи не появлялись. Это объясняется не прекращением таких работ, а тем, что они стали в Пскове обычным явлением и уже не привлекали к себе внимания местных летописцев. Распространенность крытых железом церковных крыш в Пскове в XVI в. подтверждается свидетельством Пиотровского, отметившего в своем дневнике, что во время осады Пскова в 1581 г. псковичи снимали железо с церковных крыш и ковали из него ядра⁴. Идти на эту меру, очевидно, имело смысл только в том случае, если она могла дать большое количество материала, следовательно, таких крыш тогда в Пскове было много. Если учитывать присущие средневековым строителям, в их числе и псковским, склонность к своего рода типизации технических приемов строительства, можно уверенно утверждать, что тогда крыть псковские церкви железными кровлями было при-

¹ «В лето 6973. Побиха железом храм святых мучениць трии дев Веры и Любве и Надежи и матери их Софии, повелением раба божия старосты купецького Якова Ивановича Кротова и всех рядовичь купцов» («Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 71); «В лето 6973. Покрыша церковь святых Софии железом и всю церковь» («Псковские летописи», вып. 2. М., 1955, стр. 159). «Того же лета покрывша храм святого Воскресения железом и всю церковь в Домонтове стены» (там же, стр. 160, под 1465 г.).

² Под 1466 г.: «Того же лета покрывша верх оу святого Иерусалима железом» (Там же, стр. 163).

³ «В лето 6975. Побиха лоб ау святых Троица железом» (там же, стр. 163). Весьма вероятно, что покрытие крыши Троицкого собора досками, отмеченное летописью под 1465 г. («Того же лета почаша крыти храм святых Троици доски» — там же, стр. 160), являлось подготовкой к покрытию ее железными листами и, возможно, что затем покрытие железом было осуществлено, но летописи его уже не стали отмечать.

⁴ «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова)». Псков, 1882, стр. 159.

нято, а если и могли быть исключения из этого правила, то очень редкие, вызванные какими-либо особыми причинами⁵.

Что представляли собой древнерусские железные кровли, по крайней мере кровли распространенные, можно представить по остаткам и следам их, относящимся к XVII в. Старинные железные кровли еще недавно существовали в Пскове и сохраняются и теперь в Псково-Печерском монастыре. Можно различить два рода их. Первый тип — кровли, сделанные из небольших, но толстых листов железа, не соединенных фальцами, а приколоченных к деревянной основе гвоздями, в порядке, напоминающем порядок пробивки кровельной дроби или щепы⁶. Второй тип — кровли, сделанные из листов значительно более крупного размера, но сравнительно тонких, соединенных между собой лежащими фальцами, а к основе прикрепленных, вероятно, клямерами⁷. Первый способ, очевидно, старше — он соответствует более ранней стадии развития искусства выделки листового железа. Второй прием распространился в России, вероятно, лишь в XVIII в., хотя мог применяться и раньше в тех случаях, когда для покрытия пользовались тонким «немецким» железом⁸.

Ознакомьтесь с устройством основания под железную кровлю XVII в. автору привелось в 1945—1946 гг. на примере главного четверика храма Успения у Парома в Пскове. Во время Великой Отечественной войны в западный склон этой крыши попал снаряд, пробивший ее и разворотивший на площади более 10 кв. м. Повреждения дали возможность обследовать крышу снаружи и изнутри, с чердака, и рассмотреть многие ее детали. Великолепные колотые доски, карнизы (довольно сложного многообломного профиля), вытесанные из огромных брусьев топором и теслом, и некоторые другие технические особенности показывали, что крыша построена в XVII в. или же начале XVIII в. Известно, что именно в последней четверти XVII в. в Пскове происходила повсеместная замена старых многоскатных покрытий церквей на четырехскатные и это дает возможность отнести крышу к последней четверти XVII в. Характер сохранившихся частей первоначальной железной кровли подтверждал такую датировку. Все деревянные части крыши сохранялись в прекрасном состоянии, но железная кровля оставалась нетронутой лишь на выпуклой средней части восточного ската и трехлопастном навесе над фреской посередине восточного фасада, на остальной же площади была заменена в XIX в. К стропилам из бревен, отесанных на один кант, была пришита обрешетка из подтоварника, протесанного с двух сторон. Обрешетка служила основанием для тесовой кровли. Первый слой этой кровли состоял из колотых досок толщиной 6—7 см и шириной 20—30 см, очень ровно и гладко отесанных, а по краям продороженных. Доски были пришиты к обрешетке крупными гвоздями вплотную одна к другой. По ним была уложена «скала» — большие листы, каждый из которых состоял из одного

⁵ Это подтверждается и характером форм покрытия псковских церквей, типичных для периода от середины XV в. Псковские церковные крыши того времени имели много пересечений плоскостей, то есть коньков и (что особенно существенно) разжелобков, весьма неудобных и ненадежных при деревянной кровле, но допустимых при покрытии железом.

⁶ Так были покрыты сохранившиеся до 1953 г. первоначальные части железной кровли церкви Успения у Парома в Пскове. Насколько можно определить по внешнему виду на далеком расстоянии, похоже, что так же покрыты крыши часовой вышки у большой звонницы Псково-Печерского монастыря и башня над «святыми воротами» того же монастыря.

⁷ Покрытие здания монастырской ризницы там же.

⁸ Некоторые свидетельства иностранцев о внешнем виде Пскова дают основание думать, что в Пскове XVI—XVII вв. купола некоторых церквей были покрыты «белым» (луженым) «немецким» железом. Однако для покрытия крыш оно, по-видимому, не употреблялось. Единственный известный нам случай покрытия крыши храма «немецким» железом — постройка Успенского собора в Москве. Это было отмечено летописью (ПСРЛ, т. XXII, стр. 496).

куска толстой бересты, сложенной пополам мохнатой белой наружной стороной внутрь и желтой гладкой наружу, а затем по трем сторонам сшитой полоской лыка (шириной около 1,5—2 см), чтобы лист не разгибался. Размер листов был стандартным — около 1,0×0,5 м⁹. Листы «скалы» были уложены длинной стороной по направлению уклона крыши, ровными рядами внахлестку так, что в каждом ряду один лист перекрывал кромку другого на 10—15 см, а каждый вышележащий ряд закрывал более половины нижнего, при этом стыки листов верхнего ряда располагались посередине между стыками нижнего. Береста, таким образом, лежала везде не менее, чем в четыре слоя, а все стыки были перекрыты верхними рядами «скалы». Поверх «скалы» был пришит второй слой досок такой же толщины и также продороженных по краям, как и первый. Такая тесовая кровля была обычна для XVII в., но здесь она служила лишь основанием для покрытия железом и, без сомнения, предназначалась для этой цели с самого начала.

⁹ Во время осмотров, сделанных автором в 1945—1946 гг., было трудно установить точные размеры «скалы», так как для этого нужно было часть покрытия разобрать. Автор рассчитывал сделать все обмеры при реставрации этой крыши. Однако ему не пришлось принять участие в реставрации или хотя бы быть ее свидетелем.

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. В. АЛЕКСЕЕВ, Э. М. СЕРГЕЕВА

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

Курганы в Восточной Белоруссии (восточные районы современных Витебской, Могилевской и Гомельской областей) интересовали ученых уже в начале прошлого столетия¹. Наиболее значительные раскопки здесь были предприняты М. Ф. Фурсовым, С. Чоловским, Н. М. Турбиным, Е. Р. Романовым, Н. М. Авенариусом, после Октябрьской революции — А. Н. Лявданским и др.² Обобщение накопленного принадлежало А. А. Спицыну и было продолжено Б. А. Рыбаковым и другими исследователями³.

А. А. Спицын определил, что курганы Восточной Белоруссии принадлежат кривичам, дреговичам и радимичам, и наметил ареал каждого из этих племен. Он отметил, что племенные границы далеко не везде прослеживаются четко, в частности, из-за слабой изученности Оршанского уезда осталось неизвестным, «заходят ли кривичские курганы в северную часть Могилевской губернии»⁴. Далее исследователь подчеркнул, что рогачевские и быховские курганы коренным образом отличаются от радимических и, возможно, близки к березинским⁵. Накопление большого мате-

¹ *T. Narbutt. Badanie starozytnosci litewskich. O kurganach. «Tygodnik Wilenski», t. VI. Wilno, 1818, стр. 161—168.*

² *М. Ф. Фурсов. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губернии в 1892 г. Труды IX АС. т. I. М., 1895, стр. 236—245; «Древности», т. IV, 1874, протоколы, стр. 51—52; там же, т. VIII, 1880, протоколы, стр. 33, 34, 37; Н. М. Турбин. Раскопки 1885 года. Там же, т. XI, вып. II, 1886, стр. 83—86; он же. ЗОРСА, IV, 1887, протоколы, стр. 15; Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году. «Древности», т. XIII, вып. I, 1889, стр. 129—153; он же. Две археологические разведки. «Могилевская старина», вып. 3. Могилев, 1903, стр. 124—127; он же. Пробная раскопка в Брусневичах Могилевского уезда. Там же, вып. 2. Могилев, 1901, стр. 34—38; он же. Раскопка в имении Чирчино. Там же, вып. 1. Могилев, 1901, стр. 1; «Заметка Н. П. Авенариуса об его раскопках в Минской губернии в 1889 году». — Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильно, 1893, стр. 42—43; он же. Раскопки в Борисовском уезде. ОАК за 1889 г. СПб., 1889, стр. 45—50; А. Н. Лявданскі. Курганны магільнік каля в. Чаркасова Аршанскай акругі. «Працы», II, 1930, стр. 57—70; он же. Археолёгічныя досьледы у Аршанскай акрузе. Там же, стр. 31—46.*

³ *А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1898, вып. VIII, стр. 301—340; Б. А. Рыбаков. Радзімічы. «Працы», III, 1932, стр. 80—98; Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам. СА, т. XXV, 1956, стр. 138—172.*

⁴ *А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1896, стр. 118.*

⁵ *А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний..., стр. 115—122.*

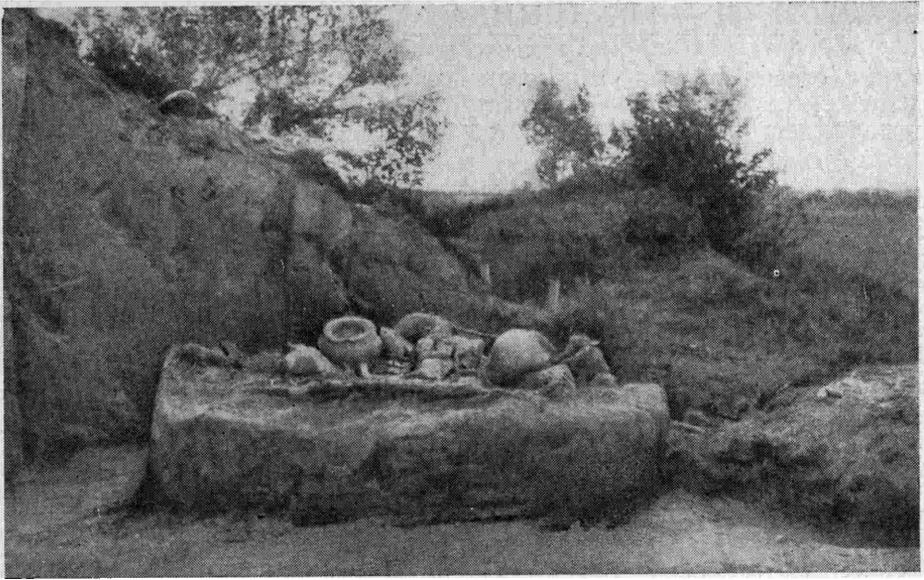

Рис. 11. Курган 2 у дер. Синчуки. Захоронения в урнах с остатками деревянной обкладки

риала позволило Б. А. Рыбакову всесторонне изучить историю радимичей, в том числе решить некоторые вопросы их экономической и культурной жизни. Однако и в этой работе разрешено далеко не все. Например, граница между радимичами и кривичами на правобережье Днепра осталась неопределенной. На карте исследователем был оставлен здесь большой треугольник, племенную принадлежность древнерусского населения в котором установить не удалось⁶. Не внесла нового в данный вопрос и Г. Ф. Соловьева, которая, исходя из мельчайших деталей погребального обряда, сделала крайне интересные наблюдения над структурой некоторых древнерусских племен⁷. Нерешенными остаются и другие вопросы, связанные с населением этих мест в эпоху Киевского государства.

Занимаясь исследованием городских древностей Восточной Белоруссии (раскопки Друцка и Мстислава), археологическая экспедиция, руководимая Л. В. Алексеевым, одновременно изучала курганы. С раскопками некоторых из них и знакомит настоящая статья.

Курганная группа у дер. Синчуки расположена на пахотном поле, севернее деревни, в 0,5 км к востоку от городища Друцк — средневекового раннефеодального центра, упоминаемого летописями впервые под 1092 г.⁸, на противоположном от него, левом берегу р. Друти. В 1873 г. здесь насчитывалось 48 насыпей⁹, теперь сохранилось всего 8. В 1961 г. сотрудник экспедиции С. С. Ширинский раскопал у дер. Синчуки один курган (3) (раскопанный до этого курган 1 оказался пустым), а в 1962 г. под руководством Т. Б. Барцевой исследована еще одна насыпь (2).

Курган 2 полусферической формы и высотой 1,85 м находился в западной части могильника. Его южный склон был довольно пологим, а северный более крутым. Насыпь состояла из серо-желтого песка без прослоек и раскапывалась на снос с оставлением метровой крестообразной бров-

⁶ Б. А. Рыбакоу. Радзімічы, стр. 81—153.

⁷ Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен..., стр. 138—172.

⁸ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 149—161.

⁹ «Сведения 1873 года о городищах и курганах». ИАК, вып. 5, 1903, стр. 45.

ки-перемычки. Погребение по обряду трупосожжения обнаружено в южной части насыпи на небольшой подсыпке (высотой от основания кургана 0,6 м) и состояло из шести урн, сделанных на гончарном круге и заполненных мелкими кальцинированными косточками человека. Почти все сосуды раздавлены и некоторые лежали на боку. Первоначально они, по-видимому, стояли рядом друг с другом, причем так, что четыре располагались в одну линию с севера на юг, а два других находились западнее на 25—30 см. Сосуды находились в слое золы толщиной в 5—7 см, которая была заключена в сруб (?), возможно, квадратной формы со стороной 0,7 м, сложенной в один венец из бревен толщиной около 10—12 см. Следы сильно обгоревшего дерева прослежены в северо-западной и частично в северо-восточной сторонах «квадрата» (рис. 11). Под погребением грунт был довольно сильно прокален. На расстоянии 1,3 м восточнее на том же уровне найден еще один горшок-урна, который, вероятно, выкатился из кострища. Погребальные урны по своим формам относятся к X в. Подобные сосуды встречены в Гнездове, в курганах на водоразделе Волги и Днепра¹⁰ и в других местах.

Курган 3 расположен в восточной части группы. Он также полусферический и имел высоту 1,5 м. Почти вся северная половина кургана распахана, ровики нигде не прослеживались. Насыпь состояла из серо-желтого песка и раскапывалась на снос с оставлением бровки-перемычки в направлении с запада на восток. В кургане обнаружено два скопления костей. Первое открылось в центральной части насыпи на глубине 0,4 м от поверхности и в 0,1 м к западу от центра. Здесь под круглым в плане угольно-зольным пятном диаметром до 0,5 м и толщиной до 4 см оказалась небольшая площадка из обожженной глины толщиной 3—4 см. В угольно-зольном слое найдены фрагменты кальцинированных костей и развалившийся раннегончарный сосуд. Второе захоронение обнаружено на глубине 0,7—0,75 м. Угольно-зольная прослойка (размерами 88×68 см при толщине 2—6 см) содержала большое количество кальцинированных костей человека, среди которых находились две целых раннегончарных урны, обломки двух других раздавленных сосудов и днище большого горшка. Здесь же обнаружены два обломка железных височных колец (?), побывавших в огне, обломок оплавившейся глазчатой бусины и много фрагментов зеленых и синих зонных бусин. Под угольно-зольным слоем также прослежена площадка красной обожженной глины толщиной 4 см, располагавшаяся на сегментовидной насыпи из красной супеси диаметром 1,72 м и высотой 0,34 м, обожженной по всей поверхности ярко-красной глиной (толщиной 0,6—0,7 м).

Курганная группа у дер. Арава Круглянского района Могилевской области расположена в 5 км южнее Друцкого городища и в 0,3 км от р. Друти, на ее правом берегу. Сейчас здесь насчитывается 10 насыпей. В 1967 г. здесь раскопан один курган (1) полусферической формы, диаметром 9 м и высотой 2,5 м. В восточной части насыпи, состоявшей из супеси, на высоте 0,6 м от основания обнаружено 6 гончарных урн, поставленных, как и в Синчуках, внутри квадратной срубной бревенчатой обкладки (ее размеры 0,8×0,8 м, толщина бревен 0,12 м). Седьмая урна, по-видимому, выкатилась и находилась снаружи около сруба (рис. 12, 1—7). Сооружение было заполнено жирным черным слоем толщиной 0,1 м, насыщенным мелкими кальцинированными косточками. Такая же земля с сожженными косточками находилась и в горшках. По определению Т. И. Алексеевой, среди остатков кремации обнаруживаются кости двух взрослых и одного ребенка. Кроме того, имеется несколько косточек животных. Сосуды приземистые, серо-желтого розоватого цвета, с примесью

¹⁰ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 52, табл. XXVI, 17.

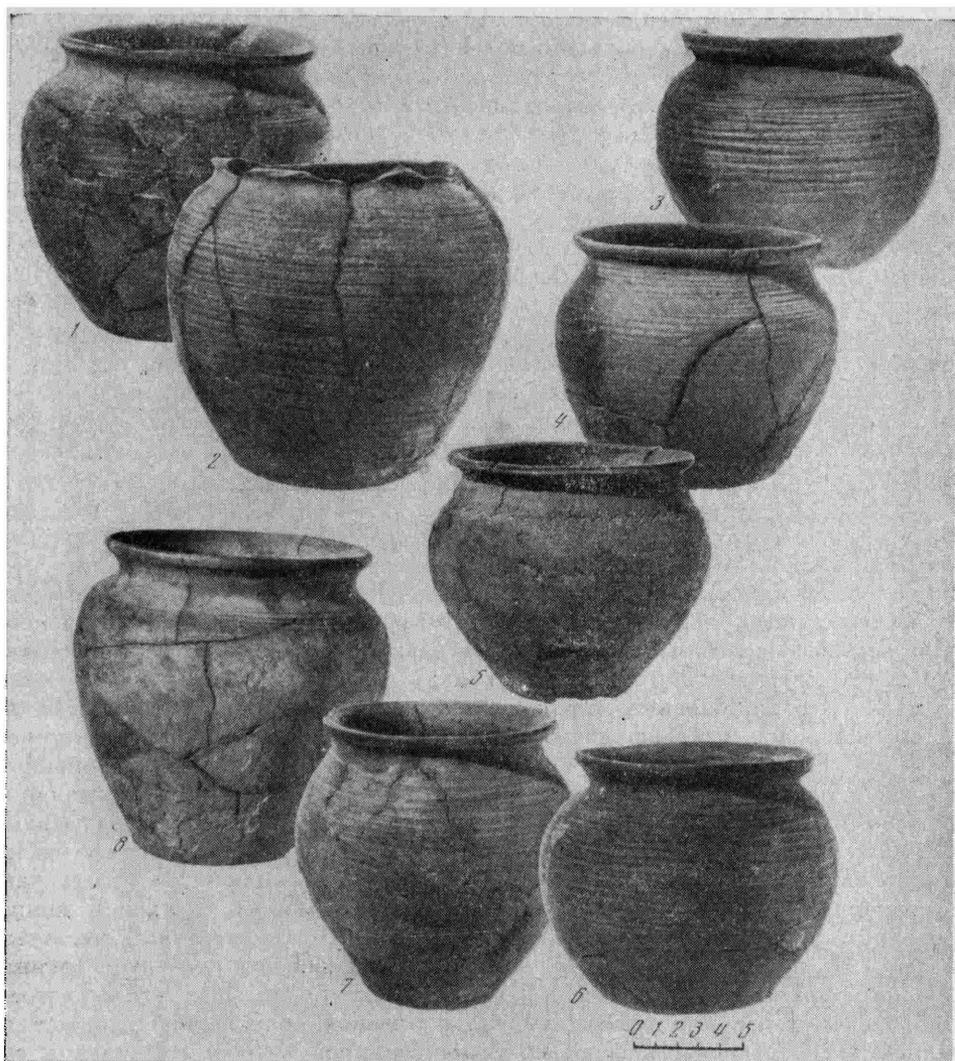

Рис. 12. Глиняные сосуды из курганов при дер. Арава и Васьковичи
1—7 — Арава; 8 — Васьковичи

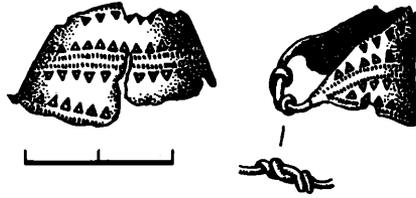
песка и слюды в тесте. Диаметр их днищ совпадает с диаметром горловин. Три сосуда имеют плоские днища, остальные несколько вогнутые. На одном днище имеется клеймо в виде выпуклой шестиконечной звезды. Венчики сосудов несколько отогнуты и имеют раздвоенный край. Орнамент на всех урнах — линейный, покрывающий верхние две трети тулова. На двух сосудах по шейке нанесен еще и волнистый узор. По всем своим данным сосуды относятся к IV типу керамики Новгорода (тип IV⁶ и IV^в), датирующемуся X — началом XI в.¹¹ Кроме горшков, внутри сруба в слое пережженной земли найдено два железных ножа (трехслойные, типичные для этого времени) и широкосрединный с завязанными концами бронзовый перстень (рис. 13). Подобные перстни датируются X—XI вв.¹²

¹¹ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 131.

¹² Н. Г. Недошивина. Перстни. Труды ГИМ, вып. 43, 1967, стр. 257.

Исследованные курганы в окрестностях Друцка принадлежат к весьма интересным. Они содержали остатки трупосожжений в урнах, поставленных в небольшие древесные клетки из бревен, имитирующие срубы-домики мертвых. Судя по характеру урн (все они гончарные), наиболее ранним, относящимся к X в., является Синчуковский курган № 3. Урны этой насыпи имеют архаический облик и близки к лепным. Урны кургана 2 того же могильника и кургана из Аравы, кажется, имеют более развитые формы и их, по-видимому, можно датировать началом XI в. Такой

Рис. 13. Бронзовый перстень из кургана 1 при дер. Арава

датировке не противоречат и найденные в курганах вещи: глазчатая и характерные зонные бусины, широкосрединный перстень с завязанными концами и трехслойные ножи. Вопрос о том, совершалось ли сожжение умерших в этих курганах на месте или на стороне, решить трудно. Более вероятным представляется предположение, что кремация совершалась на стороне, а затем, при перенесении ее остатков в курганы, на небольшой подсыпке устраивался ритуальный костер.

Интересно сравнить курганные урны с самой древней посудой, полученной из раскопок ближайшего феодального центра — Друцка (рис. 14). Самая ранняя посуда найдена в Друцке в материковых западинах. Наиболее близок к курганным урнам сосуд XX.M.7 (рис. 14, 3)¹³. Остальные сосуды из нижнего слоя гораздо дальше от курганных и представляют уже развитые формы, типичные для XI в. Названный сосуд XX.M.7 также относится к началу XI в. (консультация Г. П. Смирновой).

В верховьях Друти, в начале волока двинского ответвления пути из варяг в греки в X в. жило крестьянское население, промышлявшее перевозами по волоку в сторону Лукомля и р. Усяж-Бук (бассейн Западной Двины). В XI в. в гуще поселений «волочан» (так именует жителей волоков договор Смоленска с Ригой 1129 года)¹⁴ возник феодальный центр — укрепленный Друцк, строители которого, по-видимому местная феодальная знать, нашли здесь многочисленное (судя по обилию вокруг Друцка курганов) платежеспособное население.

Курганный могильник у дер. Черкасово Оршанского района хорошо известен в литературе¹⁵ и многократно раскапывался. В 1920-х годах он насчитывал 136 насыпей и в 1925 г. был даже объявлен заповедником. Первые раскопки проведены в 1926 г., когда А. Л. Аниховский исследовал одну насыпь (22). В том же году А. Н. Лявданский раскопал здесь 21 курган и А. Д. Коваленя — восемь. Насыпи дали богатые захоронения кривичей¹⁶. Изучая Черкасовские курганы, раскопанные А. Н. Лявданским, Б. А. Рыбаков сделал интересные наблюдения над погребаль-

¹³ Римские цифры означают номер раскопа, буква — квадрат, арабская цифра — пласт. Раскоп XX занимает на плане детница — ар X — 27 (Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 150, рис. 31).

¹⁴ «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.» М., 1963, стр. 27 и др.

¹⁵ Первое упоминание могильника помещено в «Сведениях о городищах и курганах 1873 года» (ИАК, вып. 5, 1903, стр. 50).

¹⁶ Эм. Дайяла. Дзейсаць Гістарычна-археалягічнае камісіі. Інстытуту беларускае культуры ў 1925 г. «Гістарычна-археалягічны зборнік», вып. 1. Менск, 1927, стр. 366; А. Н. Лявданскі. Курганы магільнік каля в. Чаркасова. «Працы», т. II, 1930, стр. 57.

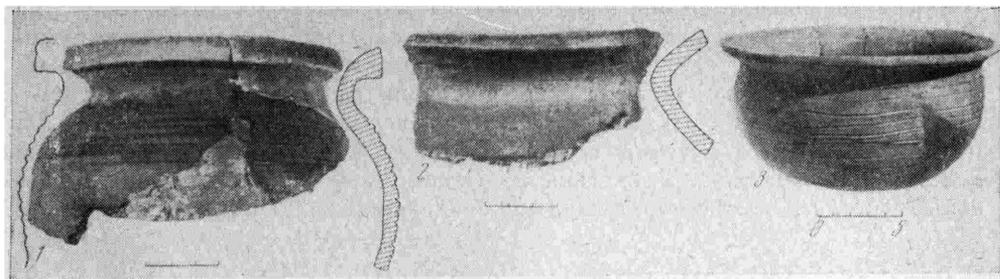

Рис. 14. Керамика из нижнего слоя Друцкого кургана

ным обрядом, что привело его к важному выводу о переходе гончарного ремесла по наследству¹⁷. В 1959 г., по просьбе витебского краеведческого школьного кружка, руководимого М. С. Рывкиным, силами учеников школы № 3 города Витебска в Черкасовском могильнике раскопано два кургана (51 и 69 по плану А. Н. Лявданского).

Курган 51 полусферический, диаметр 10 м, высота 1,65 м. При раскопе обнаружилось, что насыпь состояла из песка без каких-либо включений. Костяк лежал на материке в юго-восточном секторе. Умерший положен на спине, головой на запад (череп — на левом виске). Судя по положению проволочного завязанного браслета (выше тазовых костей), одна рука умершего была согнута в локте и лежала на животе. У левой ноги, чуть выше колена лежал железный нож.

Курган 69 также полусферический, имел высоту 1,48 м при диаметре основания 9 м. Погребение открылось на глубине 1,2 м. Это женское захоронение, устроенное на песчаной подсыпке высотой 20—25 см. Умершая положена на спине, головой на запад (248°). Череп расплюснут и лежал на правом виске, но его первоначальное положение, судя по нижней челюсти, — на затылке¹⁸. Положение браслета (у левого бедра) говорит о том, что левая рука умершей была вытянута.

У правого виска найдено бронзовое проволочное кольцо с завязанными концами. Вокруг черепа (главным образом с левой стороны) и на груди собраны остатки ожерелья из 53 бусин (одна хрустальная шарообразная, одна хрустальная бипирамидальная, остальные — золото-стеклянные). У левого бедра лежал бронзовый проволочный завязанный браслет, идентичный с височным кольцом. В ногах расчищен раздавленный гончарный горшок¹⁹.

Таким образом, при раскопках двух курганов Черкасовского могильника обнаружены типично кривические захоронения, полностью идентичные тем, которые раскапывались археологами здесь в прошлые времена. Дата раскопанных курганов довольно определена: судя по золото-стеклянным, хрустальным битрапецидным и хрустальным шарообразным бусам — X — начало XII в.²⁰, всего вероятнее — XI в.²¹

Курганная группа у дер. Васьковичи Славгородского района Могилевской области известна давно. Территория вокруг этой деревни давно привлекала внимание исследователей, так как именно здесь на р. Пищане воевода Владимира Святого Волчий Хвост разбил войско радимичей: «В лето 6492 (984) иде Володимерь на радимичи. Бъ у него воевода Вольчий

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 180.

¹⁸ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 44, рис. 7.

¹⁹ Там же, стр. 44, рис. 7; 8, 8.

²⁰ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Труды ГИМ, вып. 33. М., 1959, примечания.

²¹ Вещи из курганов переданы музею при школе № 3 в г. Витебске.

Хвостъ, и посла ѿ Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сѣрѣте радимичи на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волъчий Хвостъ. Тѣмъ и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: „Пищаньци Волъчья Хвоста бѣгають“»²².

В связи с вопросом о месте битвы с радимичами по просьбе Могилевского музея и были произведены раскопки курганов у дер. Васьковичи. Могильник насчитывает сейчас около 40 насыпей. Он расположен вблизи деревни, на местности, понижающейся к р. Пешанке, правому притоку р. Сож. Рядом с могильником имеется городище, синхронное с курганами. Первые сведения об этих памятниках приведены в 1873 г.²³ Сохранность курганов — хорошая, форма насыпей полусферическая, высота колеблется от 0,5 до 2 м. Многие курганы поросли лесом. В 1961 г. раскопано три кургана.

Курган 1 расположен на западной окраине группы. Насыпь его (высотой 0,55 м, диаметром 5,18 м) состояла из однородной супеси. Под дерновым слоем на глубине 0,1 м, в южной поле кургана открыто кострище (размеры его с севера на юг 1,1 м, с запада на восток 0,4 м), состоящее из угля, кальцинированных костей и пережженной земли.

Курган 2 (высота 0,74 м, диаметр основания 5,5 м) находился в 30 м северо-восточнее первого. Насыпь сложена из супеси. В центре на уровне погребенной почвы обнаружены остатки труположения без вещей. Погребение ориентировано головой на юго-запад.

Курган 3 располагался в 70 м на юго-восток от второго. Насыпь супесчаная (высота 1,1 м, диаметр 7,5 м). В центре, на слое погребенной почвы открыто труположение на спине, головой на юго-запад. В ногах лежал гончарный горшок с линейным орнаментом (рис. 12, 8). Рядом с костяком находились шесть кованых гвоздей, расположенные парами у головы, в середине костяка и у ног. Обломок бронзового пластинчатого перстня рассыпался из-за плохой сохранности.

Таким образом, три кургана у дер. Васьковичи дали в двух случаях труположение на уровне слоя погребенной почвы и в одном трупосожжение в насыпи. Форма гончарного горшка позволяет датировать третий курган XI—XII вв. Васьковические курганы расположены на территории радимичей, которыми, очевидно, и оставлены. Общая дата могильника — от X (трупосожжение) до XII в.

²² ПВЛ, т. I. М., 1950, стр. 59.

²³ Сведения о городищах и курганах 1873 г., стр. 31; Литература о курганах в Васьковичах приведена в книге: «Древности железного века в междуречье Десны и Днепра». САИ, вып. Д1—12, 1962, стр. 21.

К. В. ПАВЛОВА

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У ДЕР. ГОРОДИЛОВКА

В июне 1970 г. отрядом по изучению погребальных памятников Новогрудской экспедиции ЛОИА АН СССР производились раскопки курганов у дер. Городиловка Новогрудского района Гродненской области.

Могильник расположен в лесу, в 1,5 км к востоку от г. Новогрудка, справа от дороги из Городиловки к Минскому шоссе. В могильнике насчитывается до 30 довольно хорошо сохранившихся курганов куполообразной или полусферической формы, поросших лесом. Все они задернованы, но сильно оплыли. Многие насыпи искажены старыми пнями или повреждены современными неглубокими ямами. Четко выраженных ровиков или канавок вокруг насыпей не наблюдается, однако с северной и южной сторон наиболее крупных курганов растительность (мох, трава) более густая и ярче окрашена, что может быть свидетельством имевшихся здесь некогда западин. Размеры курганов небольшие. Наиболее крупные из них имеют диаметр 8—10 м при высоте 1,20—1,50 м. Самые маленькие курганы не превышают в диаметре 4,5 м при высоте 0,50—0,70 м.

Все наиболее крупные курганы могильника расположены в северной его части. Они образуют как бы цепочку, вытянутую с востока на запад примерно на 100 м. Между этими большими насыпями и около них группируются курганы меньших размеров¹.

Могильник у дер. Городиловка известен в археологической литературе с конца XIX в. В период подготовки IX археологического съезда он был осмотрен М. А. Цибишевым и упомянут в его отчете². В 1956 г. Ф. Д. Гуревич исполнила топографическую съемку этого могильника и раскопала один курган, в котором было погребение по обряду трупоположения в могильной яме, обложенное камнями³.

В 1970 г. в этом могильнике, преимущественно в его северной части, раскопано 8 курганов. Все курганы раскопаны на снос с двумя бровками, которые проходили через вершину насыпи с севера на юг и с запада на восток.

Насыпи всех курганов состояли из желтого песка. Ближе к основанию кургана песок насыпи становится обычно более темным за счет примеси гумуса. Эта гумусированная прослойка насыпи имеет толщину от 30 до 50—60 см. Мощностъ ее не зависит от размеров насыпи. В некоторых курганах, как, например, в курганах 3 и 5, такой гумусиро-

¹ План могильника опубликован в работе Ф. Д. Гуревич («Древности Белорусского Помеманья». М.—Л., 1962, стр. 186, рис. 127).

² М. А. Цибишев. Раскопка в 1892 г. некоторых курганов близ г. Новогрудка Минской губ. «Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX археологическом съезде в Вильно в 1893 г.» Вильна, 1893, стр. 73—76.

³ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 186, рис. 127.

ванной прослойки в насыпи не замечено. У подошвы насыпей этих курганов наблюдалась лишь тонкая полоска погребенной почвы, под которой во всех курганах лежал слой предматерикового песка, отличающегося от песка насыпи по плотности и отсутствию в нем кротовин и следов сгнивших корней.

В насыпях и у основания почти всех Городиловских курганов в большем или меньшем количестве встречаются небольшие булыжные или крупные валунные камни, но регулярных выкладок из камней ни в насыпях, ни вокруг них не обнаружено. Камни всегда лежали беспорядочно, на различной глубине. Не наблюдалось никакой системы и в расположении камней, лежавших у основания курганов, на погребальных площадках, хотя группировались они в отдельных случаях ближе к середине погребальной площадки, вокруг погребений. В курганах 3 и 8 на погребальных площадках найдены единичные камни только у голов и у ног покойников, причем в кургане 3 (рис. 15, I) один большой плоский камень стоял на торце у изголовья. В кургане 4 такой же камень обнаружен примерно в одном метре к северу от черепа. Здесь, по-видимому, имеют место пережитки обычаев каменных курганов, довольно часто встречающихся на этой территории. Какую роль играли камни в насыпях, судить трудно. Возможно, это также пережитки традиций древних балтов, возможно, эти камни были положены в курганы, чтобы укрепить насыпи, предохранить их от быстрого оплывания. Но не исключено, что камни попали в насыпи случайно, как естественное включение в песок, из которого они насыпались.

В каждом кургане обнаружено по одному погребению по обряду трупоположения у подошвы курганной насыпи с некоторыми различиями в погребальном ритуале. Все скелеты лежали в вытянутом положении, на спине, головами на запад, северо- или юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Только в кургане 1 обнаружена восточная ориентировка погребения. Под более высокими насыпями находились, как правило, мужские погребения. По особенностям погребального ритуала городиловские курганы можно разделить на три группы.

1) В курганах 1, 6, 8 погребения были положены на золистую подсыпку (рис. 15, II), т. е. на тонкий слой золы от 2 до 15 см толщины. Зола, как правило, покрывает не всю площадь основания кургана, а образует пятно неправильных очертаний диаметром от трех до пяти метров. У краев курганной площадки по кругу всегда прослеживается полоса чистого желтого песка 50—80 см шириной, что может быть связано с оседанием и оплывом насыпи в первое время после насыпания кургана. Следов разведения огня на погребальной площадке ни в одном из этих случаев не обнаружено. Это дает основание предполагать, что зола была привезена к месту погребения в холодном виде. Поэтому золистый слой под погребением в таких случаях, по-видимому, лучше называть подсыпкой из золы, избегая выражения «остатки кострища», которое в археологической литературе часто употребляется без достаточных на то оснований. Золистая подсыпка под погребениями у подошвы курганной насыпи является одним из характерных признаков курганов дреговичей, хотя такой слой под погребениями встречается и у других славянских племен, в частности, у полоцких и смоленских кривичей и у радимичей.

2) В курганах 2, 3, 4, 5 захоронения были положены на подсыпку из чистого желтого песка, что также характерно для курганов дреговичей (рис. 15, I).

3) В курганах 1, 4, 7 и 8 в насыпи, на 20—40 см выше погребения, в области ног обнаружены остатки небольших костров. В курганах 1, 7 и 8 это были небольшие скопления золы и угля 3—5 см толщиной, неправильных очертаний, диаметром от 70 см до 1,5 м, с тонким слоем прокаленного песка под ними. В курганах 1 и 8, кроме этих кострищ,

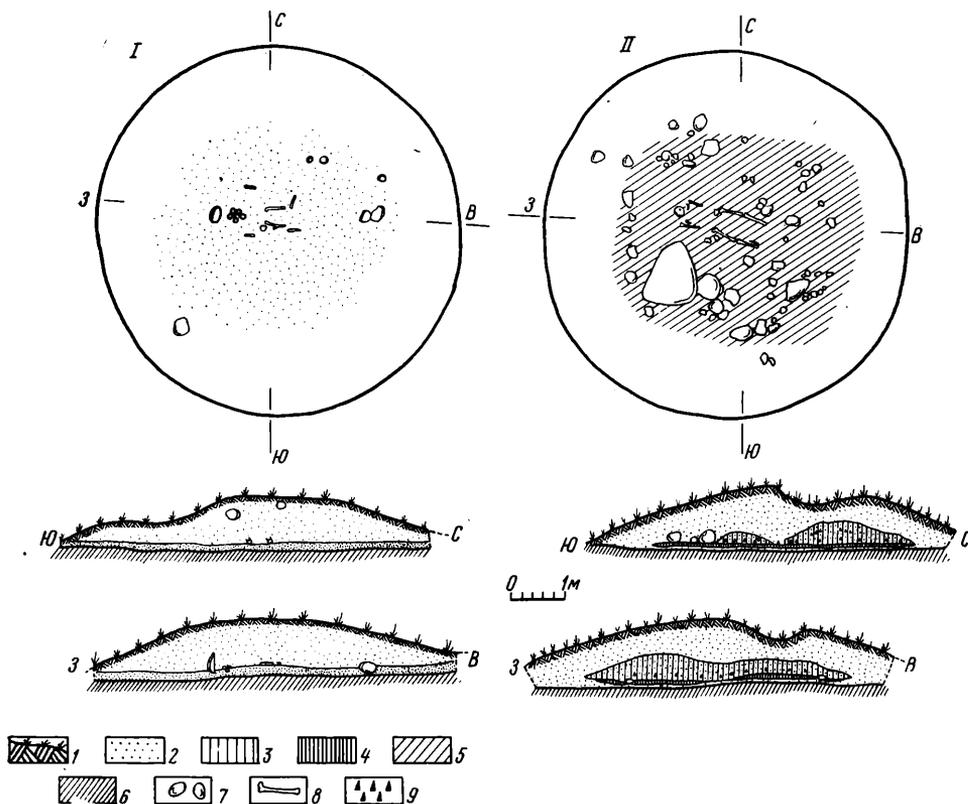

Рис. 15. Курганы у дер. Городиловка

I — план и разрезы кургана 3; II — план и разрезы кургана 6;

1 — дерн; 2 — песок; 3 — гумус с песком; 4 — гумус; 5 — золистое пятно; 6 — материк; 7 — камни; 8 — кости; 9 — зола

наблюдалась золистая подсыпка под погребениями. В кургане 4 зола и уголь от кострища отмечены на более широкой площади, чем в курганах 1, 7, 8. Здесь среди угля и золы обнаружены четыре обгорелых плахи шириной до 25 см и длиной более одного метра. Эти обгорелые плахи лежали на расстоянии 20 см одна от другой параллельно погребению, образуя небольшой настил к северу от ног покойника. Ни обгоревших костей, ни вещей в этих кострищах не найдено. Поэтому не остается сомнений в том, что кострища в курганах 1, 7 и 8 имели чисто ритуальное назначение. Такие кострища в насыпи или обычай посыпать покойника золой характерны для курганов древлян⁴. Кострище в кургане 4 является, вероятно, остатком сгоревшей домовины.

Погребальным инвентарем Городиловские курганы небогаты. Обычными вещами здесь являются глиняные горшки, ножи. В двух курганах с мужскими погребениями найдены топоры, пряжки. Только в одном кургане обнаружен набор женских украшений.

Горшки (рис. 16, 10, 11) обнаружены в четырех курганах. Они стояли у ног. В курганах 1, 4, 5 было по одному горшку, в кургане 8 — два, один из которых был перевернут вверх дном. Все горшки новые, без следов употребления. Ни в одном из них не найдено углей или остатков пищи, поэтому вопрос об их назначении остается пока открытым. Все горшки

⁴ И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1, стр. 65.

Рис. 16. Вещи из курганов у дер. Городиловка

1, 2, 3 — бусы, перстень и берестяное украшение из кургана 3; 4, 6, 8 — топор, нож и пряжка из кургана 8; 5 — пряжка из кургана 1; 7 — железная поделка из кургана 1; 9 — топор из кургана 1; 10 — горшок из кургана 5; 11 — горшок из кургана 8

из Городиловских курганов однотипны, имеют разные размеры, но одинаковые пропорции. Сделаны они на гончарном круге, хорошо обожжены, имеют сложнопрофилированные с карнизиками с наружной стороны отогнутые наружу венчики. Орнаментированы горизонтальными прочерченными вокруг тулова линиями, начиная от плечиков почти до самого дна. По форме и орнаменту они идентичны горшкам из могильника у дер. Бретянка⁵ и некоторым горшкам из нижнего горизонта Новогрудка⁶. Не

⁵ К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 101, рис. 37.

⁶ М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 87, рис. 34.

исключено, что все эти горшки происходят из одной гончарной мастерской. По классификации М. В. Малевской, это один из типов гончарных сосудов, бытовавших на территории Черной Руси в XI в.⁷

Топоры обнаружены в курганах 1 и 8 (рис. 16, 4, 9). Это секиры с широкими оттянутыми вниз лезвиями, удлиненными вырезными обухами с клювовидными отростками с обеих сторон и двумя парами боковых щекавиц треугольной формы. Такие топоры часто встречаются в древнерусских курганах и датируются концом X — началом XI в.⁸

Пряжки найдены в одних комплексах с топорами. Пряжка из кургана 1 железная, подкововидная, с ромбовидным сечением дуги и спирально-загнутыми концами (рис. 16, 5). Пряжка из кургана 8 той же формы, но бронзовая, со слегка сужающейся к концам дугой (рис. 16, 8). Железные пряжки этого типа находят преимущественно в курганах с сожжениями X — начала XI в. Особенно они характерны для курганов Скандинавских стран и Прибалтики. Бронзовые пряжки имеют тот же ареал, но бытовали до конца XI в.⁹

В набор женских украшений, найденных в кургане 3, входили два серебряных круглопроволочных миниатюрных височных колечка, две серебряные зерновые шаровидные бусины (рис. 16, 1), пластинчатый перстень с завязанными концами (рис. 16, 2), кусочки берестяного головного венчика со следами шитья серебряной канителью (рис. 16, 3), дужка и обломки железных оковок от небольшого берестяного ведерка. Наиболее выразительными в этом комплексе являются зерновые шаровидные бусы, известные пока только из курганов дреговичей XI—XII в.

Таким образом, по погребальному инвентарю могильник в целом датируется XI в., а курганы с мужскими погребениями, в которых найдены топоры и пряжки, можно отнести более точно к первой половине XI в.

Об этнической принадлежности Городиловского могильника можно говорить пока лишь в предварительной форме. Судя по обряду погребения, этнический состав населения, оставившего этот памятник, был сложным. Как в обряде погребения, так и в погребальном инвентаре наиболее четко выступают черты, характерные для дреговичей. Но не менее ясны и признаки погребальных обычаев восточнобалтийских племен и древлян. Южные традиции отмечены Ф. Д. Гуревич в домостроительстве¹⁰, а М. В. Малевской в некоторых формах гончарной керамики Черной Руси¹¹. Материалы Городиловского могильника позволяют назвать древлян одними из распространителей этих южных традиций.

⁷ М. В. Малевская. Доклад на заседании группы славяно-русской археологии от 2 февраля 1971 г.

⁸ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. САИ, вып. Е1—36, 1966, стр. 36, рис. 6.

⁹ В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Труды ГИМ, вып. 43, 1967, стр. 156.

¹⁰ Ф. Д. Гуревич. Об углубленных жилищах на территории Черной Руси. Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 117—119.

¹¹ М. В. Малевская. Об исторических связях Новгорода в X в. КСИА, вып. 129, стр. 14—20.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

КУРГАНЫ У БЫВШЕГО СЕРАФИМО-ЗНАМЕНСКОГО СКИТА
НА Р. РОЖАЕ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1969—1971 гг. студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы во время археологической практики раскопали 19 вятических курганов в группе у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожаяе. Эти курганы размещаются на правом берегу реки в 1 км к ССВ от церкви с. Битягово Домодедовского района. В последние годы в группе насчитывалось около 70 курганов высотой от 0,4 до 2 м. Первоначально же здесь, по-видимому, было 90—100 курганов. Центральная часть группы была разрушена постройками Серафимо-Знаменского скита в 1911 г. Все курганы круглые в плане, около крупных насыпей видны ровики и ямы, из которых бралась земля для сооружения насыпей.

Описываемая курганная группа известна давно и впервые раскапывалась в 1913 г. А. И. Успенским. Судя по коллекции (курганы в пустоши Дрязгино рядом с Серафимо-Знаменским скитом Покровской общины), которая до недавнего времени хранилась в Музее антропологии МГУ, он исследовал не менее десятка курганов. Отчета о раскопках нет. В 1924 г. во время больших раскопок вятических курганов в долине р. Рожаяи в этой группе В. А. Городцовым и П. А. Дмитриевым раскопано 4 кургана¹. Исследователи не заметили, что основная масса курганов в группе расположена к северу и западу от построек скита, и потому насчитали здесь только 19 курганов. В 1968 г. А. А. Юшко и Т. В. Равдиной в той же группе раскопано 6 курганов и снят план могильника, на котором изображены 64 насыпи².

Среди находок из раскопок А. И. Успенского интересным представляется вятическое семилопастное кольцо с колечками по сторонам щитка. На центральной лопасти кольца изображен дополнительный узор в виде двойного андреевского креста, прочерченный острием ножа. На двух боковых лопастях симметрично расположенные изображения крестов с перекрещенными концами (рис. 17, 1). Близкие по рисунку дополнительные узоры имеются на вятических височных кольцах, встреченных в курганных группах около Битягово³, Зозино⁴, Чертаново (рис. 17, 2), Калчуга (раскопки С. А. Романова; рис. 1, 6) и в Кривишенских курганах (рис. 17, 3), раскопанных А. М. Анастасьевым.

При раскопках А. И. Успенского при женских погребениях найдена большая серия проволочных плетеных браслетов, в том числе и браслеты

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 188, № 164—167.

² Д. А. Беленькая, А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов, А. А. Юшко. Московская экспедиция. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 38.

³ Р. Л. Розенфельдт. Битяговские курганы. СА, 1963, № 4, стр. 117—220, рис. 1.

⁴ Т. В. Равдина. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 141, рис. 2, 4.

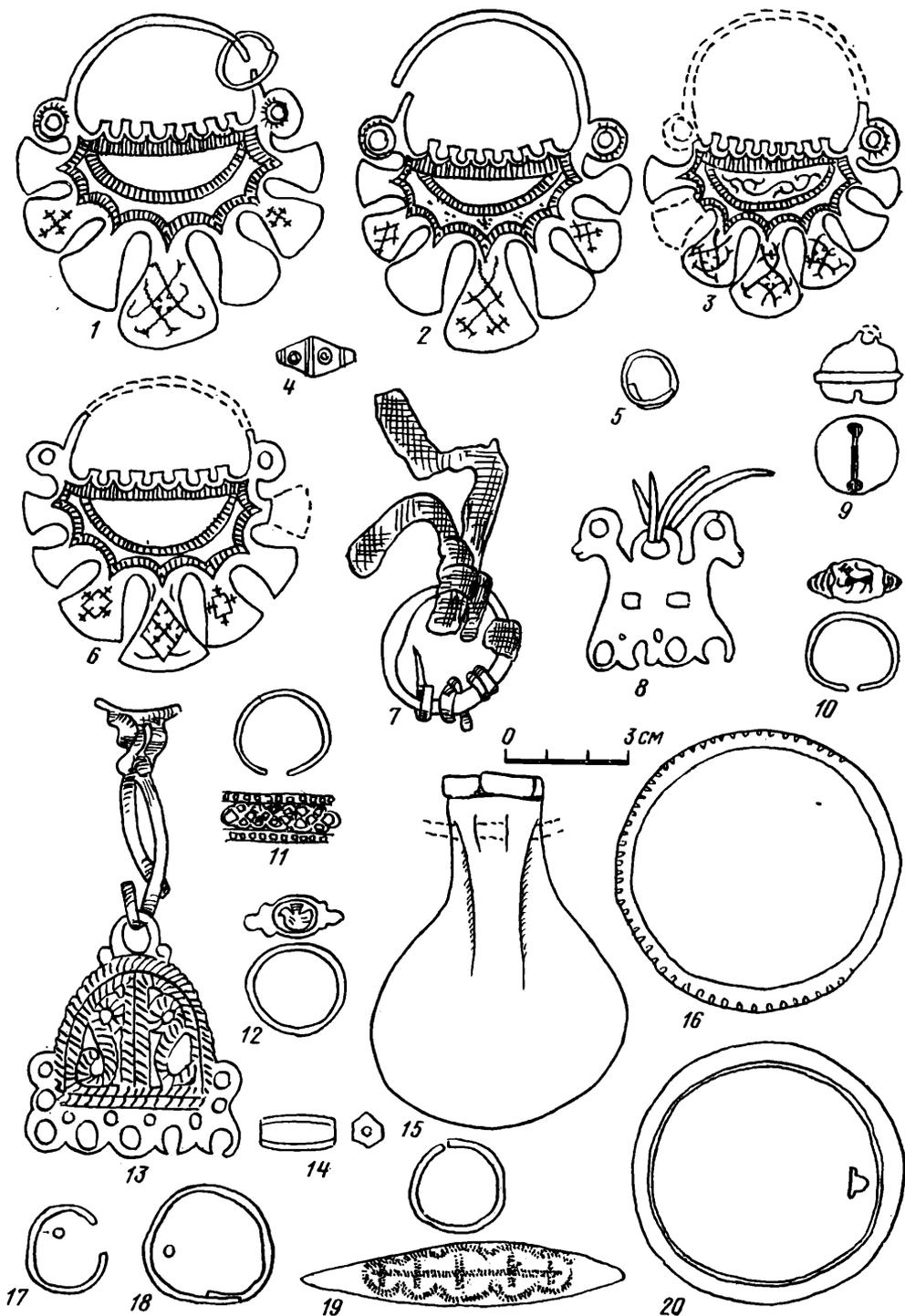

Рис. 17. Находки из курганов

1, 4, 5 — из Серафимо-Знаменских курганов; 2 — из Чертановских курганов; 3 — из Кривишенских курганов; 6 — из Калчугинских курганов; 7—20 — из Серафимо-Знаменских курганов (раскопки 1969—1971 гг.); 7—10, 12—17 — из кургана 6; 11, 18, 19 — из кургана 4; 20 — из кургана 2

из толстого дрота с расплюснутыми концами, на которых имелись стеклянные вставки треугольной формы. Здесь же найдено несколько перстней, преимущественно широкосрединных, пластинчатых, среди которых есть и решетчатые — четырех- и шестирядные, а также рубчатые и проволочные витые перстни. Интересна находка четырех сердоликовых бусин биконической формы, на одной из которых имеется орнамент в виде колечек и поперечных полос белого цвета (рис. 17, 4). Этот непрозрачный узор получался при поднесении к сердоликовому изделию конца раскаленной проволоки. По-видимому, при мужском погребении был найден песчаниковый точильный брусок длиной около 7 см.

В раскопанных в 1969—1971 гг. курганах найдено 21 погребение по обряду ингумации (в двух курганах при мужских захоронениях имелись вводные женские погребения). Всего исследовано 13 мужских, одно детское и 7 женских захоронений. При одиннадцати мужских и одном детском захоронении вещей не оказалось. Умершие погребены на спине головой на запад.

В двух курганах мужские погребения совершены на уровне горизонта, примерно на уровне горизонта находились и вводные захоронения. Остальные погребенные помещены в подкурганных ямах глубиной от 20 до 120 см. Замечено, что чем ниже высота курганной насыпи, тем глубже подкурганная яма. В восьми случаях руки погребенных вытянуты вдоль корпуса, в трех женских погребениях левая рука вытянута вдоль корпуса, а правая согнута в локтевом суставе под прямым углом. В одном мужском захоронении левая рука согнута в локте под прямым углом, а правая так, что кисть ее лежала на правом плече. Следы гробовищ в могилах прослеживаются плохо, но в одном из погребений установлено, что гробовища делались из дуба.

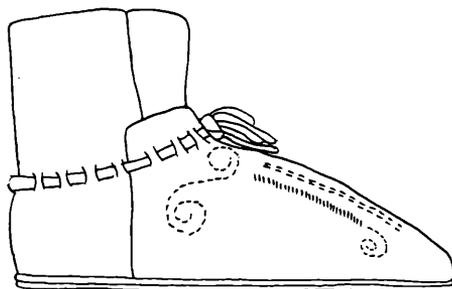
Инвентарь мужских погребений немногочислен. В одном захоронении найден железный нож, в другом — серебряная сережка в виде полтораоборотного колечка диаметром около 1 см, которая носилась в левом ухе (рис. 17, 5).

Наиболее интересным по инвентарю было женское погребение в кургане 6 (1971 г.). На груди погребенной находилось медное, сильно истертое кольцо, прикрепленное шерстяной тесьмой (шириной около 1 см) к остаткам одежды (рис. 17, 7). К кольцу ремешками привязаны две медные подвески — одна в виде двурогой двойной уточки (рис. 17, 8), а другая в виде полукруглой прорезной бляхи (рис. 17; 13). В верхней части каждого предмета было по петле, в которую были пропущены ремешки. В нижней части каждой подвески имеется по несколько петелек для шумящих привесок, которые отсутствовали. Точных аналогий этим подвескам нет. На том же колечке, по-видимому, держался и хорошо сохранившийся кошелек каплевидной формы, сшитый из двух кусков кожи. Горлышко его затягивалось шнурком (рис. 17, 15). В кошельке оказались плохо сохранившийся, по-видимому, оловянный бубенчик, который распался, и пряслице из розового овручского шифера. Рядом с кошельком найден крупный медный бубенчик с линейной прорезью (рис. 17, 9). Под кошельком и подвесками в нижней части груди находилось ожерелье из 21 бусины, изготовленных из лесных орехов.

На правой руке погребенной одеты два медных литых рубчатых браслета (рис. 17, 16), а на фалангах пальцев той же руки два серебряных перстня с овальными щитками. На щитке одного перстня видно изображение птички (рис. 17, 12), на щитке другого — фигура животного (рис. 17, 10). В области шеи погребенной были 4 бусины из горного хрусталя, три из которых шаровидные, а четвертая вытянутая, шестигранная в сечении (рис. 17, 14). Подобной формы бусы редки, но встречаются также и в другом кургане той же группы. Одна такая бусина найдена при раскопках в Пскове в 1948 г.

У правого виска погребенной лежало медное перстнеобразное колечко с несомкнутыми концами (рис. 17, 17). В заполнении могильной ямы найден обломок кругового горшка с орнаментом, насеченным зубчатым колесиком. На скелете обнаружены значительные по размерам куски шерстяной ткани двух сортов. Одни принадлежат грубой ткани типа сукна и другие более тонкой одежде, у которой основа сделана из льняных нитей, а переплетение из шерстяных. На ногах погребенной обнаружены остатки кожаной обуви. Это маленькие полусапожки, затягивающиеся у основания голенищ шнурком. Подошва сапожков сделана из двух слоев кожи. Перед них расшит, по-видимому, цветными шерстяными нитками (рис. 18). Близкие по покрою башмаки (или сапожки) найдены в одном из мужских

Рис. 18. Реконструкция обуви из кургана 6 у Серафимо-Знаменского скита

погребений Битяговских курганов и в курганах у с. Матвеевского при раскопках Г. П. Латышевой (группа 2, курган 4)⁵.

Более ординарным был инвентарь женского погребения в кургане 4 (1971 г.). При погребенной находились два семилопастных височных кольца с колечками по сторонам щитка и вместе с ними два полутораоборотных проволочных височных колечка диаметром в 2,5 см (рис. 17, 18). На одной руке одеты проволочный незамкнутый браслет (витой, 3×3) и браслет из дрота, оплетенного проволокой с расплюснутыми концами. На концах последнего имеются стеклянные треугольные вставки в медных обоймочках. На правой руке находились пластинчатый широкосрединный перстень с крещатым узором, заключенным в скобки (рис. 17, 19), решетчатый шестирядный и широкосрединный перстень с литым узором в виде ложной плетенки (рис. 17, 11). В области шеи найдены две пастовые шаровидные бусины и две другие шаровидные бусины (из сердолика и горного хрусталя).

Среди других предметов прочих захоронений интересен литой браслет с высоким ребром с наружной стороны (рис. 17, 20). В одном из погребений найден обломок кругового кувшина. Найдены также преимущественно проволочные перстни, височные кольца и браслеты.

Раскопанные погребения датируются началом XIII в., в пользу чего свидетельствуют находки височных колец и браслетов. Об этом же свидетельствует преобладание захоронений в подкурганых ямах и диаметр внутреннего канала овручского пряслица.

Поселение, соответствующее описываемой курганной группе, располагалось в 300 м от курганов на берегу р. Рожай. Оно частично раскопано А. А. Юшко. Это еще раз подтверждает предположение о том, что каждая славянская курганная группа располагалась в непосредственной близости от поселения и на том же берегу реки. Расположение курганной группы в Подмоскowie дает возможность судить о расположении поселений, их населенности в домонгольское время. Никогда люди с разных поселений не хоронили умерших в одной курганной группе, даже когда поселения располагались в непосредственной близости одно от другого.

⁵ Г. П. Латышева. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. 5. М., 1954, стр. 52, рис. 8, 9.

Т. В. РАВДИНА

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БРЯНСКА

В 1968, 1970 и 1971 гг. в центре Брянска, на Покровской Горе проведены археологические раскопки для определения времени возникновения Брянска. Шурфы и раскопы общей площадью 109 кв. м заложены в разных местах Покровской Горы¹, и добытый из них материал вполне достаточен для датировки древнейшего культурного слоя. В «Археологических открытиях» 1970 и 1971 гг. описаны стратиграфия раскопов, сооружения, почти весь вещевого и керамического материал². Задачей настоящей статьи является возможно более полная графическая публикация датируемых вещей и тем самым полная аргументация времени отложения древнейшего культурного слоя Брянска.

Городище Покровская Гора, которую брянские историки считают древнейшим ядром Брянска, устроено на природном всхолмлении высотой до 45 м, расположенном между правым берегом Десны (метрах в 500 от реки) и ручьем Верхний Судок. Размеры большой площадки городища 280 × 170 м; малая, мысовая площадка имеет площадь 100 × 68 м и крутые склоны.

В раскопе площадью 40 кв. м на мысовой площадке городища, в предматериковом слое керамики было мало. Это — плотные черепки, темные, серые или кремового цвета, с черным изломом и мелкой примесью в тесте. Их венчики изображены на рис. 19, 1—5. Найдены также обломок стеклянного крученого темного браслета с желтой оплеткой, сердоликовая бипирамидальная бусина и железные ножи, в том числе с плоским черенком для накладной рукояти (рис. 20, 2).

Последний нож должен датироваться временем позже середины XIII в., так как ни в одном древнерусском кургане ножи такого типа не встречены. Все курганные ножи имеют для рукояти черенок в виде острого стержня.

Из позднесредневековых слоев шурфа 4 и раскопов I и III интересны железный варган (рис. 20, 1), белоглиняная кубышечка (рис. 21, 1) и сосудики с нагаром (рис. 21, 2—5). В полуземлянке, врезанной в материк (раскоп III), найдена глиняная миска-ковш со втульчатой ручкой, с клеймом на дне и с волнистым орнаментом по бортику (рис. 21, 6). Вместе с ним найдена керамика послемонгольского облика, медвежий клык с просверлиной (рис. 21, 7), медвежья фаланга с просверлиной и железный граненый втульчатый наконечник стрелы (рис. 19, 20). По А. Ф. Медведеву, такие арбалетные стрелы датируются XIII—XIV вв.³

¹ Ф. М. Заверняев. Отчет о раскопках в 1968 г. Архив ИА, д. 3786; Т. В. Равдина. Отчет о раскопках на Покровской горе в Брянске в 1970 году. Архив ИА, д. 4257; она же. Отчет о раскопках на Покровской горе в Брянске в 1971 году. Архив ИА.

² Т. В. Равдина. Раскопки в Брянске. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 94, 95; «Археологические открытия 1971 года». М., 1972, стр. 108, 109.

³ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. САИ, вып. Е1—36, 1966, табл. 31, 12, стр. 94.

Почти все ножи из нижних пластов раскопа III представлены на рис. 20, 3—10, в том числе на рис. 20, 6 изображен нож с канавкой вдоль спинки лезвия. Эти ножи относятся ко времени позже начала XII в., так как в X—XI вв. и начале XII в. ножи, судя по коллекции из Новгорода⁴ и древнерусских курганов, имеют узкое лезвие, толстую спинку и черенок длиннее лезвия. Ножи XII—XIII вв. имеют тонкую спинку, широкое лезвие и короткий черенок. Ножи из Брянска именно таковы. Еще более поздними, чем короткочеренковые, являются большие ножи с плоским черенком, на который приклепывались костяные накладки рукояти, в нижних пластах раскопа III найдено два таких ножа (рис. 20, 3, 10).

Два плоских наконечника стрел (рис. 20, 18, 19) найдены в предматериковом слое шурфа 4 и раскопа I и датируются XI—XIV вв.⁵

Найденные в раскопах I и III ключи и замки (рис. 20, 13—16) принадлежат к типу «В» по классификации Б. А. Колчина и датируются от второй половины XII и до XV в.⁶

Железное стремя с инкрустацией (рис. 20, 17) датируется С. А. Плетневой XIII в. Железные острия с подвижным кольцом в головке (рис. 2, 21, 22) по новгородским аналогиям относятся к XIII—XIV вв.⁷ Точно такие же балясинки, как на маленьком острии, имеются на стержнях ключей типа «В» второго варианта из 11 и 13 ярусов Новгорода (конец XIII и начало XIV в.)⁸.

Железные удила (рис. 20, 12) найдены вместе с ножом, изображенным на рис. 20, 3, который датируется временем позже середины XIII в. Точно такие же удила из слоя XV в. Новгорода опубликованы А. Ф. Медведевым⁹. Этот тип удил очень устойчив во времени и встречается во всех древнерусских памятниках.

В раскопах I и III (общей площадью 66 кв. м) найдено 111 обломков стеклянных браслетов, из них 32 крученых и 79 гладких. По цвету они распределяются следующим образом: зеленых 24, оливковых 23, черных 12 (это очень темные оливковые), бирюзовых 16, фиолетовых 12, желтых 9, голубых 8, синих 3, медово-коричневатого цвета 4. Как известно, русские стеклянные браслеты бытовали с 30-х годов XII в. до середины XIV в. Наибольшее их распространение приходится на 30—70-е годы XIII в.¹⁰ В брянских раскопах наибольшее количество стеклянных браслетов (73 из 111) найдено в предматериковом слое. Таким образом, на этом основании предматериковый слой Покровской Горы датируется не раньше начала XIII в.

Обломок стеклянного перстня темно-голубого цвета и обломки тонкостенного стеклянного бокала датируются от конца XI и по начало XIII в.¹¹ Брянский стеклянный бокал имеет орнамент из накладного фиолетового стекла. Такой же бокал найден в Турове в слое первой половины XIII в.

Кроме того, найдены сердоликовая бипирамидальная бусина и шиферное пряслице (его диаметр 29 мм, диаметр канала 10 мм). Если в памятниках XI—XII вв. шиферные пряслица встречаются в большом количестве, то в памятниках XIII в. их уже почти нет. В связи с этим можно

⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 48, 51, рис. 41.

⁵ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, стр. 68 и табл. 23, 24.

⁶ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 81, рис. 67, 4, 5.

⁷ Там же, стр. 109, рис. 94.

⁸ Там же, стр. 85, рис. 69, 4.

⁹ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 188.

¹⁰ М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 170.

¹¹ Ю. Л. Шапова. Стеклянные изделия Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 112, 131.

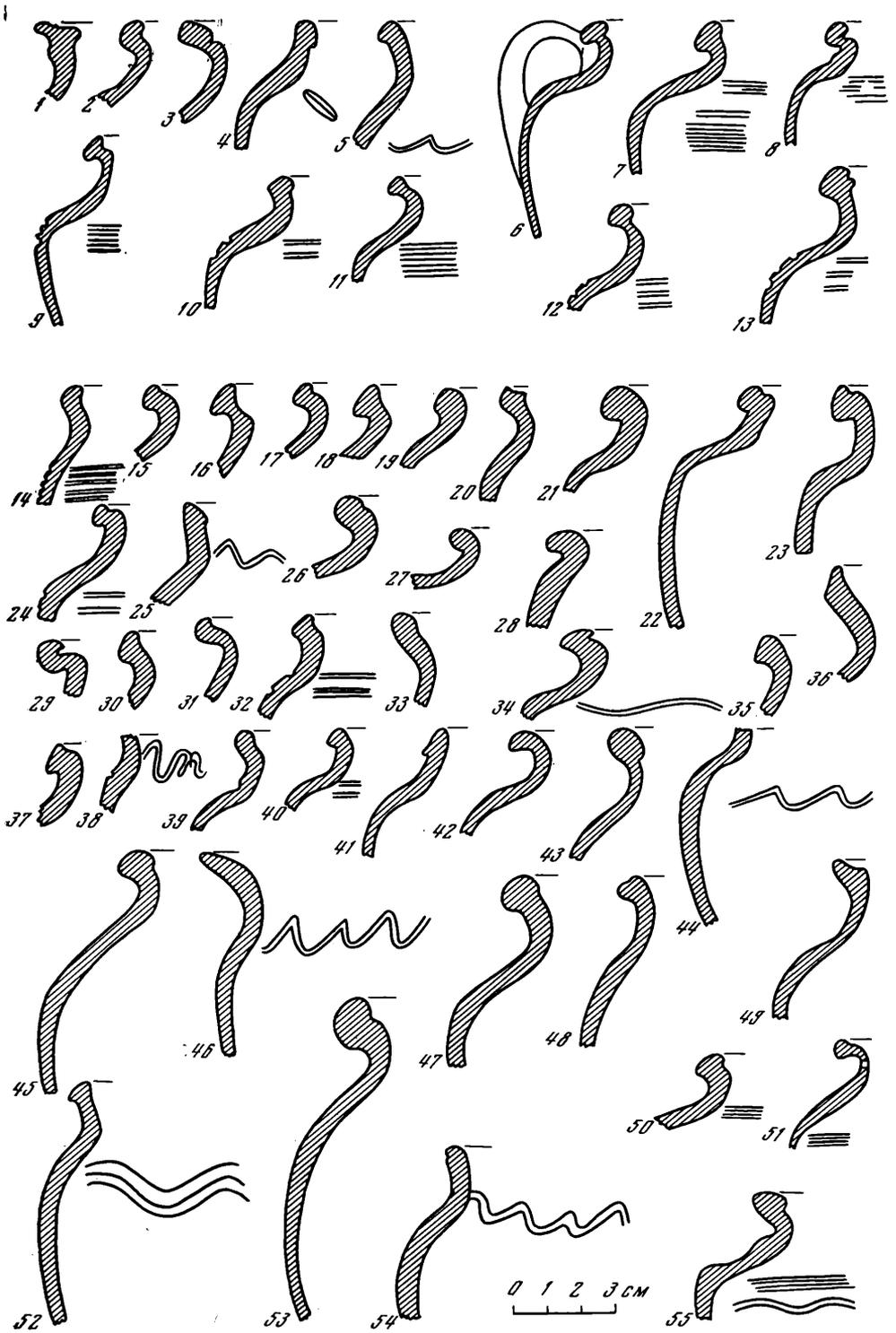

Рис. 19. Керамика из предматерикового слоя раскопов на Покровской Горе в Брянске
 1—5 — раскоп II; 6 — шурф Ф. М. Заверняева; 7—13 — раскоп I; 14—55 — раскоп III

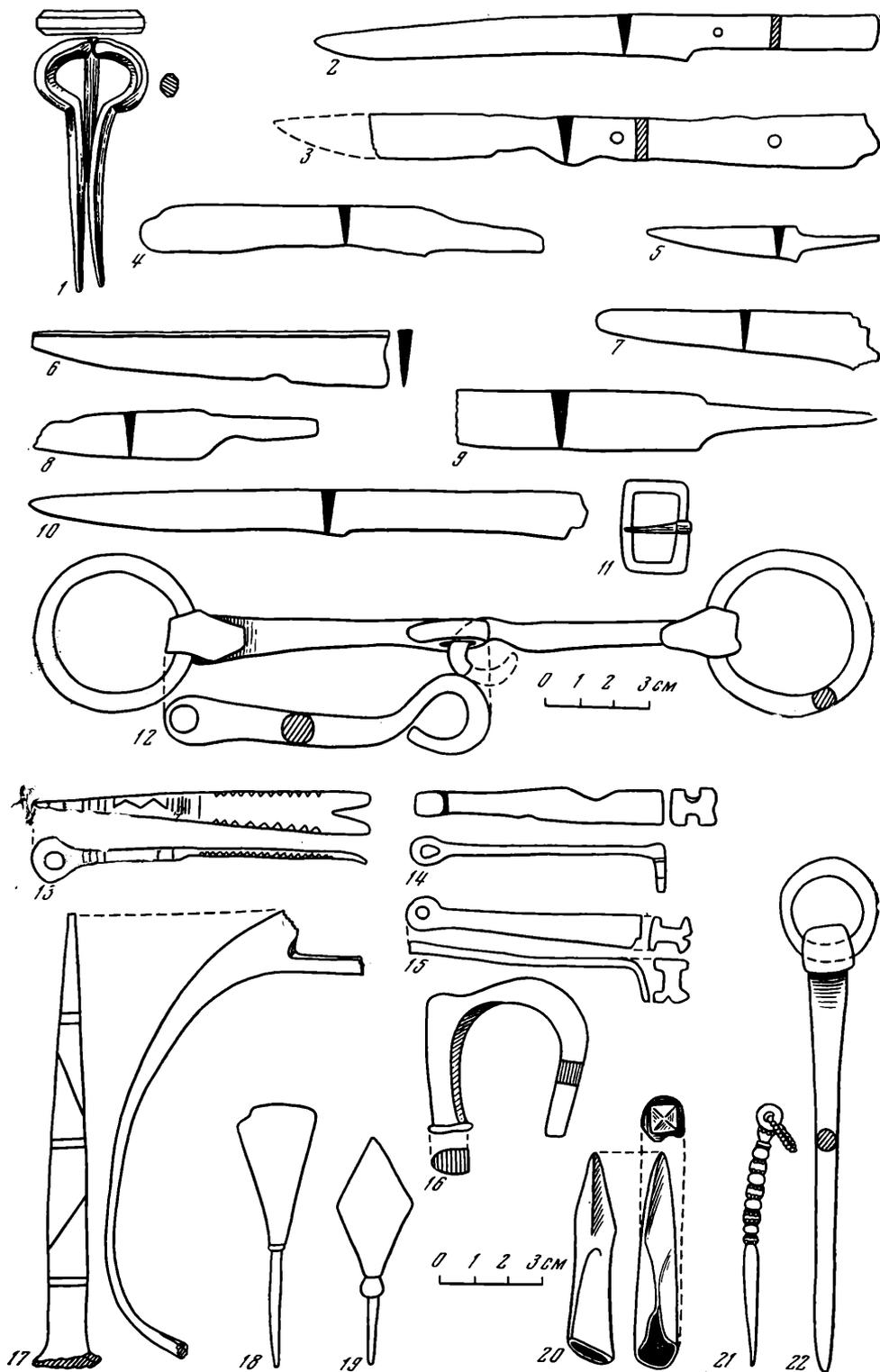

Рис. 20. Железные вещи из нижних пластов раскопок на Покровской Горе в Брянске
 1 — варган; 2—10 — ножи; 11 — пряжка; 12 — удила; 13—15 — ключи; 16 — дужка замка; 17 — обломок стре-
 мени с инкрустацией на боковой грани; 18—20 — наконечники стрел; 21, 22 — острия с подвижными го-
 ловками; (1, 18 — из раскопа I; 2 — из раскопа II; 3—17, 20—22 — из раскопа III; 19 — из шурфа
 Ф. М. Заверняева)

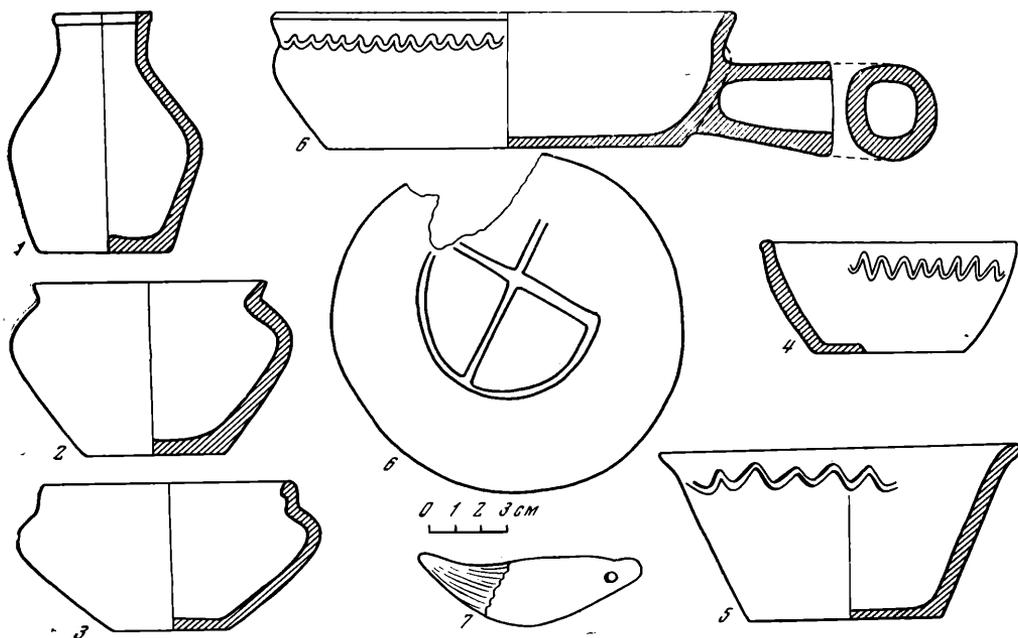

Рис. 21. Предметы из раскопок в Брянске

1—5 — сосудики из верхних пластов раскопа III; 6 — ковш из полужемлянки XIII—XIV вв. (раскоп III); 7 — медвежий клык с просверленной из той же полужемлянки

полагать, что находка всего одного пряслица в Брянске скорее всего свидетельствует о возможности датировки слоя второй половиной XII—началом XIII в. В Брянске не встречено ни одного обломка амфор, что тоже как будто свидетельствует об отсутствии на Покровской Горе культурных отложений XI—XII вв.

При раскопках найдено 103 обломка поливной керамики, в том числе 27 фрагментов, которые, судя по тесту и поливе, датируются домонгольским временем (по определению Т. И. Макаровой и Р. Л. Розенфельдта), а 7 обломков принадлежат поливным плиткам.

Всего было учтено 13 100 обломков глиняной посуды. Венчики из предматерикового слоя раскопа I изображены на рис. 19, 7—13. На табл. 1 отражено процентное соотношение типов орнаментации сосудов, происходящих из раскопа III.

Таблица 1

Пласт	Ямочный орнамент (в процентах)	Волнистый орнамент (в процентах)	Линейный орнамент (в процентах)
3	81	15,5	3,5
4	67,6	20,7	11,7
5	76,8	12,8	10,4
6	44,6	22,3	33,1
7	12,9	24,5	62,6
8	3,7	28,3	68
9	—	25	75

Керамика из предматерикового слоя раскопа III представлена плотными, гладкими, светлыми и серыми черепками с мелкой примесью песка. Это обломки горшков более поздних, чем курганные горшки. Их венчики изображены на рис. 19, б, 14—53.

Публикуемый материал позволяет датировать древнейший слой Покровской Горы в Брянске домонгольским временем. Об этом говорят находки стеклянных браслетов, перстня и бокала, а также шиферного пряслица. Наиболее вероятной датой большинства находок из предматерикового слоя является вторая половина XII — XIII в. Керамика в основном также датируется тем же временем.

Древнейшее письменное упоминание Брянска — 1146 г. Летописные сведения и археологические данные полностью совпадают. Раскопки свидетельствуют, что культурный слой на Покровской Горе в Брянске начал откладываться со второй половины XII в. В это время уже не поступали с юга амфоры и шиферные пряслица, широко бытовали стеклянные браслеты, применялись ключи и замки типа «В».

Брянские историки-краеведы не раз высказывали мнение, что Брянск возник после 988 г. в связи с указом Владимира I о постройке городов к югу от Киева для защиты от печенегов¹². Однако летописное известие о постройке городов для обороны южнорусских земель не имеет никакого отношения к глухим лесам в верховьях Десны, где находится Брянск. Он возник на полтора столетия позднее. Нет никаких данных — ни письменных, ни археологических для предположения о возникновении Брянска раньше середины XII в.

¹² В. Соколов, Б. Шавырин. «Брянск». Брянск, 1952; М. Н. Волохов, Е. С. Иасекунов. «Сколько лет Брянску?». «Брянский рабочий», 1968, 6 июня.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

ГОРОДЕЦ ПОД ЛУГОЙ
(предварительное сообщение)¹

Городище в дер. Городец под Лугой впервые было обследовано в 1927 г. Г. П. Гроздиловым². Был снят глазомерный план памятника, зафиксированы выходы культурного слоя, собраны фрагменты керамики. В 1960 г. новое описание городища было составлено А. С. Потресовым и Е. В. Шолоховой³. До последнего времени не имелось сведений о времени возникновения городища, культурной его принадлежности и хронологии. Поэтому в 1970 г. Лужским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ и Общества охраны памятников в Городце были проведены разведочные работы.

Современный поселок Городец находится вблизи шоссе Ленинград — Псков, в 20 км на юго-запад от г. Луги Ленинградской области. Городище располагается на мысу оз. Городецкого, южнее впадающей в озеро безымянной речки, на высоком плато, ограниченном с северо-востока устьем реки, с запада — озером, с юго-востока — широкой, низкой поймой. Высота плато от подошвы — 4—6 м. Площадка городища приблизительно ромбической формы, длина ее с севера на юг — около 90 м, ширина — до 60 м. По периметру площадка окружена крутыми земляными валами, достигающими высоты до 2 м. Южная часть площадки занята кладбищем, здесь же находится деревянная церковь XIX в. и другие постройки (рис. 22).

В северной части площадки никаких следов перекопов и повреждений не было. Здесь близ вала в 1970 г. был заложен разведочный раскоп площадью 19 кв. м. Вскрытый культурный слой мощностью до 1 м делится на два условных горизонта. Из них верхний, залегающий на глубине 0,2 м ниже современной дневной поверхности, обозначен как «горизонт камней» (рис. 22).

«Горизонт камней» образован отложениями темно-серого аморфного слоя мощностью 0,1 до 0,3 м. В этом слое зафиксированы угли, черепки гончарных и лепных сосудов, расчищены и исследованы развалы камней. Среди развала камней в кв. Б₂ близ южной стенки раскопа найдены черепки разбитого гончарного горшка. Здесь же, под камнями, обнаружены железный сломанный наконечник копья, под ним боевой топор со сломанным обухом и железная скоба. Между камнями и под ними попадались крупные древесные угли.

Развал камней близ северной стенки раскопа в кв. А₂ залегал над краем ямы, углубленной в культурный слой и нижележащую глину.

¹ Доклад на секции пленума ЛОИА 7.IV 1971 г.

² Архив ЛОИА, ф. 2, д. 106 за 1927 г.

³ А. С. Потресов и Е. В. Шолохова. Древние водные пути новгородцев. Сб. «Ледовое побоище 1242 г.» М.—Л., 1966, стр. 87.

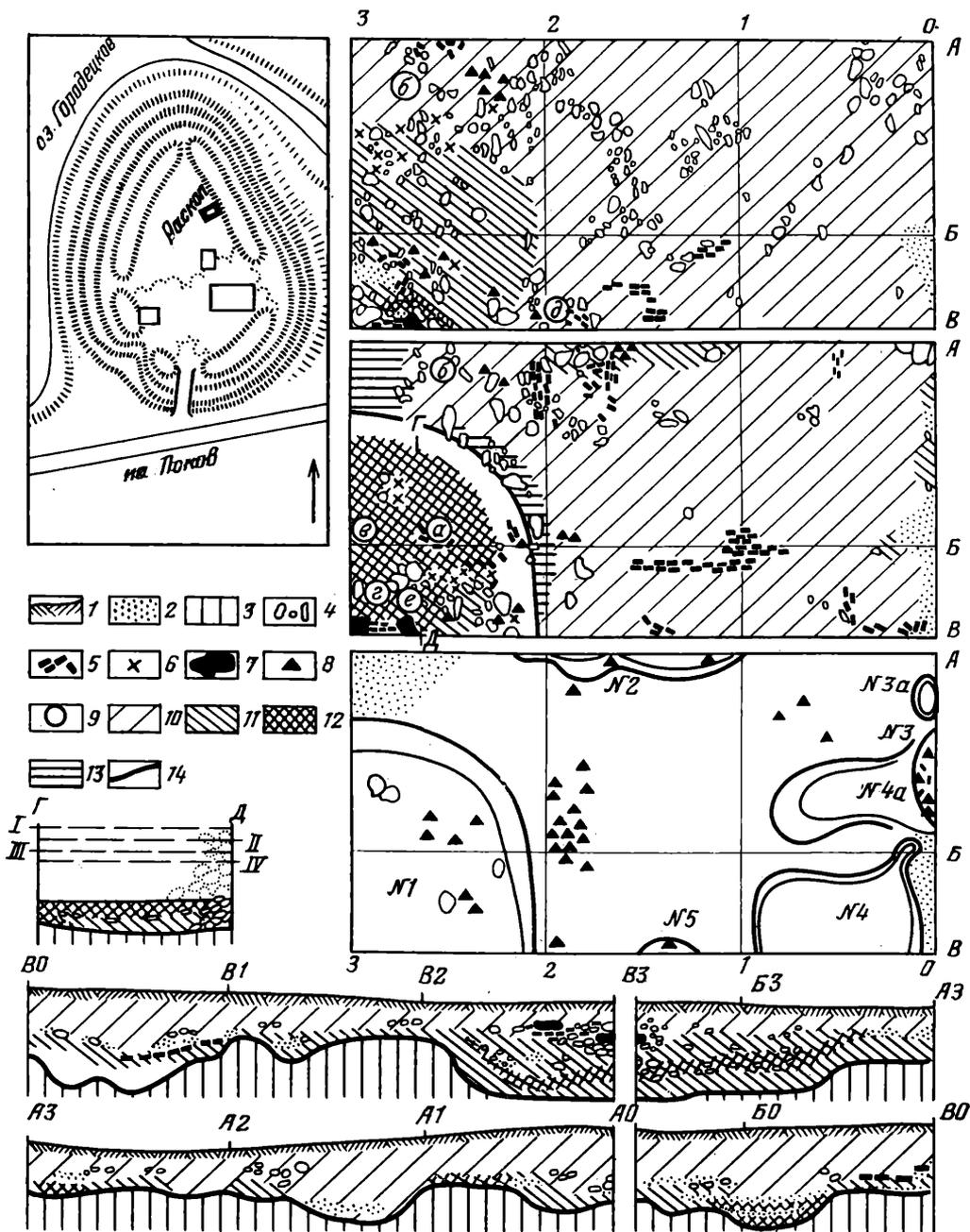

Рис. 22. Городище в дер. Городеу под Лугой

Слева сверху глазомерный план городища с указанием места раскопа 1970 г., современных построек и кладбища XVIII—XIX вв. Справа план раскопа 1970 г. (сверху вниз: верхний уровень горизонта камней; нижний уровень горизонта камней, горизонт глины). Буквами обозначены места находок: а — крюка железного; б — ножа; в — костяного шила; г — бронзовой бляшки; д — копыя и боевого топора; е — косы-горбуши и гончарного горшка. Слева в центре разрез ямы 1 по линии ГД. Внизу стратиграфия раскопа

1 — дерн; 2 — песок; 3 — материк (глина, песок); 4 — камни; 5 — уголь; 6 — кости; 7 — печина; 8 — керамика; 9 — места находок вещей (с буквенным обозначением); 10 — аморфный культурный слой; 11 — культурный слой с песком и зольными включениями; 12 — углистый слой; 13 — глина, смешанная с культурным слоем; 14 — верхняя граница материка

Раскопками вскрыта часть этой ямы (2), длина — более 2 м, глубина — около 0,6 м от верхнего уровня горизонта камней. В заполнении ямы найдены массивные камни, остатки обугленных плах, лежавшие крест-накрест, и развалы двух гончарных сосудов, ошлакованных и деформированных под действием сильного огня (рис. 22, 2); развал камней в юго-западном углу раскопа, вскрытый также лишь частично, вероятнее всего, представляет собой остатки печи. Крупные и мелкие камни в несколько рядов залежали на глубине до 0,4 м от верхнего уровня горизонта камней. Размеры вскрытой части развала 1,5×0,5 м. Слой, в котором лежали камни, образовывал верхнюю часть заполнения ямы 1. Ниже развала камней залежала угольная прослойка, отделявшая нижнюю часть заполнения ямы 1.

В верхней части развала среди камней обнаружены куски печины, перекрывавшие обугленную плаху; найдены многочисленные черепки гончарных сосудов, кости домашних животных. В нижней части развала лежал совершенно целый гончарный горшок, перекрытый камнями (рис. 24). Среди камней найдены также железное тесло, боевой топор, коса-горбуша (рис. 23), бронзовая бляшка с орнаментом, обломанная бронзовая пластина с отверстиями по краю, обломок наконечника стрелы или дротика, а за пределами развала, в стенке раскопа — массивная железная пешня (рис. 2).

В пределах «горизонта камней» в квадратах Б₁ и Б₂ прослежена полоса углей длиной более 1,5 м, шириной 0,2 м, залегавшая по продольной оси раскопа. Возможно, эта полоса фиксирует северную стенку постройки, относящейся к верхнему горизонту: основные находки этого горизонта сделаны на участке южнее полосы угля; в пределах этой же постройки в таком случае находится и описанный развал камней (рис. 22).

Нижний горизонт культурного слоя, подстилающийся мощным слоем глины, получил определение «горизонт глины». При расчистке верхнего уровня «горизонта глины» на фоне желтовато-серого культурного слоя выступили темно-серые пятна — заполнение ям. Вдоль западной стенки ямы 1 был расчищен выброс из ямы — неширокая полоса глины, перемешанной с культурным слоем; выброс перекрывал отложения нижнего го-

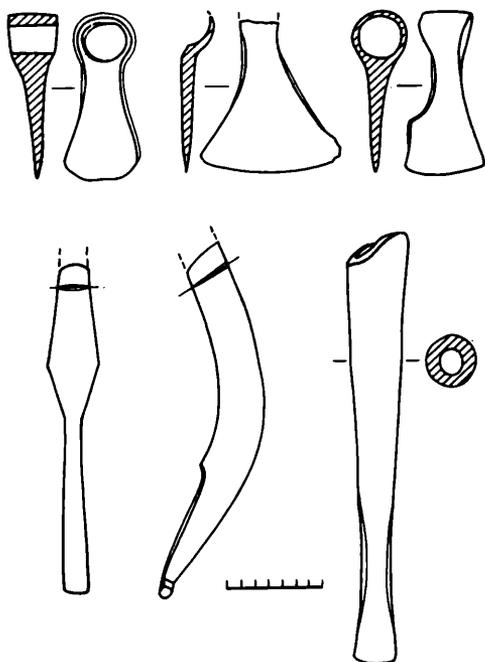

Рис. 23. Городец под Лугой. Находки из верхнего горизонта культурного слоя
Верхний ряд: тесло, топоры; нижний ряд: копье, коса-горбуша, пешня

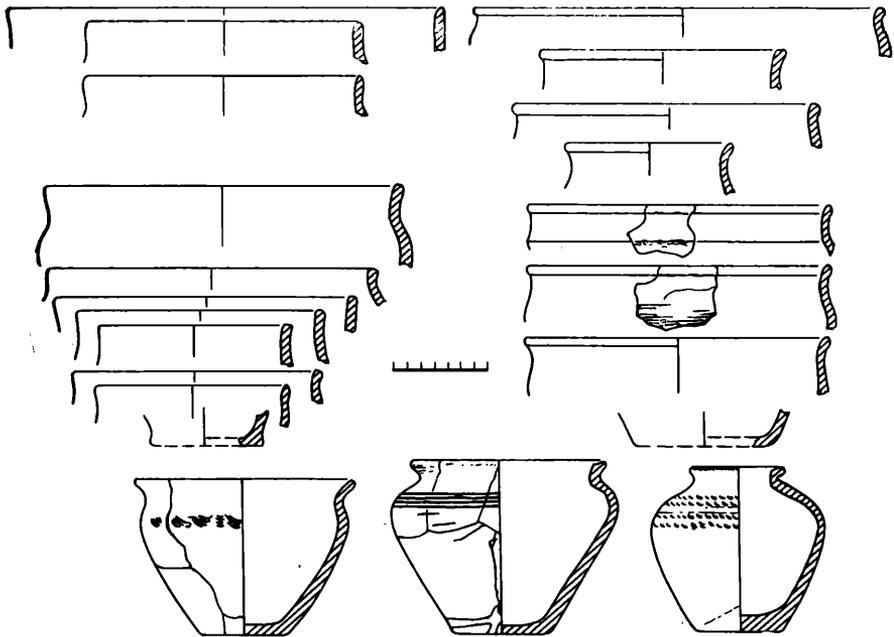

Рис. 24. Городец под Лугой. Керамика

Внизу гончарные сосуды (крайний справа найден целым в печном развале, остальные — из заполнения ямы 2);
вверху лепная керамика

ризонта. При расчистке и разборке «горизонта глины» найдены многочисленные фрагменты лепной и гончарной керамики, кости животных, костяное шило, железный нож.

Нижний исходный уровень этого горизонта образован слоем глины, лежащей на материке (мощность глины — 0,3 м). Все ямы, прослеженные в пределах раскопа, углублены в этот слой. Происхождение его остается неясным; в юго-западном и северо-западном углах раскопа слой глины резко обрывался, сменяясь плотным желтым материковым песком. В глине вырыты стенки ямы 1, вскрытой лишь частично; заполнение ямы (ниже угольной прослойки) состоит из культурного слоя с песчаными и зольными включениями: в слое найдены фрагменты гончарной и лепной керамики. Лепная керамика найдена также в яме 3, в восточном конце раскопа.

Таким образом, с верхним горизонтом культурного слоя на городище в дер. Городец связаны находки гончарной керамики, оружия, орудий труда; здесь зафиксированы следы пожара, возможно, остатки построек. В нижнем горизонте находок немного, но среди керамики преобладают обломки лепных сосудов. Выявленные ямы относятся как к верхнему горизонту (яма 2), так и к нижнему (яма 3), а, возможно, и ко времени, промежуточному между образованием того и другого горизонтов (яма 1).

Большинство фрагментов сосудов из верхнего горизонта (более 200 обломков) — гончарная керамика (найдено лишь 10 лепных черепков). Восстановленные и целые сосуды — небольшие округлобокие горшки с приземистым туловом, хорошо выраженными плечиками, узким низким горлом и резко отогнутым наружу венчиком, с желобком или канавкой с внутренней стороны (рис. 24). Эти формы типичны для памятников XII—XIII вв.

Та же керамика найдена в нижнем горизонте (более 500 фрагментов; граница между горизонтами условна). Обломки гончарных сосудов XI—XII вв. попадались в заполнении ямы 1 (здесь в нижнем слое заполнения найдено около 50 черепков гончарной и 10 — лепной керамики). Кроме того, в нижнем горизонте собрано более 800 мелких фрагментов

лепной керамики, в том числе — около сотни обломков венчиков. Тесто этих сосудов плотное, серого цвета, с примесью мелкой дресвы и песка, обжиг неровный, на некоторых черепках заметны следы нагара. Размеры сосудов (диаметр горла) от 0,14 до 0,3 м, чаще всего — 0,2—0,22 м. Выделяются три основные группы сосудов (по профилю венчика):

1) сосуды с прямым, слегка скругленным в верхней части (иногда примятым) венчиком высотой 2—3 см и намечающимся плечиком; 2) сосуды с невысоким прямым срезанным венчиком, иногда с хорошо выраженным плечиком; среди этих черепков есть фрагменты сосудов, сделанных от руки и подправленных на гончарном круге; 3) сосуды с округлым, отогнутым наружу венчиком и намеченным при переходе к тулову ребром. Среди этих черепков также есть подправленные на круге. Особо следует отметить фрагмент сосуда с горизонтальным каннелюром по плечу; возможно, аналогии этой группе сосудов есть среди лепной керамики Труворова городища в Старом Изборске, к сожалению, пока представленной также лишь обломками венчиков⁴ (рис. 24).

Датировка городища, основанная прежде всего на находках оружия, может быть лишь самой предварительной. Верхний слой (точнее, момент гибели поселения) следует отнести к XII—XIII вв. К этому времени относятся наиболее близкие аналогии копьё и обоим топорам из Городца⁵. Не противоречит этой дате и датировка сосудов из верхнего горизонта культурного слоя.

Возникновение поселения, судя по многочисленным находкам фрагментов лепной посуды, относится ко времени перехода от лепной керамики к гончарной, а, возможно, и сосуществования той и другой. Более точная датировка нижнего слоя затруднена прежде всего отсутствием разработанной типологии и хронологии лепной и гончарной керамики памятников Северо-Запада; в частности, аналогии нашей лепной керамике пока нельзя указать даже приблизительно. Есть лишь основания полагать, что жизнь на поселении началась не позднее X столетия, а прекратилась в результате вооруженного нападения не позднее XIII столетия.

Остается открытым вопрос о непрерывности обитания на Городце в течение этих нескольких столетий. Находки керамики, подправленной на гончарном круге, а также черепков сосудов (в ямах и в слое), типичных для XI—XII вв., позволяют предположить, что от возникновения и до зафиксированного нами момента гибели жизнь здесь не прерывалась. Однако стратиграфически слой, который можно было бы отнести к периоду с X по XII в., не выделяется. Возможно, это объясняется небольшими размерами вскрытой площади, но допустимо и другое объяснение: укрепления Городца — высокие валы по периметру площадки представляют собой образец планировки, возникшей в XII—XIII столетиях⁶. Эти валы, по крайней мере частично, насыпаны из культурного слоя. Весьма вероятно, что при строительстве дошедших до нас укреплений значительная часть культурного слоя, и прежде всего отложения XI—XII вв., была использована для сооружения валов.

Городище в дер. Городец под Лугой — один из немногочисленных пока памятников на территории Ленинградской области, исследование которого, возможно, позволит в дальнейшем проследить развитие древнерусской культуры в северо-западной части лесной зоны Восточной Европы, быть может, от времени появления здесь славянского населения и вплоть до XII—XIII вв.

⁴ Г. П. Гроздилов. Археологические памятники Старого Изборска. АСГЭ, вып. 1. Л., 1965, стр. 71.

⁵ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1—36. М.—Л., 1966, стр. 88, № 396, 410; стр. 126, № 473, 483.

⁶ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961, стр. 94.

С. Н. ОРЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ¹

Так называемое Рюриково городище находится на правом берегу Волхова в 2 км южнее Новгорода. Здесь, на мысу, образованном руслами Малого Волховца и Волхова, существовало поселение еще в эпоху неолита². По-видимому, поселение было в этом месте и на рубеже нашей эры³. В конце I тысячелетия здесь существовал славянский поселок, по времени предшествовавший Новгороду. С XII в. на городище находилась резиденция новгородских князей.

Территория, которую сейчас принято называть городищем, охватывает площадь около 8 га. С севера она ограничена заливным лугом, с запада Волховом, а с юга и востока руслом Малого Волховца. В период паводков вся эта площадь становится островом, центральная часть которого поднимается на высоту 5—6 м над уровнем Волхова. Площадь же средневекового городища была меньшей. Восточная и северо-восточная части острова не были заняты поселением и в XVI в. здесь находился Аргамаков монастырь. В конце XVIII в. основная, центральная часть поселения на городище разрушена при строительстве Сиверсова канала. Русло канала, которое здесь сейчас имеет ширину около 50—60 м, разрезало поперек древнейшую часть поселения. Культурные отложения древних периодов просматриваются на полосе длиной около 100 м и шириной 20—30 м между руслом р. Малого Волховца и каналом. При этом восточная часть этой площади погребена под отвалами, выброшенными при сооружении канала. Вдоль северного берега канала древние отложения с органическими остатками встречаются не далее 50 м к востоку от Волхова и, очевидно, к северу, судя по разведкам Новгородского музея в 1949 г.⁴, они также далеко не распространяются.

Таким образом, значительная часть памятника оказалась разрушенной еще до того, как началось его изучение. Сборы древних предметов на городище, особенно свинцовых вислых печатей, начались еще в XIX в. Но первые археологические раскопки были проведены лишь в 1911 г. Н. К. Рерихом и Н. Е. Макаренко. В 1929 г. здесь копал А. В. Арциховский, в 1934 г.—М. К. Каргер, а в 1935 г.—В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов. Все эти исследования носили разведывательный харак-

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА 23 декабря 1969 г.

² Г. П. Гроздилов. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. СА, т. I, 1936, стр. 279, 280.

³ С. Н. Орлов. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода. СА, 1967, № 2, стр. 235, 236.

⁴ Личный архив Б. К. Мантейфеля, 1949 г. (хранится в Географическом обществе в Ленинграде).

тер и не могли в достаточной степени раскрыть историю памятника⁵. В 1949 г. небольшие разведки произведены Б. К. Мантейфелем.

В 1961, 1963 и 1965 гг. автор по поручению Новгородского областного управления культуры вел на городище охранные исследования (после крупных паводков). Результаты их и публикуются ниже.

Летом 1961 г. на территории городища были обследованы берега Сиверсова канала. Собран подъемный материал: много различной керамики, каменные грузила, железные ножи, костяной гребень и прочее. Найдены две свинцовые пломбы и обломки двух бронзовых фибул. Одна из фибул принадлежит к типу скандинавских (IX—X вв.) и имеет полную аналогию среди находок из Гнездовского могильника⁶ (найдена лишь ее верхняя часть с изображением человеческого лица; рис. 25, 2). Обломок второй находки (рис. 25, 2) принадлежит большой подковообразной фибуле прибалтийского типа. Внешний диаметр фибулы 6,5 см. На ее концах имеется по четыре вертикальных шипа. На стержне и на концах нанесен точечный орнамент. Полную аналогию фибула имеет в находках из Приладожских курганов⁷.

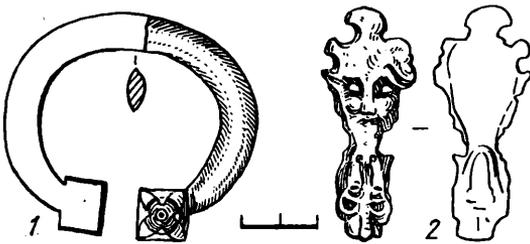

Рис. 25. Фибулы с Рюриков-
городища

В 1963 г. на городище в обрыве южного берега канала обнажились стенки небольшого бревенчатого сруба. При зачистке обрыва (в 52 м от русла Волхова, по обе стороны сруба на протяжении 7 м) найдены поздний кирпич и керамика XVIII в. Видно, что сруб впущен в толщу культурного слоя и перекрыт поздними отложениями. Это, по-видимому, погреб.

Культурные напластования к востоку от сруба имели следующее строение: до глубины 0,6 м залегал слой темного перегноя с обломками кирпичей, ниже — прослойка интенсивного пожара (толщиной до 0,05 м), а под ней слой (толщиной 0,3 м) темно-коричневого цвета с органическими остатками (щепка, солома, кости животных). На материковой глине прослеживалась темная прослойка из суглинка (толщиной не более 0,1—0,15 м).

В слое с органическими остатками обнаружена исключительно лепная керамика (рис. 26, 1—3). В верхнем слое темного перегноя собраны обломки только гончарной керамики и один обломок киевской амфоры.

Вторая зачистка сделана в обрыве южного берега канала на расстоянии 85 м от русла Волхова. Верхние слои здесь смыты водой и сохранился только останец длиной 5 м и шириной около 1 м. Это — темно-коричневый перегной с органическими остатками толщиной 0,2—0,4 м, в котором найдено 17 обломков от глиняных горшков, изготовленных от руки (рис. 26, 4), и 6 фрагментов раннегончарных горшков (рис. 26, 5—7). Некоторые из лепных сосудов в верхней части имели орнамент в виде отпечатков веревочки. В основании слоя прослежена полоска темного суглинка и светлая материковая глина. Третья зачистка проведена на правом берегу канала,

⁵ М. К. Каргер. Основные итоги археологического изучения Новгорода. СА, т. IX, 1949, стр. 137—167.

⁶ Г. Ф. Корзухина. Находка на Рюриковом городище под Новгородом. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 45, рис. 22, 2.

⁷ Н. Е. Брандербург. Курганы южного Приладожья. МАР, 18, 1895, табл. II, 1, 4.

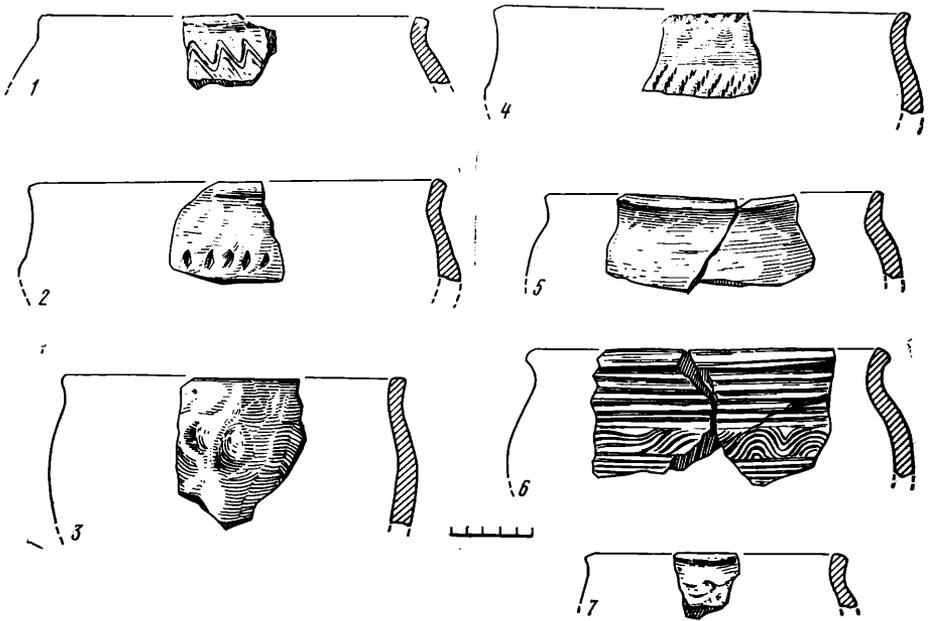

Рис. 26. Образцы керамики Рюрикова городища
1—4 — лепная; 5—7 — раннегончарная

в 40 м от русла Волхова. Здесь также на участке 5 м в длину и 0,5—0,7 м в ширину открыты темно-коричневые плотные отложения с органическими остатками (толщиной до 0,4 м). Верхний слой был смыт водой, а в основании на материковой глине видна полоска темного суглинка. Найдено 15 обломков исключительно от глиняных лепных горшков, совершенно идентичных вышеописанным, обломок керамического льячика и деревянное изделие в виде ручки. В 1965 г. в этом же месте, на северном берегу канала, собраны обломки лепной керамики. Лепная керамика, собранная из культурного слоя городища, отчасти напоминает славянскую, с другой стороны, она тождественна лепной посуде из нижних горизонтов Земляного городища Старой Ладogi⁸. Поэтому представляется несомненным, что на Рюриковом городище имеются отложения, предшествующие возникновению Новгорода. Продолжение работ на этом памятнике будет способствовать решению вопросов о славянском заселении Северного Приильменья.

⁸ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. СА, т. XIV, 1950, стр. 187 и сл.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

РАСКОПКИ СЕРЕНСКОГО ГОРОДИЩА В 1969 ГОДУ

В июле 1969 г. Верхнеокская экспедиция продолжала раскопки детинца древнерусского города Серенска¹.

Раскоп III. Главной задачей раскопок 1969 г. было доведение до материка этого раскопа, начатого в 1967 г. и законсервированного на глубине 2,4 м в северо-восточной части и 2,7 м — в южной части. Раскоп расположен в юго-восточной части детинца у самого вала городища вблизи склона, в связи с чем разница уровней поверхности раскопа в юго-западном и северо-восточном углах составляла 1,6 м, а южной и северной стенок 1,4 м (раскоп III вытянут с севера на юг, длина его 14 м, ширина 10 м).

В раскопе III, так же как и в других раскопах, обнаружено три одновременных напластования². Верхний, или первый слой, состоял из перемешанного черно-бурого грунта с включением мелких камней, углей, кусков печины и содержал кости животных, обломки белоглиняных и чернолощенных сосудов, предметы XIV—XV вв. Здесь же встречались и вещи XII—XIII вв. (стеклянные браслеты, хрустальные и сердоликовые бусы, обломки бронзовых украшений, шпоры, стрелы и т. п.), что объясняется перекопами и ямами, вырытыми в более позднее время.

Второй слой, окрашенный в интенсивно черный цвет, характеризуется следами мощного пожара и огромным количеством вещей, рисующих различные стороны жизни города домонгольской поры.

Нижний, третий слой на Серенском городище оставлен дославянским, балтским населением. Этот слой, обнаруженный по всей площади раскопа, был темно-бурого, местами черного цвета, очень плотный и содержал прослойки древесного тлена, углей сгоревшего дерева, золы и извести. Характерно, что обнаруженные в нижнем слое многочисленные прослойки угля, золы, сгоревшего дерева и древесного тлена расположены под углом к плоскости горизонта (до 40—45°), близким к уклону материка, появившегося в северо-западных квадратах на глубине 1,25 м. Особенно четко эта картина проявилась в северной части раскопа. По интенсивности окраски этот слой можно разделить на три горизонта: верхний и нижний горизонты — очень темного цвета и средний — более светлый горизонт. Толщина третьего слоя неодинакова: от 0,6 м в юго-западной части раскопа до 3,6 м в южной и юго-восточной частях. Такое падение древнего культурного слоя объясняется наличием здесь внутреннего глубокого рва, расположенного параллельно валу. Именно поэтому общая толщина

¹ Раскопки ведутся с 1965 г. совместно с Калужским управлением культуры и Краеведческим музеем при участии студентов Гос. пединститута им. К. Э. Циолковского.

² Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников. КСИА, вып. 125, 1971, стр. 73, 74.

культурного слоя в раскопе III, доведенном в 1969 г. до материка, оказалась 7—7,5 м.

Исследование древнего культурного слоя, которое велось в 1969 г., доставило материалы для изучения системы оборонительных сооружений первоначального поселения (III—VI вв.). Насколько можно судить по раскопкам, пока незначительным по размерам (140 кв. м), внутренняя площадка городища опоясывалась первоначально не валом, а рвом, а затем валом, сооруженным частично из грунта, выброшенного при выкапывании рва. В разрезе вала можно наблюдать несколько этапов его сооружения; глина и прослойки сгоревшего дерева периодически сменяют друг друга. В некоторых частях насыпи удалось проследить остатки плетневых перегородок, соединенных с более толстыми бревнами.

В юго-восточной части раскопа и в профиле южной стенки отчетливо обнаружались следы насыпи древнего вала, состоящей из слоев желтой глины с прослойками темной земли (погребенная почва?). Высота насыпи древнейшего вала была небольшой — 2,2—2,5 м (от уровня внутреннего рва).

Можно предполагать, что внутри этой насыпи были сооружены укрепления в виде деревянной стены, сложенной из толстых дубовых бревен, очевидно выходявшей и на поверхность вала. При раскопках обнаружено 8—10 обугленных бревен этой стены.

Такая оборонительная стена в древности шла, вероятно, по всему периметру городища (следы ее обнаружены и в других раскопах).

Таким образом, несмотря на незначительную высоту вала, бревенчатая стена, выходявшая на его поверхность, и широкий внутренний ров (ширина его 4 м, глубина 2,2—2,5 м) составляли внушительную оборонительную систему древнего поселка.

Сооружение внутренних рвов, опоясывающих площадку городища, известно по материалам раскопок древних городищ Верхнего Поволжья, верхний слой которых датируется IV—V вв. н. э.³ Однако там эти рвы были не очень глубокими и имели только оборонительное значение. Внутренний ров, открытый на Серенском городище, подобно рвам, исследованным в среднем слое городища у дер. Николо-Ленивец⁴, являлся, очевидно, одновременно оборонительным и жилым сооружением.

В заполнении рва, помимо прослоек сгоревшего и истлевшего дерева, залежавшего пластами вперемежку с культурным слоем, найдено множество предметов быта, украшений и убора, характерных для поселений бассейна верхней Оки III—VI вв. н. э.: глиняные чернолощеные пряслица большого диаметра, грузики, погремушки, обломки лепных сосудов без лощения и глубокого черного и ярко-красного (до блеска) лощения, мелкие сосуды-мисочки и горшочки. Из металлических предметов найдены: железные наконечники стрел, ножи с горбатой спинкой, серпы, посоховидные булавы, фибулы — двучленная, воинская и с подвижной ножкой⁵, бронзовые с круглой кнопкой на ножке и Т-образная (крестовидная)⁶.

На основании найденных фибул нижний слой Серенского городища можно датировать III—VI вв. н. э. Возможно, что верхней датой этого слоя является VII в. н. э. Наиболее интересной находкой 1969 г. является бусина-пронизка в виде фигурки лежащего льва, изготовленная из синего «египетского» фаянса. Такие бусы-пронизки известны в античных городах

³ О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 97.

⁴ Т. Н. Никольская. Городище у д. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 235—238.

⁵ А. К. Амбров. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 70, 71.

⁶ А. К. Амбров. Указ. соч., стр. 38, 39, табл. 7, 13, 14; стр. 76, табл. 13, 2. Подробнее об этих фибулах см.: И. К. Фролов. Нижний слой городища у дер. Серенск. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 80, 81.

Северного Причерноморья, в частности в Ольвии, где они датируются II—IV вв. н. э.⁷ Естественно, что в бассейн Оки подобная находка могла попасть позднее — в III в. н. э. (рис. 27, 1).

В древнерусском слое при разборке бровок-перемычек найдено множество предметов быта (рис. 27, 13, 16, 28), вооружения (рис. 27, 17—23), и украшений, орудий труда и инструментов ремесленников, относящихся к домонгольскому времени. Среди них имеются многочисленные обломки стеклянных браслетов, бронзовые браслеты (рис. 27, 3—9), перстни (рис. 27, 10—12), семилопастные височные кольца (рис. 27, 2), литейные формочки для изготовления браслетов, колтов, подвесок к ожерелью, перстней, крестиков и т. д.

Особенно интересен обломок литейной формы для створки широкого браслета, которые обычно изготавливались из серебра и богато орнаментировались чернью. Створка браслета украшена пышным растительным орнаментом и стилизованными птичками (рис. 27, 14).

Раскоп IV. В 1969 г. в юго-западной части детинца, у самого «въезда», заложен небольшой раскоп IV⁸. Начиная этот раскоп, мы предполагали выяснить, существовал ли в древности в данном месте въезд в детинец, и если он был, то нет ли здесь остатков воротной башни или какой-нибудь вымостки. Здесь, в юго-западной части детинца, у самого края площадки городища, насыпь вала была как бы срезана, а ров, отделяющий детинец от посада, засыпан, благодаря чему здесь образовалась перемычка, соединяющая обе части поселения.

При обследовании городища в 1965 г. высказано предположение, что эти земляные работы проведены в XV—XVI вв. и что в домонгольское время вал доходил до края площадки детинца, отделяя его от остальной части города⁹. Раскопки 1969 г. должны были подтвердить или опровергнуть это предположение.

Забегая немного вперед, отмечу, что в результате раскопок никаких следов въезда в детинец в данном месте обнаружено не было. А значит, можно думать, что сообщение детинца с посадом осуществлялось с помощью перекидного моста через ров, подобно тому как это было, например, открыто раскопками Б. А. Рыбакова в Любече¹⁰.

Раскоп IV примыкал своей северной стенкой к южной стенке раскопа II (1966 г.) и имел площадь 72 кв. м. Длина раскопа с севера на юг — 10 м, ширина с запада на восток — 8 м.

В раскопе IV наблюдалась та же стратиграфия, что и на остальных раскопах: верхний культурный слой темно-серого или бурого цвета, толщиной от 0,2 до 1,2 м, относится ко времени XIV—XVI вв.; второй, черный, рыхлый слой, толщиной от 0,4 м до 1,2 м, содержащий прослойку пожара с большим количеством вещей и сгоревшего зерна, датируется XII—XIII вв., и третий, дославянский, был незначительным по толщине в северной части раскопа (0,1—0,15 м) и очень мощным в южной части, у вала, где были обнаружены остатки подобных же оборонительных сооружений внутри насыпи древнего вала, как и в восточной части раскопа III.

Так же, как и на других раскопах, в связи с поздними перекопами в верхнем слое встречались вещи не только домонгольского времени, но и относящиеся к I тысячелетию н. э., и наоборот, в древнем слое попадались фрагменты гончарной керамики.

⁷ Е. М. Алексеева. Классификация античных бус. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 59, стр. 62, 63, табл. I, рис. 11.

⁸ Раскоп вела младший научный сотрудник ИА М. А. Карповская.

⁹ Т. Н. Никольская. Отчет о раскопках Серенского городища в 1965 г. Архив ИА, Р—1, № 3132.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 21, 22.

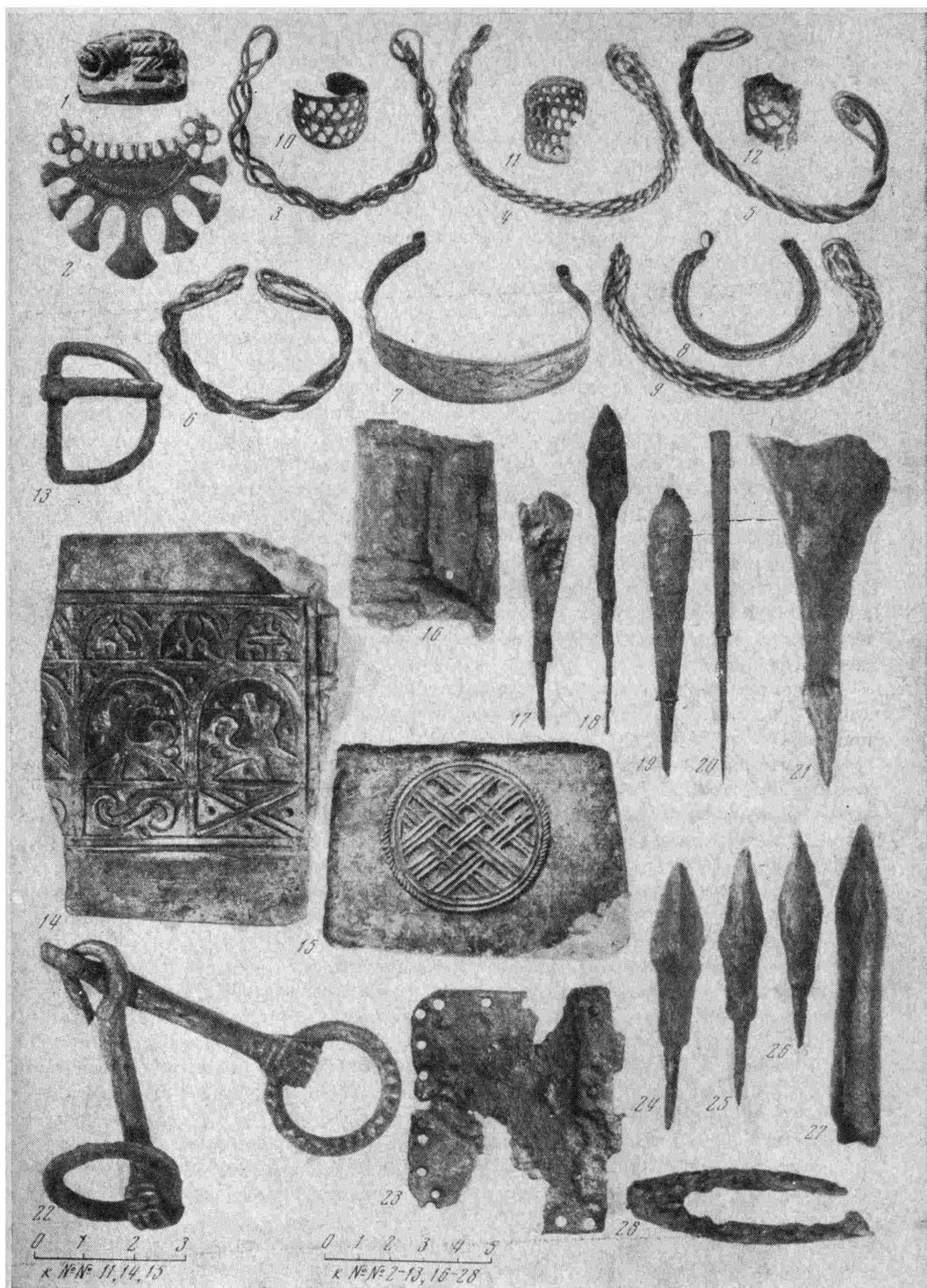

Рис. 27. Предметы из Серенского городища

1 — бусина из синего египетского фаянса; 2 — височное кольцо; 3—9 — браслеты; 10—12 — решетчатые перстни; 13 — пряжка; 14, 15 — литейные формочки для створчатого широкого браслета и решетчатой подвески; 16 — обломок цилиндрического замка; 17—20 — наконечники стрел; 21 — вток; 22 — удила; 23 — панцирная пластинка; 24—27 — наконечники стрел; 28 — кресало (2—12 — бронза; 13, 16—28 — железо; 14—15 — мергель)

Наиболее насыщенным остатками сооружений и находками оказался второй слой. Верхний горизонт его — прослойка пожара, которую можно связать с нашествием Батыя в 1238 г. В последней найдено подавляющее большинство предметов.

К этому горизонту относится часть постройки, открытой в северо-западном углу раскопа. Она представлена развалом камней, расположенных по сторонам прямоугольника. Камни мелкие и более крупные, от 5 до 15 см в поперечнике. Вдоль юго-западной полосы развала камней вскрыты остатки нетолстого (диаметр 0,12 м) сгоревшего бревна протяженностью 2,1 м, а по линии его продолжения был врыт столб (почти истлевший теперь) диаметром 0,18 м. Таким образом, если бревно и столб относились к юго-западной стене сооружения, то ее протяжение составляло 3,9 м. Около развала камней и в горелом слое найдено множество предметов: железные цилиндрические замки, ключи, ножи, пробои, наконечники стрел, вток, каменные точильные бруски, глиняные пряслица, обломки стеклянных браслетов, хрустальные шарообразные и сердоликовые бипирамидальные бусы и т. д. Наиболее интересными находками, как всегда, были две каменные литейные формочки (рис. 27, 15).

В северо-восточной части раскопа обнаружена сплошная вымостка из мелких камней, вероятно являвшаяся продолжением подобной же вымостки, открытой в 1965 г. (траншея 1, разрезающая вал) и связанной с конструкцией насыпи вала.

Каменные «вымостки», лежащие глубже и состоящие из более крупных камней, открыты и в центральной части раскопа. Здесь среди камней встречались разрозненные человеческие кости, скопления горелого зерна и находки предметов быта и украшений (в том числе бусина со следами желтой поливы).

Несомненно, что подобные «вымостки», так же как и в других раскопах, являются развалом каменных фундаментов наземных бревенчатых построек.

Во втором культурном слое открыт неглубокий котлован еще одного сооружения, которое предположительно можно считать основанием башни юго-западной части детинца. Строительство этой башни, вероятно, началось в послемонгольское время, так как ее котлованом был прорезан слой пожара. Об этом же свидетельствуют находки железных арбалетных черешковых и втульчатых наконечников стрел (болтов самострельных), заставляющих датировать постройку второй половиной XIII — началом XIV в. (рис. 27, 24—27).

Башня ориентирована с северо-запада на юго-восток, и часть ее котлована выходила за пределы раскопа. Она была квадратной в плане (в поперечнике около 4 м) и, по-видимому, была поставлена на кирпичный фундамент. Остатки этого фундамента довольно четко выявились на уровне пятого пласта в виде светло-желтого или розоватого пятна обожженной глины, обломков кирпичей и включений извести. Глубина котлована от современного уровня 1,7 м.

Третий, дославянский культурный слой плохо сохранился на территории раскопа IV. В восточной и центральной частях раскопа следы его отсутствуют; тонкая полоса этого слоя прослежена в северной части раскопа.

Находки этого слоя немногочисленны: обломки лепных сосудов — без лощения и чернолощенных, чернолощенные пряслица большого диаметра, кости животных.

Южная часть раскопа IV по характеру грунта и сооружений коренным образом отличается от остальной площади. Здесь исследована нижняя часть насыпи вала (верхушка его в этой части детинца, как упоминалось выше, была срезана в XV—XVI вв.), она продолжалась на глубину 0,6—0,8 м. Ниже характер грунта резко меняется: сначала шел коричневый

рыхлый слой с большим содержанием древесного тлена, углей, красной обожженной глины и желтого песка (толщиной 1 м), затем — более плотный слой светло-коричневой глины, также с включением древесного тлена и крупных углей (толщиной 1,6 м). Нижний горизонт насыпи вала состоял из рыхлой желтой глины с включениями красной обожженной глины, углей, золы, желтого песка и мелких камней. На разной глубине (1,4 м, 1,6—2 м) в слое обнаружены остатки обгоревших бревен, лежавших вдоль насыпи вала. Слои глины и сгоревшего дерева периодически сменяли друг друга, свидетельствуя о нескольких периодах сооружения древнего вала. У внутреннего склона насыпи вала проходил подобный же ров, что и в восточной части детинца.

Таким образом, в результате раскопок 1969 г. можно заключить, что надежные оборонительные сооружения с древнейшего времени существовали и в юго-западной части поселения. Тем самым укрепления дославянского поселка удалось проследить почти по всему периметру площадки городища (исключая еще не исследованную прибрежную часть). Появившееся здесь в конце XI — начале XII в. русское население использовало эти укрепления, усилив их с южной (напольной) стороны, где была построена мощная оборонительная башня, а насыпь вала увеличена в высоту. Позднее, в конце XIII в., в юго-западной части детинца была сооружена еще одна башня.

К. И. КОМАРОВ

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «СТРЕЛКА» НА Р. ЛУХ

Поселение «Стрелка» находится в 2 км от дер. Рыбино Пестяковского района Ивановской области. Оно расположено на невысоком мысу, образованном правым берегом р. Лух и впадающей в нее рекой Люлех, и возвышается над современным уровнем реки до 2 м. С южной стороны площадка поселения ограничена «Сухим ручьем» — старицей р. Люлех. Поселение исследовалось Верхневолжской экспедицией под руководством Д. А. Крайнова в 1967—1969 гг.¹

Поселение многослойное. Сразу под дерном в сероватом гумусированном песке встречались обломки керамики и другие предметы древнерусского времени. На глубине 30 см в слое, постепенно переходящем в очень темный гумусированный песок, находились немногочисленные фрагменты текстильной керамики. Но основная масса находок (вплоть до глубины 1,6 м) относилась к волосовской культуре. Славянское поселение, вероятно, состояло из наземных построек, проследить границы которых не удастся. Лишь в некоторых местах отмечены беспорядочные скопления прокаленных камней, представляющие собой, вероятно, развалы печей.

Основную массу керамики представляют фрагменты горшков с хорошо профилированным, S-образно отогнутым венчиком. Верх венчика утолщен, и на внутреннем крае образуется валик. Сосуды этого типа обычно украшены по плечикам и тулову линейным орнаментом.

Сосуды с волнистым орнаментом в большинстве своем имеют воронкообразное горло. Края венчиков у них округлые или косо срезанные снаружи, иногда орнаментированы косыми насечками. Встречаются также сосуды с высоким прямым венчиком. Верхний край их скошен внутрь и слегка оттянут наружу.

Лепная керамика составляет незначительный процент. Венчики лепных сосудов слабо отогнуты, шейка отсутствует, плечики мало выражены. Под венчиком некоторых из них имеются ногтевидные отпечатки.

Толщина стенок сосудов обычно не превышает 5—6 мм. В тесте их содержится примесь песка и мелко толченной дресвы, цвет темно-бурый и темно-серый, обжиг средний, черепок в изломе трехслойный. Одно днище имело рельефное клеймо в виде колеса с тремя дугообразно изгибающимися равноотстоящими спицами. Большая часть керамики датируется XII—XIII вв. Видимо, немногочисленные обломки относятся к XI в., даже, вероятно, к концу X в.

Особый интерес представляют обломки двух тиглей и целая льячка, обнаруженная в одном из скоплений прокаленных камней (рис. 28, 1). Найдены также два точильных бруска и шиферное биконическое пряслице.

¹ Д. А. Крайнов. Отчеты об археологических раскопках Верхневолжской экспедиции в 1967, 1968, 1969 гг. Архив ИА, Р—1, д. 3567, 3706, 4008.

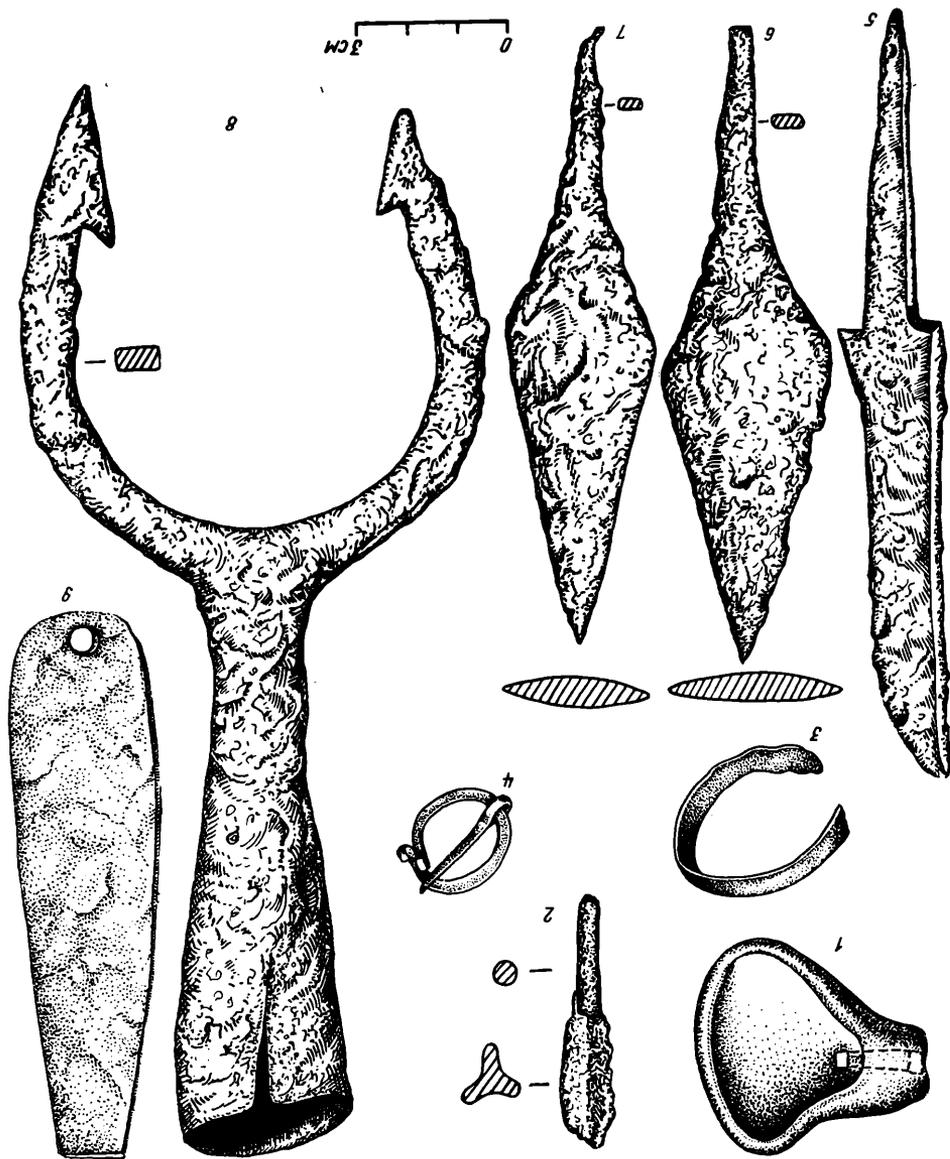

Рис. 28. Вещи из раскопок поселения «Стрелка»

Среди находок хорошо представлены орудия рыболовства. Втульчатая двухзубая острога (рис. 28, 8) не имеет аналогий в славянских древностях. Длина остроги 21 см. Зубцы имеют форму ухвата с шипами, обращенными вовнутрь, при этом один зубец несколько длиннее другого.

Подобная острога найдена в Лядинском могильнике². Но она имеет двухшипные и более прямые зубцы. В. Н. Ястребов отмечает, что похожие остроги, найденные под Екатеринбургом, демонстрировались на VIII археологическом съезде, а трехзубые имеются среди пермских древностей³.

² В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, 1893, табл. X, 26.

³ Там же, стр. 52.

Острога, еще более похожая на описываемую, найдена в 1947 г. А. Ф. Дубыниным в Малышевском могильнике Владимирской области⁴. У этой остроги один из зубцов также длиннее другого. В. Н. Ястребов датирует Лядинский могильник X—XI вв. К этому же времени относит А. Ф. Дубынин и погребение с острогой Малышевского могильника.

На поселении «Стрелка» найдена также медная блесна, у которой нижний конец с крючком оказался обломанным (рис. 28, 2). Длина ее сохранившейся части 10,6 см, ширина верхней части 2,8 см. Подобные блесны имеются в древностях камской чуди⁵. В Новгороде они делались из железа и часто покрывались медью⁶.

Две находки изготовлены из бронзы. Это — обломок плоского гладкого браслета с чуть расширенным закругленным концом (рис. 28, 3) и небольшая подковообразная фибула с загнутыми в трубочку концами (рис. 28, 4). Они имеют широкие аналогии, особенно в лесной полосе Северо-Восточной Европы.

Находки оружия на поселениях, как правило, встречаются редко. На исследованном поселении найдено три железных наконечника стрелы. Они черешковые и принадлежат двум типам. Один наконечник трехлопастный (рис. 28, 2). А. Ф. Медведев считает, что такие стрелы выходят из употребления в X в.⁷ Однако в глухих лесных районах они, возможно, находились в употреблении и несколько позже, т. е. в XI в. Два других наконечника имеют форму, близкую к ромбовидной, и длину 12,5 см (рис. 28, 6, 7). Они относятся к так называемому новгородскому типу⁸ и были широко распространены в северной полосе Восточной Европы в X—XIII вв.

Ножей найдено четыре (рис. 28, 5). Они относятся к широко распространенным у славян черешковым ножам с прямой спинкой. На основании сравнительно толстого обушка их можно отнести к XII в.

Вещей, прямо связанных с земледелием, на поселении не найдено. Но находки костей домашней свиньи говорят об оседлом характере жизни здешних поселенцев. Поселение существовало продолжительное время. По комплексу вещей его можно датировать XI—XIII вв. Не исключено, что начальный период жизни на поселении относится к концу X в.

Следует отметить выгодное топографическое расположение поселения. Отлично защищенное водными преградами и болотистыми низинами со всех сторон, оно контролировало речные пути, вероятно единственно возможные здесь в то время. С Клязьмы — важной артерии Владимиро-Суздальской земли — по р. Лух шел путь на север и северо-восток, в более глухие, но богатые пушниной лесные районы. Поэтому не будет невероятным предположение, что исследованное поселение было одним из опорных пунктов по сбору дани. Оно могло играть и роль форпоста для предупреждения внезапного нападения и роль торговой фактории. В 7 км выше по р. Лух имеется старинное село с древним названием Мыт, вероятно бывшее в средние века одним из таможенных пунктов.

Обращает на себя внимание сочетание в материальной культуре поселения славянских и местных финно-угорских элементов. Славянская керамика, шиферное пряслице и другие предметы быта говорят о прочных и непрерывающихся связях со славянским миром и его культурой. Наоборот, орудия рыболовства, украшения и некоторые виды оружия более

⁴ А. Ф. Дубынин. Альбом к отчету археологической экспедиции Ивановского пединститута в 1947 г. Архив ИА, д. 135, л. 14 (погр. 96).

⁵ А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, 1902, табл. XXV, рис. 2, 9.

⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 77, рис. 64, 7.

⁷ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. САИ, вып. Е1—36, 1966, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 67—68.

характерны для культуры местных финно-угорских племен. Очевидно, славяне, вступая в те или иные контакты с местным населением, воспринимали и усваивали элементы местной культуры. Эти контакты приводили к смешению разноплеменного населения. В этом отношении интересны материалы раскопок Семухинского и Антоновского курганных могильников в Ивановской области⁹. В курганах первого, более раннего могильника (автор раскопок Е. Н. Ерофеева датирует его второй половиной X — серединой XI в.) преобладают мерянские элементы. При этом женские захоронения количественно преобладают. В Антоновском могильнике, который датируется XII—XIII вв., отмечается уже типично славянский обряд погребения.

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что славяне, организуя производство вещей для меновой торговли (следы такого производства имеются на исследованном поселении), должны были учитывать потребности и вкусы окружающего населения. Это приводило к взаимопроникновению славяно-мерянских элементов культуры и в конце концов нивелировало разноэтничные культуры.

⁹ Д. А. Крайнов. Отчет об археологических раскопках Верхневолжской экспедиции в 1966 г. Архив ИА, Р—1, д. 3385.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ
НОВОГРУДСКОГО ДЕТИНЦА XIV—XV ВВ.

(по раскопкам 1968 г.)

Памятники архитектуры, открытые раскопками 1968 г. на территории детинца в Новогрудке¹, относятся к тому сложному периоду в истории города, когда после упорной борьбы между галицко-волынскими и литовскими князьями за обладание Новогрудком (длившейся всю вторую половину XIII в.) он, как и другие города Принеманья, окончательно вошел в состав крепнущего Литовского государства. Несмотря на то что никаких резких изменений в связи с этим фактом в культуре Новогрудка, как и в культуре Гродно², не произошло, монументальные сооружения детинца XIV—XV вв. представляют собой весьма своеобразную картину. Сказать о них по данным раскопок можно пока очень мало, так как ни одна постройка не раскрыта полностью, но и это немного, как нам представляется, заслуживает внимания.

В юго-западном углу раскопа 1968 г., расположенного в северной части детинца, были обнаружены остатки нескольких каменно-кирпичных кладок, так тесно примыкавших друг к другу или перекрывавших одна другую, что казалось невозможным их расчленение (рис. 29). Однако сопоставление размеров кирпича, качества раствора, техники кладки и уровня оснований стен позволило выделить остатки шести разновременных сооружений (рис. 30). Они залегают на глубине 0,6—1,7 м от репера, установленного на современной дневной поверхности. Большая часть каждой постройки уходит в южную и западную стенки раскопа.

Наиболее ранним сооружением, достаточно четко выделяющимся из состава других, была церковь (рис. 30, кладка № 1). От нее сохранилась часть северной стены с мощными лопатками, часть восточной стены, северная часть апсиды и небольшой кусок ее южной части (в составе более поздней кладки), северо-восточный крестчатый столб и кирпичный пол около него.

Фундамент церкви сложен из больших валунных камней, пространство между которыми заполнено мелким булыжником с редким включением битого кирпича. Связующим служит раствор извести серого цвета с примесью песка, мелкой гальки и редким вкраплением крупной кирпичной крошки. От кладки стен церкви местами сохранился лишь один ряд брусчатого кирпича (иногда с желобками), уложенного вдоль внутренней и наружной сторон фундамента, отступая от его края на 20—25 см (рис. 30, а). Размер кирпича 27—28 × 12—13 × 5—7 см (преобладает кирпич —

¹ Руководитель Новогрудской экспедиции — Ф. Д. Гуревич, начальник участка, на котором были вскрыты остатки архитектурных сооружений, — М. В. Малевская.

² Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 149—195.

28×12,5×6,5 см). Ширина фундамента северной стены составляет 1,7—1,8 м, фундамента плечика апсиды — 2 м. Ширина стены приблизительно 1,4—1,5 м. Глубина заложения фундамента полностью не выявлена. В небольшом шурфе с внутренней стороны северной стены удалось лишь установить, что мощность его превышает 1,45 м. Фундамент лопатки, примыкающей к стене (а не перевязанный с ней), оказался менее мощным — 1,1 м (рис. 30, б).

Внутри церкви у северной и восточной стен, на уровне обреза фундамента (1 м от R) сохранилась подготовка под пол в виде двух мощных кусков раствора извести (толщиной 15—25 см), по составу своему сходных с раствором фундамента церкви (рис. 30, пол 1а).

Северо-восточный крестчатый столб, сохранившийся на высоту 30 см от пола, сложен из кирпича размером 29—30×14—15×7 см, на растворе извести с примесью песка. Толщина швов 1,5—2 см. Скругленные углы столба выложены из лекального кирпича со срезанным углом (рис. 31, 1). Пол около столба уложен без определенной системы на тонком слое раствора извести (1,5—2 см) из кирпича размером 30×13—15×5 см (рис. 30, пол 1б). Он залегает на глубине 0,8—0,9 м от репера, то есть приблизительно на том же уровне, что и подготовка под пол в северо-восточном углу церкви.

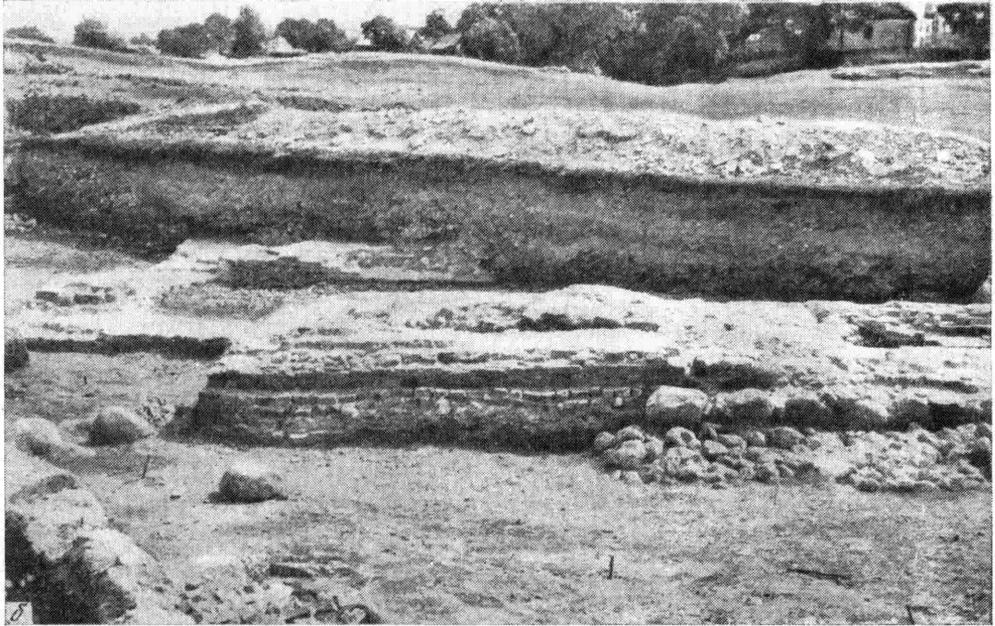
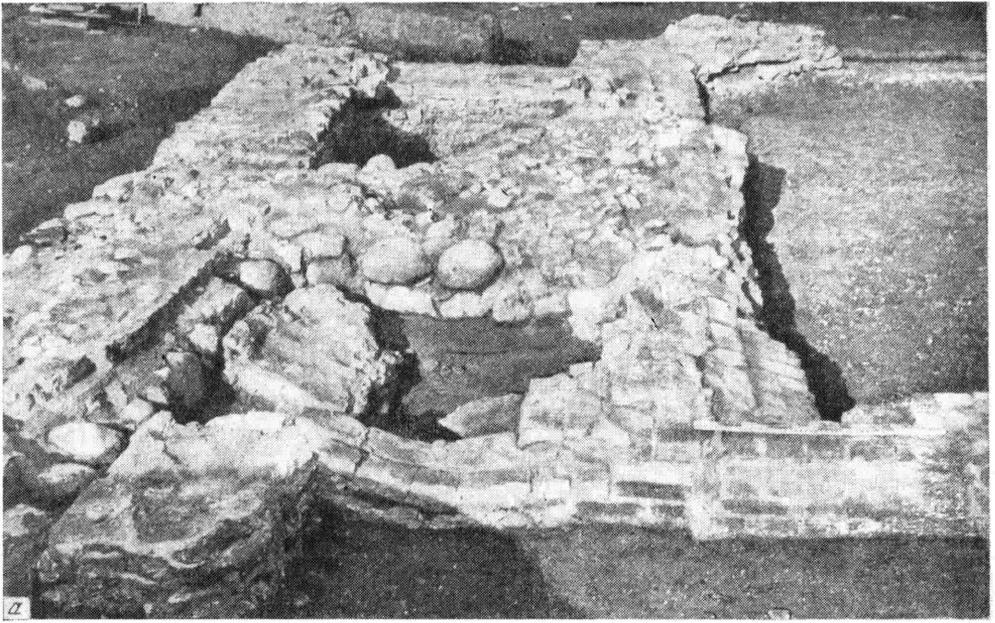
С наружной стороны церкви современная ей дневная поверхность определяется каменной вымосткой, вплотную примыкающей к северному и восточному ее фасадам на глубине 1,05—1,15 м от R с уклоном к северу и востоку до 1,5—1,7 м (рис. 29, б и 30).

Обращаясь к вопросу о времени сооружения церкви, необходимо принять во внимание тот факт, что в культурном слое над каменной вымосткой совсем не найдены вещи, относящиеся к XII—XIII вв. Тонкостенные, из хорошо отмученного теста кухонные горшки, большие миски с почти вертикальными стенками, невысокие миски с пологими стенками и отверстием в придонной части составляют керамический комплекс, характерный для XIV—XV вв. К этому же времени относятся многочисленные обломки кровельной черепицы (рис. 31, 10—14) лекального кирпича (рис. 31, 1—9), горшковидных изразцов, а также арбалетные наконечники стрел, некоторые типы ключей и другие вещи. Наличие же материала домонгольского времени в некоторых неглубоких шурфах свидетельствует о том, что фундамент церкви прорезал культурный слой XII—XIII вв. Все это позволяет заключить, что церковь была построена не позднее XIV в., а вероятнее, даже в первой его половине. Такая датировка подтверждается до некоторой степени тем, что по формату кирпича новгородская церковь оказывается в одном ряду с замками начала XIV в. в Лиде, Медининкай и Крево³, построенных при Гедимине.

Еще в период существования церкви северо-восточный угол ее был превращен в небольшой придел (2,2×1,6 м) посредством пристройки стены перпендикулярно плечу апсиды (рис. 30, кладка № 2). Вход в придел был оформлен в виде порога шириной 0,6 м и высотой в два ряда кирпича. В кладке стены, сохранившейся на высоту трех кирпичей, и порога употреблен кирпич двух форматов: брусчатый размером 30×13—14×7—8 см и квадратный 30×30×7—8 см⁴. Связующим служил раствор извести со значительной примесью мелкой кирпичной крошки, благодаря которой он имеет розовый цвет, характерный для раствора построек домонгольского времени, но встречающийся изредка и в памят-

³ S. *Abramauskas*. Plytų dydžiai XIV—XV amžiu lietuvos architektūros paminkluose. Valstibinės LTSR architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis, t. I. Vilnius, 1958, стр. 33—35; В. А. Чантурия. История архитектуры Белоруссии. Минск, 1969, стр. 35—37.

⁴ Ширина стены не установлена в связи с тем, что ее южная часть была разобрана при сооружении более поздней пристройки.

*Рис. 29. Новогрудок. Остатки монументальных сооружений
а — вид с запада; б — вид с севера*

никах архитектуры XIV—XV вв.⁵ Толщина швов равна 1,5—2 см. В юго-западном углу придела сохранилась подмазка под пол толщиной 4—5 см, из того же розового раствора, который был применен в кладке пристроенной стены и порога (рис. 30, пол 2а). Этот пол, так же как стена и порог, до того, как они дали сильную осадку, перекрывал упомянутую ранее подготовку под пол церкви (рис. 30, а, пол 1а). Иначе говоря, после

⁵ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 85.

сооружения придела пол в этой части церкви был поднят на несколько более высокий уровень, чем первоначально.

Под кладкой стены придела (№ 2) в небольших шурфах с северной и западной ее сторон обнаружен фундамент из крупного булыжного камня на растворе извести с примесью мелкой гальки и песка. Однако границы стены и фундамента совпадают не полностью: северная часть стены выходит за северный край фундамента на 30 см, т. е. на длину кирпича, нижний ряд которого уложен на тонком слое раствора, лежащем на земле. Этот факт заставляет предположить, что стена была возведена на каком-то ранее существовавшем основании (может быть, на фундаменте несохранившегося восточного столба).

Видимо, после того как церковь в силу каких-то причин разрушилась, на ее месте была возведена другая постройка, вероятно, тоже церковь (рис. 30, кладка № 3), что отчасти подтверждается совпадением их продольных осей. От нее сохранилось лишь подземное сводчатое помещение, может быть, склеп (крипта), для сооружения которого были разобраны часть апсиды первоначальной церкви, южная часть стены придела и пол возле крестчатого столба. В этом помещении шириной 4,2 м и длиной более 10 м восточные концы продольных стен разрушены, и восточная

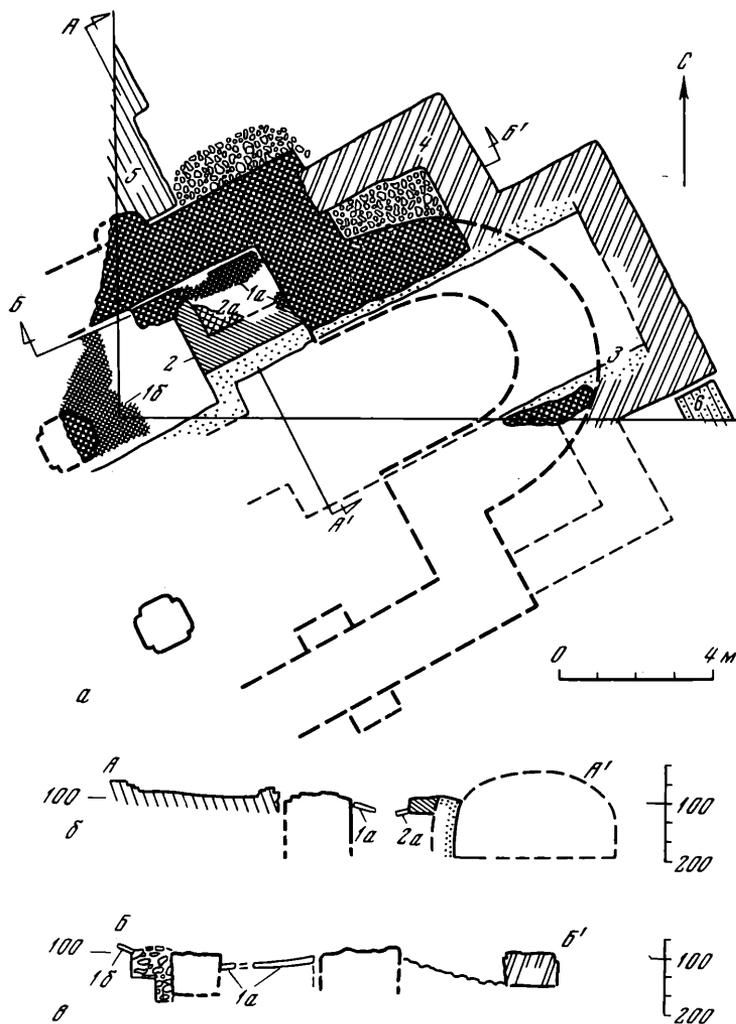

Рис. 30. Новогрудок. Остатки монументальных сооружений

а — план; б — поперечный разрез; в — продольный разрез

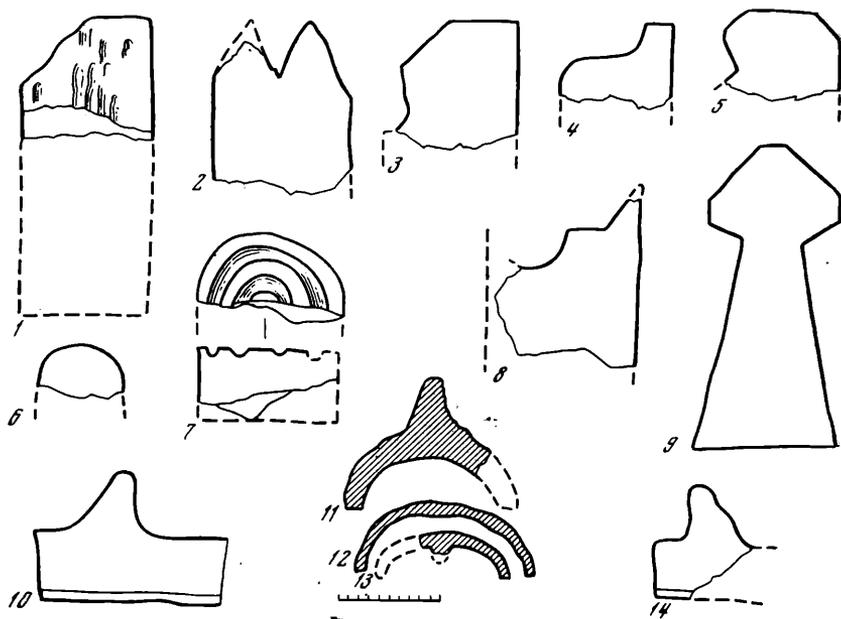

Рис. 31. Фигурные кирпичи и черепица

поперечная стена отсутствует. Пол в виде известкового раствора лежит на глубине 2,5 м от R (рис. 30,6)⁶. На высоте 70 см от пола находится пята частично уцелевшего свода, первоначальная высота которого составляла около 2 м. Со стороны западной стены (толщиной 0,6 м) был вход, вернее спуск, в склеп. Вскрыта часть нижней ступеньки из двух рядов кирпича. Под прямым углом к западной стене сводчатого помещения кладка № 3, нарушившая кирпичный пол более ранней церкви, поднимается до уровня современной дневной поверхности. Она сложена, как и стены сводчатого помещения, из кирпича размером $30\text{--}32 \times 13\text{--}15 \times 6\text{--}7$ см (преобладает кирпич $30 \times 13 \times 6$ см), на растворе известки желтого цвета с примесью песка. Толщина швов колеблется от 1 до 3 см.

Следующая по времени постройка — кладка № 4, видимо, тоже связана с перестройкой церкви. Продольная ось кладки № 4 совпадает с осями первоначальной церкви и склепа, а ее северная стена, налегающая одним концом на фундамент северной стены церкви, является как бы ее продолжением в восточном направлении (рис. 29 и 30). Необычна, правда, для церкви прямоугольная, а не округлая или граненая апсида, слабо-выдвинутая на восток. От кладки стен сохранилось 3—4 ряда кирпича размером $23\text{--}30 \times 14\text{--}15 \times 7\text{--}8$ см, уложенного на растворе известки с песком. Многие кирпичи имеют бороздчатую поверхность. Фундамент тоже сложен из кирпича, часто битого (половинки), на таком же растворе, как стена. Мощность его равна приблизительно 0,6 м. Судя по обрезу фундамента, основание стены кладки № 4 лежало лишь ненамного выше основания стены церкви, что свидетельствует о небольшом хронологическом разрыве между ними.

Помимо рассмотренных выше остатков сооружений (кладки № 1—4), связанных так или иначе с перестройкой первоначальной церкви, раскопками открыты незначительные участки фундаментов стен от пристроек к церкви. Фундамент одной из стен (рис. 30, кладка № 5), пристроенной к северной стене первоначальной церкви, состоит из небольшого количе-

⁶ Пол вскрыт только в небольшом шурфе в северо-западном углу помещения, так как все оно заполнено строительным мусором (обломками кирпича, штукатурки, раствора), который временно остался не выбранным.

ства крупных валунов и кирпичного щебня, связанных известковым раствором. На одном участке фундамента (на восточном выступе) сохранилось два ряда кирпичной кладки стены. Кирпич более тонкий, чем в других кладках: 28—30×15×5—6 см. Ширина фундамента — 1,3 м, его мощность, полностью не выявленная, превышает 0,9 м. Судя по тому, что уровень основания стены пристройки (кладка № 5) почти на 0,4 м превышает уровень основания стены церкви, она была сооружена значительно позже.

Кладка № 6 составляет как бы продолжение восточной стены кладки № 4, но не перевязана с ней. Она представляет собой фундамент, сложенный без определенной системы из целого и битого кирпича на известковом растворе.

Кроме сооружений, расположенных в юго-западном углу раскопа и составляющих как бы единый комплекс, археологическими исследованиями вскрыта часть стены отдельно стоящей постройки в северо-западном углу раскопа. По-видимому, она тоже относится к XIV в. Ряд признаков, отличающих это сооружение от комплекса, связанного с церковью (иная ориентация, незначительная толщина стены — 0,50—0,55 см), позволяют предположить, что оно имело гражданское назначение.

Таковы весьма скромные сведения о монументальных сооружениях Новогрудского детинца, которые были получены в результате раскопок 1968 г. Однако и эти ограниченные данные представляют определенный интерес как для истории самого Новогрудка, так и для истории развития белорусской архитектуры.

Рассмотренные выше сооружения свидетельствуют о том, что в XIV—XV вв. на территории Новогрудского детинца велось интенсивное строительство. Об этом же говорит и строительство монументальных оборонительных сооружений: первая каменная башня детинца с северной его стороны была, видимо, построена, как показали исследования М. А. Ткачева⁷, еще в XIII в.; на ее месте в XIV в. была сооружена другая башня⁸, а в конце XV или в начале XVI в. кирпичные стены и еще четыре башни заменили собой деревянные наземные конструкции на валу детинца⁹. Если же учесть еще, что остатки монументальных кирпичных построек были обнаружены раскопками Новогрудской экспедиции и на территории окольного города (на северо-восточной его окраине), то станет ясным, что Новогрудок в XIV—XV вв., находясь в составе Литовского государства, был, видимо, одним из крупных культурных центров.

Среди построек, открытых раскопками на детинце, особого внимания заслуживает первоначальная церковь, которая является единственным в своем роде памятником культовой архитектуры первой половины XIV в. на территории Белоруссии. Церкви более раннего времени (особенно XII в.) хорошо известны как в ближайших к Новогрудку городах Черной Руси — Гродно и Волковыск, — так и на соседних землях — в Минске, Полоцке, Витебске. Недавними раскопками М. К. Каргера храм XII в. был обнаружен и в самом Новогрудке¹⁰. Церкви более позднего времени (конца XV — начала XVI в.), составляющие небольшую группу памятников иного типа, также известны в Западной Белоруссии — в Супрасли, Сынковичах, Маломожейкове и другие¹¹.

⁷ М. А. Ткачев. Исследования памятников оборонного зодчества Белоруссии. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 307—308.

⁸ П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, 1967, стр. 149.

⁹ Там же.

¹⁰ М. К. Каргер. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 165—168.

¹¹ И. Иодковский. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси. «Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников», т. VI. М., 1915; В. А. Чантурия. История архитектуры Белоруссии, стр. 57—65.

Близкая по композиции церковь есть и в Новогрудке¹². Она была построена в начале XVI в. непосредственно на остатках стен Борисоглебского храма XII в. Связующим звеном между памятниками архитектуры домонгольского времени и белорусско-литовской готики конца XV — первой половины XVI в. до сих пор была лишь так называемая Верхняя церковь в Гродно, построенная в конце XIV или в начале XV в. и позднее реконструированная¹³. В этой церкви сочетаются некоторые традиции домонгольской архитектуры с техникой кладки и конструктивными приемами литовского зодчества. Предшествующая гродненской новогрудская церковь составляет еще одно важное звено в цепи памятников культовой архитектуры малоизученного периода.

Несмотря на далеко не полное исследование церкви Новогрудского детинца, некоторые признаки, свидетельствующие о формировании храма нового типа, отчетливо выступают уже и сейчас. Так, если в плановом решении церкви несомненно прослеживаются черты, характерные для ряда древнерусских храмов XII—XIII вв. (сильно выдвинутая на восток апсида, наличие внутренних и наружных лопаток, расположение крестчатых столбов на оси апсидных стенок¹⁴), то примененные в ней строительные материалы (брусчатый кирпич, иногда с бороздками, раствор извести с примесью песка и мелкой гальки, но без кирпичной крошки) и техника кладки (кирпичная облицовка с забутовкой мелким булыжником) сближают новогрудскую церковь с памятниками литовской архитектуры (постройками в Вильнюсе¹⁵, замками в Лиде, Креве и другими). Новой по сравнению с домонгольскими храмами была и конструкция свода церкви, если именно ей принадлежали найденные в культурном слое детинца над каменной вымосткой многочисленные обломки крестообразного кирпича, происходящего от нервюр сводов (рис. 31, 9)¹⁶. По своей простой форме этот кирпич близок крестообразному кирпичу гродненской церкви¹⁷ и отличается от кирпича более сложного профиля Борисоглебской церкви в Новогрудке начала XVI в. и кирпича более сложной конфигурации, найденного близ построек Вильнюса — башни Гедимины XIV в. и костела св. Анны-Варвары XVI в.¹⁸ Наиболее ранние фигурные кирпичи сводов построек Вильнюса происходят, по-видимому, из частично раскрытого раскопками 1964 г. здания на территории Нижнего замка, относимого по технике кладки (балтийской) к XIII или самому началу XIV в.¹⁹

Говоря о сводах на нервюрах, надо вспомнить, что в конце XIII в. они были уже известны и в некоторых постройках западной Волыни. Купольный свод на нервюрах имела, например, оборонительная башня в Каменце-Литовском, построенная в 70—80-х годах XIII в.²⁰ Отметим заодно, что стены Каменецкой башни, как и стены некоторых других

¹² П. А. Раппопорт. Археологические и архитектурные заметки. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 35—36, рис. 6, 7.

¹³ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 183—186.

¹⁴ Такими чертами характеризуются, например, церковь Благовещения в Витебске и Собор Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке (XII в.).

¹⁵ A. Tautavicius. Vilniaus pilies teritorijos archeologiniai kasinėjimai. Valstybinis LTSR architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis, т. II. Vilnius, 1960, стр. 14—33.

¹⁶ В принадлежности крестообразных и других лекальных кирпичей (рис. 3, 1—8) к строительству первоначальной церкви нет полной уверенности в связи с тем, что они могли относиться и к одной из ее несколько более поздних реконструкций.

¹⁷ Н. Н. Воронин. Указ. соч., рис. 102 (левый).

¹⁸ A. Tautavicius. Указ. соч., рис. 46—47.

¹⁹ A. Tautavicius. Археологические исследования в Литве в 1962—1966 гг. «Acta Baltica-Slavica», т. VII. Białystok, 1970, стр. 219, и 228.

²⁰ П. А. Раппопорт. Волынские башни. МИА, № 31, 1952, стр. 202—211; он же. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., стр. 141—142. Не исключена возможность, что своды на нервюрах имела и первая оборонительная башня Новогрудка (XIII в.), которая, как предполагает М. А. Ткачев, могла относиться к типу волынских башен (М. А. Ткачев. Указ. соч., стр. 308).

построек Западной Волыни — Луцкого замка²¹, башни в Чарторыйске²², — сложены из брусчатого кирпича с бороздками на одной из постелей. Брусчатый кирпич был применен также и в одном культовом сооружении Волыни XIII в. — ротонде во Владимире²³.

К строительным материалам, принадлежащим церкви детинца, не встречающимся при раскопках храмов домонгольского времени, относятся еще многочисленные фрагменты красной кровельной черепицы, найденные в культурном слое вместе с лекальными кирпичами (рис. 31, 10—14). При раскопках памятников более позднего времени (Верхней церкви в Гродно, Борисоглебской церкви в Новогрудке, постройка в Вильнюсе) обнаружена черепица иной формы — плоская, прямоугольная, с одним скругленным концом и выступом на противоположном конце у самого края черепицы. Ни одного фрагмента такой черепицы в культурном слое детинца пока не найдено²⁴.

Несмотря на фрагментарность и плохую сохранность открытой раскопками церкви, все же остается несомненным, что она заполняет собой лауну как в хронологическом, так и в архитектурно-художественном отношении, между памятниками культового зодчества XII—XIII и XVI вв. на территории Белоруссии. Она является пока первым сооружением, в котором сочетаются традиции домонгольской архитектуры с техническими, конструктивными и декоративными приемами, выступающими в некоторых памятниках Западной Волыни второй половины XIII в. и свойственными формирующейся в это время (в XIII—XIV вв.) архитектуре молодого Литовского государства, в состав которого входил Новогрудок.

²¹ П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., стр. 137; Г. Н. Логвин. Луцкий замок. Сб., «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 102—107.

²² П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 142—143.

²³ М. К. Каргер. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынске. Ученые записки Ленинградского гос. университета, серия исторических наук, вып. 29, 1958, стр. 25.

²⁴ Обломки полуцилиндрической черепицы с выступом подобные новгородской черепице, были обнаружены в Новгороде к северу от Софийского собора в завале строительного мусора вместе с обломками кирпича XIV—XV вв. и красного известняка-ракушечника этого же времени (С. Н. Орлов. Новгородская черепица XVI в. СА, 1964, № 2, стр. 238—241, рис. 3).

Е. Н. ГЛЕЗЕР

СОБОР ЧЕРЕМЕНЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ¹

Черемнецкий монастырь был расположен в 18 км от г. Луги (Ленинградской области) на острове Черемнецкого озера. Остров, на котором находился монастырь, небольшой, округлой формы, соединенный с берегом дамбой. Собор монастыря, носивший наименование церкви Иоанна Богослова, стоит на холме посреди острова; рядом с ним — церковь Преображения (XVIII в.), жилые и хозяйственные монастырские постройки, кладбище.

Основание монастыря, по преданию, относится к 1478 г. и связывается с походом Ивана III на Новгород². Очень возможно, что предание это отражает реальные события. Во всяком случае, в Переписной книге Вотской пятины 1500 г. уже упоминаются земли, принадлежавшие Черемнецкому монастырю³. В писцовых книгах Шелонской пятины 1581—1582 гг. отмечено, что в монастыре были две церкви, причем церковь Иоанна Богослова была каменной⁴.

Позднейшая литература о монастыре крайне скудна. Правда, монастырь этот упоминается во многих сочинениях, однако существенных данных ни по древнейшей истории монастыря, ни по его архитектуре не приводится. Есть лишь упоминания: «соборная церковь во имя Иоанна Богослова древней готической архитектуры, построенная вся из плиты»⁵. Автор брошюры о Черемнецком монастыре отметил, что западная часть церкви (трапезная и колокольня) четко отделяется от более древней восточной части по материалу: древняя часть сложена из плиты и булыж-

¹ Собор Черемнецкого монастыря — интересный памятник древнерусского зодчества — был разрушен во время Великой Отечественной войны. Естественно поэтому, что все данные о памятнике, относящиеся ко времени до его гибели, приобретают сейчас особую ценность. В 1926—1927 гг. научный сотрудник ГАИМК Елена Николаевна Глезер обследовала собор Черемнецкого монастыря, произвела схематический обмер здания и сфотографировала интерьер собора. В 1928 г. Е. Н. Глезер сделала доклад о соборе в Разряде русского зодчества ГАИМК. В настоящее время Е. Н. Глезер передала в редакцию КСИА текст доклада, обмерный чертеж собора, негатив и фотографию. Настоящая статья представляет собой сокращенное изложение этого доклада. Полный текст доклада со всеми приложениями см.: архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, д. 1704. Редакция КСИА.

² «Общежительный Черемнецкий Иоанно-Богословский второклассный монастырь». СПб., 1907, стр. 4.

³ К. А. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853, приложения, стр. 23.

⁴ Там же, приложения, стр. 79.

⁵ А. Ратшин. Полное собрание исторических сведений о монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852, стр. 476. См. также: Амвросий. История Российской иерархии, т. VII. М., 1815, стр. 655; Н. О. Проценко. Монастыри в России и соборы в Москве. М., 1863, стр. 55; В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. 2. СПб., 1892, стр. 151.

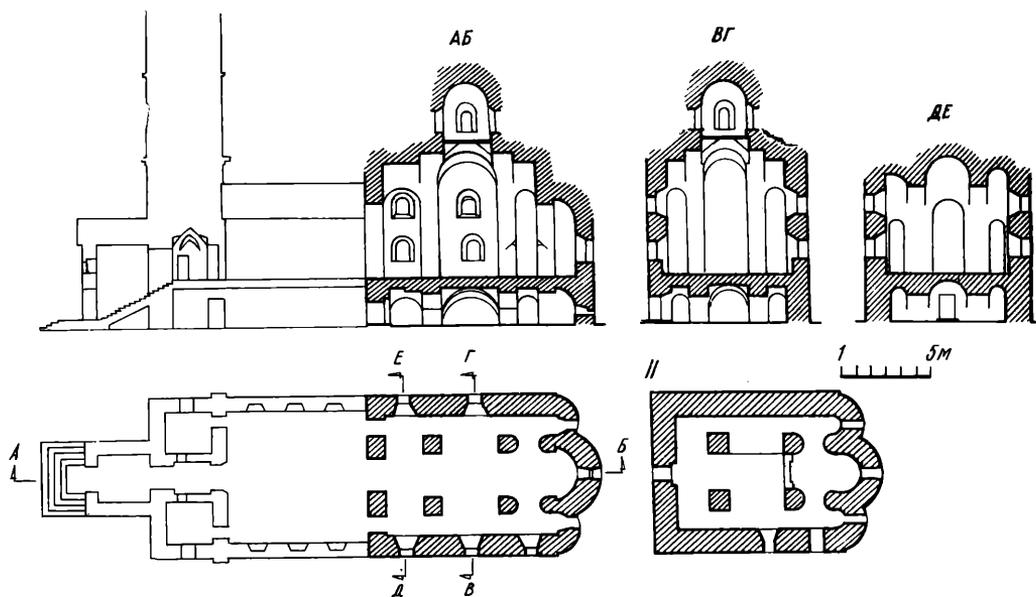

Рис. 32. Схематический обмер собора Черемнецкого монастыря. Чертеж Е. Н. Глезер

ника, а поздняя — из кирпича⁶. Монастырское предание относило пристройку трапезной и колокольни к XVIII в., что вполне вероятно, поскольку во время ремонта 1845 г. эти части уже существовали⁷. Анализ документов, связанных с ремонтом 1845 г., показывает, что интерьер храма при этом совершенно не был затронут. Здание собора было покрыто новым фасадом, как футляром, сложенным из кирпича. Таким образом, древняя часть здания довольно легко отделяется от более поздних пристроек.

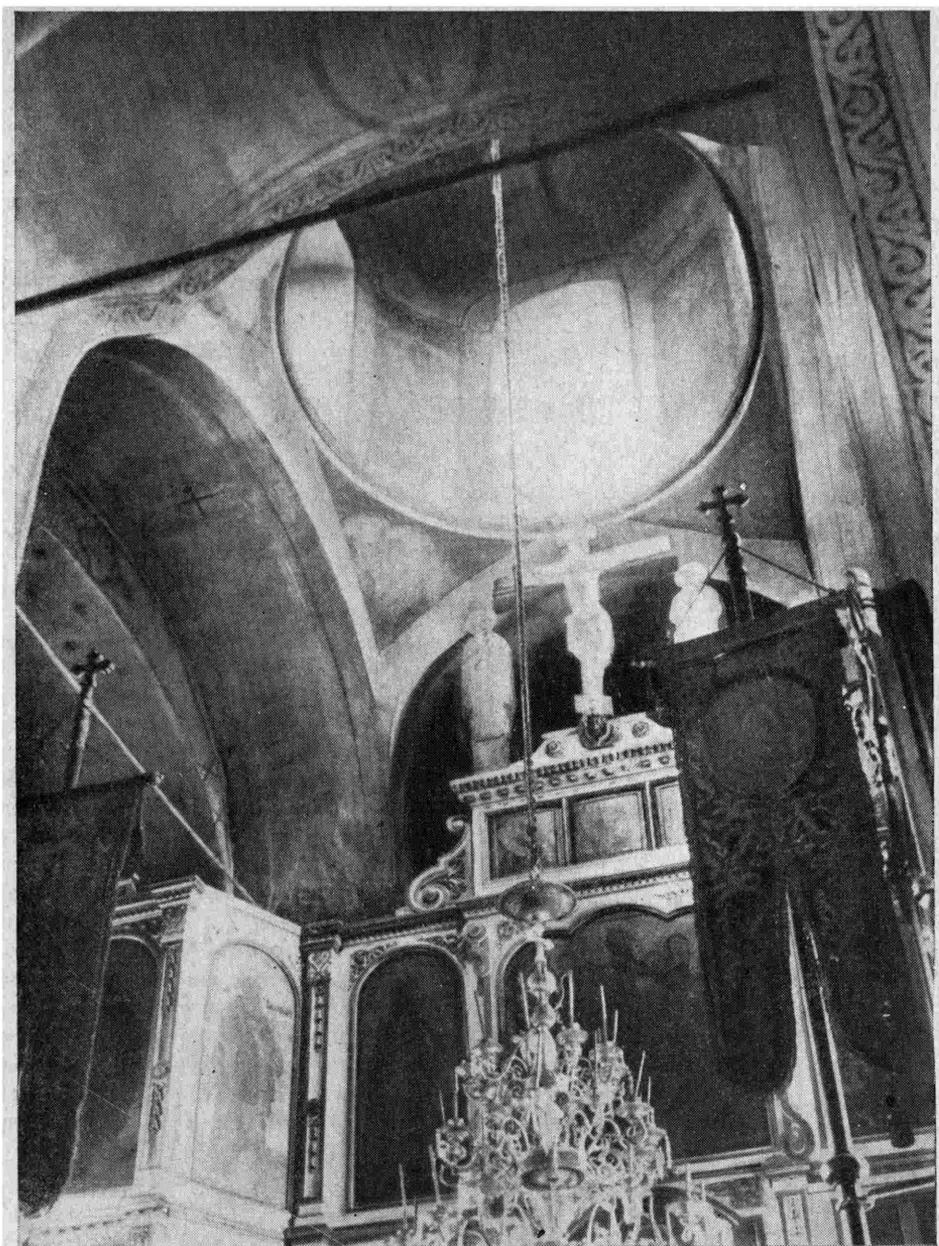
Первоначально здание собора представляло собой одноглавую четырехстолпную церковь с тремя апсидами, стоящую на подклете (рис. 32). Расстояние между подкупольными столбами в направлении запад — восток несколько больше, чем в направлении север — юг, отчего здание в плане имеет не квадратную, а слегка вытянутую форму. Восточные столбы со стороны алтаря скруглены, так же как и выступы алтарной стены. Входы в здание церкви и в подклет вели с запада, однако в подклете этот вход позднее был заложен и заменен входом с юга. Барабан храма опирается на подпружные арки, расположенные несколько выше прилегающих коробовых сводов (рис. 33).

Несмотря на то что в административном отношении Черемнецкий монастырь всегда зависел от Новгорода, а не от Пскова, архитектура собора несомненно характерна для Псковской земли. Все формы здания здесь типично псковские. Правда, западные столбы не круглые, а квадратные, но вполне вероятно, что первоначально они были круглыми, а квадратную форму получили во время постройки трапезной.

К какому времени относится строительство собора? Очевидно, он был возведен между основанием монастыря (конец XV в.) и первым упоминанием каменного храма в письменных источниках (1581 г.). В этом промежутке времени наиболее правдоподобны две даты: либо собор

⁶ «Общежительный Черемнецкий...», стр. 16.

⁷ Чертеж южного фасада собора, исполненный с натуры арх. Комаровым в 1842 г., и проект перестройки. Фотоархив ЛОИА, П 24039 и колл. 2432.

Рис. 33. Интерьер собора Черемнецкого монастыря. Снимок 1927 г.

был построен сразу же при основании монастыря, либо в 30—40-х годах XVI в., в период оживленного строительства храмов как в самом Пскове, так и во всей Псковской земле. Удлиненная форма плана и сравнительно небольшой подъем подпружных арок над прилегающими сводами находят аналогии скорее в псковских памятниках середины XVI в. (например, в церкви Сергия с Залужья), чем в памятниках более раннего времени.

Л. А. ГОЛУБЕВА

АМФОРЫ И КРАСНОГЛИНЯНЫЕ КУВШИНЫ БЕЛООЗЕРА

Белоозеро — один из самых отдаленных северо-восточных центров находок амфор. Восточнее, в бассейнах Сухоны, Вычегды и Камы, эти изделия не проникали. Количество находок этой привозной тарной керамики на Белоозере сравнительно невелико. На площади около 7000 м² найдено 479 фрагментов амфор и 14 кувшинов. Находки их в разных горизонтах культурного слоя представлены неравномерно (табл. 1).

Удалось почти полностью склеить две амфоры и графически (частично) восстановить еще три. Остальные обломки относятся не менее чем к 20 разным сосудам, о форме которых трудно судить. Амфоры, полностью или частично реконструированные, принадлежат к пяти различным типам.

Первый тип представлен толстостенным сосудом с коротким (3,5 см), узким (4 см) горлом и небольшими ручками, прикрепленными к горлу ниже венчика (рис. 34, 1). Верхняя изогнутая часть ручек находится на уровне края венчика. Днище округлое, широкое. Наружная поверхность покрыта глубоким редким рифлением. Глиняное тесто плотное, с очень мелкими песчанистыми примесями, цвет — оранжевый. Найдено 10 обломков амфоры. На одном из них процарапан знак (рис. 35, 2). Амфора происходит из горизонта XI в. (раскоп XXVIII).

Ко второму типу принадлежит толстостенный сосуд грушевидной формы с высоким горлом диаметром около 10 см и поднятыми над ним дугообразно изогнутыми массивными овальными ручками (рис. 34, 2). Длина тулова сосуда (до горла) 48 см, максимальный диаметр 36 см, высота горла около 20 см. Дно широкое, округлое. Рифление глубокое и частое.

Т а б л и ц а 1

Распределение находок амфор и кувшинов по столетиям

Век	Количество фрагментов							Кувшины
	Амфоры						Итого	
	I	II	III	IV	V	Тип не определен		
XIII	—	—	—	—	123	34	157	—
XII	—	21	38	9	—	13	81	—
XI	10	123	—	—	—	89	222	14
X	—	—	—	—	—	19	19	—
Итого	10	144	38	9	123	155	479	14

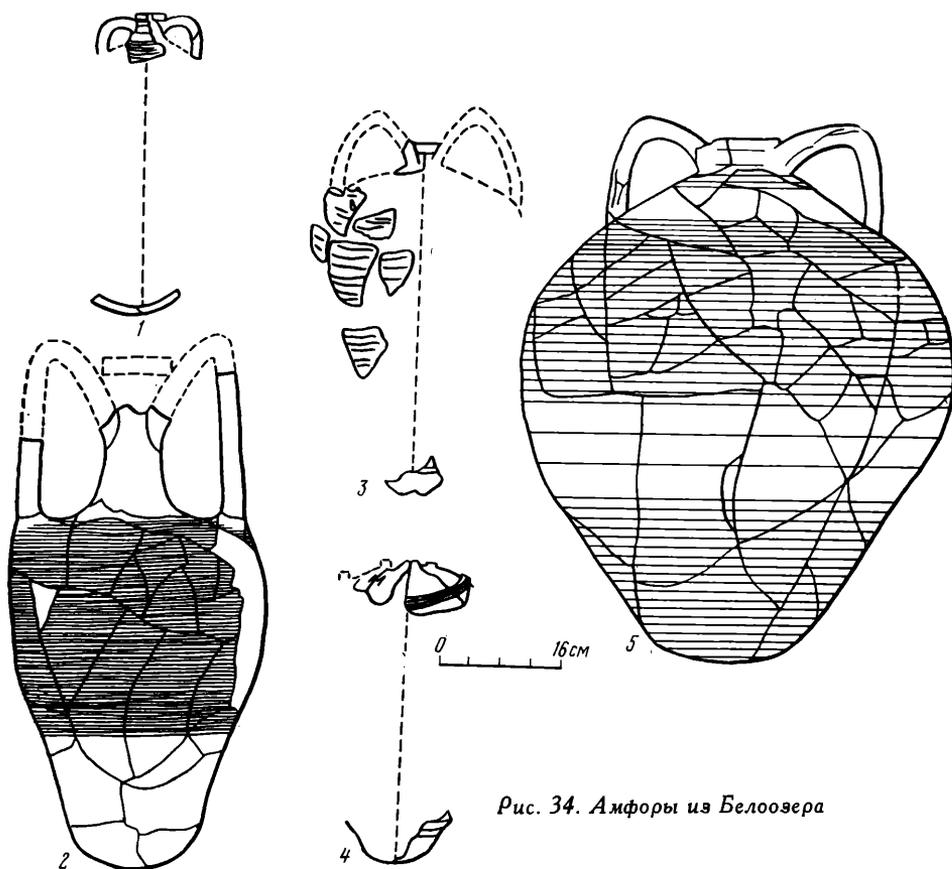

Рис. 34. Амфоры из Белоозера

Тесто с мелкими песчанистыми примесями, желто-розовое, в изломе серое. Сосуд собран почти целиком (123 обломка). Происходит из горизонта XI в. (раскоп XXIX)¹. В этом же, а также в горизонте XII в. найден еще 21 обломок, принадлежащий шести сосудам этого же типа. Ручка одного из сосудов в средней части имеет валикообразный продольный выступ.

Тонкостенный сосуд с широким туловом и узким круглым дном (рис. 34, 3) относится к третьему типу. Горло короткое (4,5 см), его диаметр 5—7 см. Ручки овальные, дугообразно изогнутые и подняты выше горла. Размеры сосуда, от которого сохранилось 29 фрагментов, приблизительно следующие: высота тулова около 50 см, наибольший диаметр — 40 см, диаметр дна — 10 см. Тесто рыхлое, беловато-желтое, с многочисленными вкраплениями крупных (свыше 1 мм) темных зерен пироксена. Наружная поверхность покрыта неглубоким редким рифлением. На стенке процарапан знак (рис. 35, 4). Происходит из горизонта XII в. (раскопы XIII и XV). Найдено еще 9 обломков стенки и часть ручки второго сосуда из такого же теста.

К четвертому типу причислен толстостенный сосуд, широкий сверху, со стенками, сужающимися уступом к днущу (рис. 34, 4). Горло узкое и, видимо, короткое. Ручки небольшие, крепящиеся одним концом к основанию горла. Днище широкое, округлое, диаметром около 2 см. Полные размеры сосуда неизвестны, так как сохранилось всего 9 обломков. Наружная поверхность обработана частым рифлением и покрыта белым ангобом. Тесто тонкоотмученное, без песчанистых примесей, оранжевое. На

¹ Реконструирован Т. В. Равдиной.

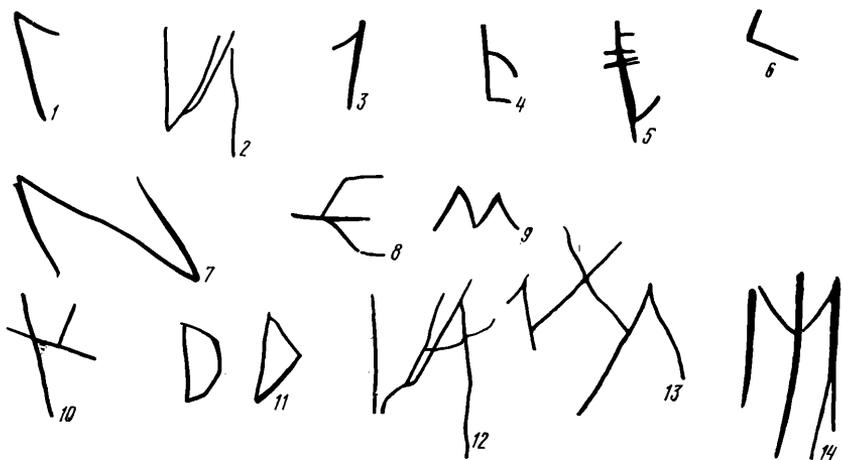

Рис. 35. Граффити на амфорах из Белоозера

стенке процарапан знак, напоминающий букву «М» (рис. 35, 14). Дата — XII в. (раскоп XXVIII). От второго сосуда такого типа сохранилось 4 обломка.

Толстостенный грушевидный сосуд с сильно раздутым туловом, сужающимся к округлому днищу (рис. 34, 5), отнесен к пятому типу. Горло короткое, узкое, над ним подняты дугообразные небольшие овальные ручки. Высота (без ручек) — около 70 см, наибольший диаметр 60 см, диаметр днища 24 см. Тесто плотное, тонкоотмученное, без песчаных примесей, оранжевое. Поверхность частично покрыта рифлением. Собран целиком (около 102 обломков²). Найдена амфора в срубе жилища 5, имеющем дендрохронологическую дату 1221 г. (раскоп XXXII). От второй амфоры того же типа из горизонта второй половины XIII в. сохранился 21 обломок. На стенке процарапан знак (рис. 35, 7).

Несомненно, что амфоры Белоозера представлены более чем пятью типами. Так, в горизонте XI в. найдено 16 обломков стенок амфоры, покрытых не обычным рифлением, а слабо врезанными горизонтальными линиями, нанесенными на разном расстоянии друг от друга (от 1 до 2 см). Тесто плотное, без песчаных примесей, ярко-оранжевого цвета, толщина стенок 0,8 см. Описанный прием обработки поверхности встречен на амфорах типа V Новогрудка³. Однако форму этой белоозерской амфоры восстановить не удается.

Из горизонта XII в. происходят 6 обломков стенок амфоры с круглым дном, диаметром около 3 см. Форма сосуда, как и в первом случае, не восстанавливается.

Амфоры Белоозера в целом соответствуют типологии и хронологии амфор византийских городов Северного Причерноморья⁴. Не составляет исключения и амфора типа III. Амфоры из рыхлого белого теста с большой примесью крупных зерен пироксена известны в Фанагории III—IV вв.⁵ В Тамани часть амфор VIII—XIII вв. также изготовлена из рыхлого теста с примесью пироксена⁶. Амфоры из тонкоотмученного теста могут быть боспорскими или византийскими.

² Реконструирован Т. В. Равдиной.

³ М. В. Малевская. Амфоры Новогрудка XII—XIII вв. «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969, стр. 188.

⁴ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, т. XV, 1951; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

⁵ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 121—122.

⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 49.

В амфорах на Белоозере привозилось не только вино, но и масло (оливковое). О последнем свидетельствует русская надпись «масло», процарапанная на обломке стенки⁷. Граффити белоозерских амфор состоят из букв славянского и греческого алфавитов, геометрических фигур и врезанных пересекающихся линий (рис. 35).

На Белоозере найдены обломки не менее трех красноглиняных кувшинов. К первому (12 обломков) относятся: части венчика с краем в виде загнутого наружу валика, диаметром 10 см, уплощенной ручки с частью стенки; обломки стенок и плоского дна диаметром свыше 13 см. С внешней стороны на дне кувшина имеются концентрические углубления. Толщина стенок и дна кувшина — 0,5 см. Тесто ярко-оранжевое. Дата — XI в. Из этого же горизонта происходят обломки стенки другого кувшина красно-коричневого цвета со следами лощения. В тесте заметны темные зерна пироксена. Третьему сосуду принадлежит обломок ручки.

Ближайшие аналогии этим находкам — красноглиняные кувшины Тамани X—XI вв.⁸

⁷ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 322, 323.

⁸ С. А. Плетьева. Указ. соч., рис. 35.

В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ

РЫБОЛОВНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ОРЕШКА

В 1968—1970 гг. на острове, расположенном у истока р. Невы из Ладожского озера, отрядом Ленинградской археологической экспедиции ЛОИА под руководством А. П. Кирпичникова проводились археологические раскопки крепости «Орешек». Во время этих работ были открыты остатки новгородской крепости середины XIV в., а также посад, возникший у стен крепости в первой четверти XV в. Обнаружен и слой XVI в., относящийся к периоду, когда была построена новая крепость, занимавшая весь остров¹.

В постройках и культурных слоях XV—XVI вв. было собрано свыше 130 предметов (целых и обломков), относящихся к рыболовству. Большая их часть найдена в слое XV в., хорошо сохраняющем органические материалы. Неоднократно встречались скопления чешуи и рыбьих костей. Это и неудивительно — ведь с одной стороны острова простиралась водная гладь богатого рыбой Ладожского озера, а с других сторон остров омывался водами р. Невы.

По способу применения рыболовные принадлежности можно разделить на три группы:

I. Остроги: два фрагмента больших двух- или трехзубых острог (рис. 36, 1, 2) и фрагменты остроги с острым ножевидным лезвием и двумя боковыми зубцами (рис. 36, 3). Подобные орудия были широко распространены в Древней Руси² и дожили до наших дней. По наблюдениям этнографов, их можно считать вспомогательными, сезонными орудиями, позволявшими производить быстрый лов рыбы индивидуально³.

II. Рыболовные крючки: целый крючок с лопаточкой и зубцом, изготовленный из бронзы (рис. 36, 4), и обломок такого же крючка несколько больших размеров из железа.

III. Принадлежности сетевых снастей составляют основную и наиболее интересную группу находок. Это разнообразные грузила, поплавки, петли от сетей, ботала. Значительным количеством экземпляров представлены в коллекции рыболовные грузила. По способу изготовления, форме и материалу они делятся на несколько видов.

Каменные грузила (23 экз.) изготавливались в большей части из мягких пород камня: песчаника или белого известняка, но встречаются и грузила из гранитных пород.

¹ А. Н. Кирпичников. Отчеты о раскопках древнего Орешка в 1968—1969 гг. Архив ЛОИА.

² В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, стр. 118—121, рис. 5. Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 64, 5, 6, 8.

³ А. В. Куза. Рыбный промысел в Древней Руси. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 10—11.

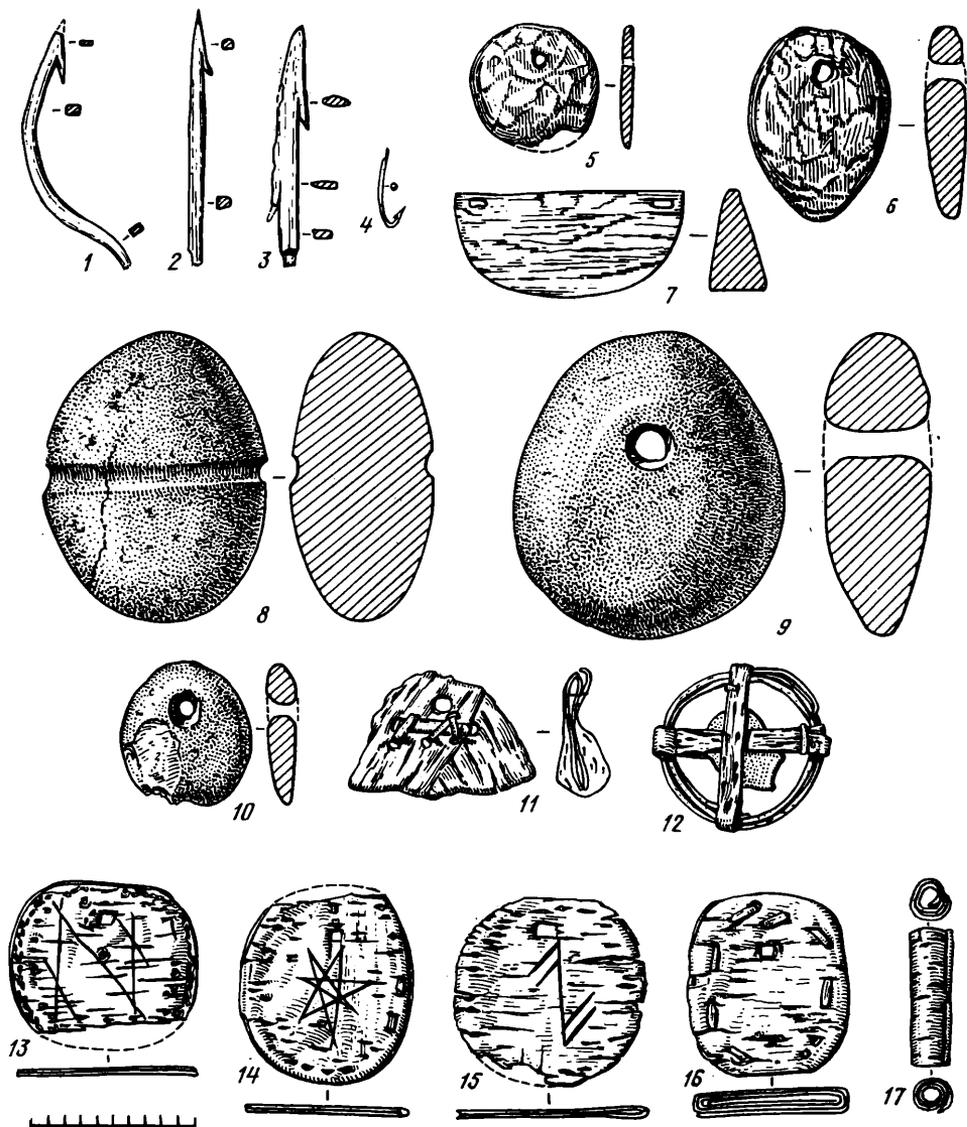

Рис. 36. Рыболовные принадлежности

1—3 — фрагменты железных остриг; 4 — рыболовный крючок; 5, 6 — полавки из коры; 7 — полавоч из дерева; 8—12 — рыболовные грузила; 13—17 — берестяные полавки

По своей форме они овальные или круглые, 6—8 см шириной и 8—12 см высотой (рис. 36, 10). Отверстия для привязывания просверливались в более узкой части. Кроме маленьких, были найдены четыре экземпляра больших грузил шириной 15—20 см и высотой 20—22 см (рис. 36, 9). Сюда же относятся и два экземпляра таких же больших грузил с канавкой для привязывания, выбитой посредине (рис. 36, 8). Судя по размерам, они использовались, вероятно, не для сетей, а для больших неводов.

Комбинированные грузила (28 экз.) делятся на два вида. В одном случае это небольшие грузила из камня, оплетенного берестой, по форме напоминающие треугольник (8 экз.). В верхней части берестяной оплетки, скрепленной лыком, находилось отверстие для привязывания (рис. 36, 11).

Грузила второго вида изготавливались из кольца, согнутого из одного или нескольких прутьев; в середине кольца с помощью берестяных лент укреплялся камень (рис. 36, 12). Диаметр их от 9 до 15 см.

Все эти грузила широко использовались на Руси с давних пор для различных сетяных снастей и являются частой находкой на памятниках, где хорошо сохраняются органические остатки⁴.

Поплавки, найденные в Орешке, также можно разделить на несколько видов: 1) берестяные, сшитые из нескольких слоев, 2) из бересты, свернутой в трубочку, 3) из коры и 4) из дерева.

Наибольший интерес представляют поплавки из бересты, сшитой из нескольких слоев. По своей форме они овальные или круглые (32 экз.). Овальные полавки имеют ширину от 9 до 11 см, а высоту — 12,5—14,5 см; круглые полавки — диаметром от 9,5 до 12 см (рис. 36, 13—16). Изготавливались они обычно из 2-х слоев бересты наружным слоем внутрь. По краям и в центре сшивались лыком, а в верхней части вырезалось квадратное отверстие для привязывания полавка к сети. Можно проследить два способа изготовления этих поплавок. В первом случае (21 экз.) на большом листе бересты каленым железом делалась предварительная разметка контура сразу нескольких поплавок, которые потом вырезались по этой разметке и сшивались (рис. 36, 13, 15).

Это предположение подтверждается и тем, что на некоторых из них имеются следы разметки и следующего полавка. Вероятно, разметка производилась по шаблону, чтобы полавки имели более или менее одинаковые размеры. На некоторых из них следов разметки не обнаружено, возможно, она была срезана при изготовлении.

Остальные полавки изготавливались иным способом (11 экз.). Полоску бересты сгибали пополам или 3—4 раза и срезали углы, образуя овал или круг (рис. 36, 14—16). На таких полавках разметки каленым железом не обнаружены.

Почти половина поплавок (14 экз.) отмечена различными знаками, которые можно разделить на две группы.

В первом случае это буквы древнерусского алфавита: Н, И, Ш, прощарапаные обычно с двух сторон (4 экз.). Они сходны с буквами на берестяных грамотах⁵ и берестяных полавках из Новгорода и интерпретируются обычно как знаки собственности⁶.

Другая группа (10 экз.) состоит из различных рисунков или меток, нанесенных с одной стороны. В трех случаях это изображения: семиконечная звезда (рис. 36, 14), ель, крюк; в остальных — различные сочетания перекрещивающихся линий. Некоторые из них (рис. 36, 15) напоминают так называемые бортовые знаки или «знамена», которые ставились на бортовые деревья⁷. Подобные знаки имеются и на берестяных полавках из Новгорода. Большую часть этих знаков, вероятнее всего, также можно считать знаками собственности⁸. Интересно отметить, что знаки, как видно и на примере новгородских находок, ставились обычно на берестяных и деревянных полавках, т. е. на снастях сложных: неводах, ставных сетях. Ими ловили, объединяясь в артели, в озерах, больших реках. В таких случаях было необходимо метить свои снасти.

Кроме этих поплавок, встречаются также полавки из бересты, свернутой в виде трубочки (3 экз., рис. 36, 17); из коры (36 экз.), в том

⁴ В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 123—125, рис. 6, 7; Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова, АСГЭ, № 4. Л., 1962, рис. 52, 6; 56, 10; Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е 1—55. М., 1968, табл. 8, 9; 6, 15.

⁵ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 254—255, табл. 7.

⁶ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 22, рис. 13.

⁷ Г. П. Анипилов. Бортовые знамена как исторический источник. СА, 1964, № 4, стр. 155.

⁸ Попытка интерпретации меченых рыболовных поплавок в качестве особой принадлежности городского и крестьянского промыслового хозяйства предпринята А. Н. Кирпичниковым в его докладе «Древний Орешек» на пленуме ЛОИА, посвященном итогам археологических исследований 1970 г.

числе и две заготовки. Изготавливались они из сосновой коры толщиной от 0,6 до 2 см, в форме древесного листа. Ширина их в верхней части 6—9 см, высота 8—12 см (рис. 36, 6). Встречаются и круглые поплавки диаметром 6—8 см (рис. 36, 5). Кроме этих поплавков, в Орешке был найден и один небольшой деревянный поплавок от невода сегментовидной формы с двумя отверстиями по краю для привязывания (рис. 36, 7). Все эти полавки широко представлены в коллекциях из раскопок Новгорода, Белоозера, Пскова.

Обнаружены также и фрагменты двух ботал: одно в виде рогульки, другое в виде кольца; а также деревянные петли для установки сетей на шестах. Эти изделия полностью аналогичны новгородским.

Рассматривая рыболовный инвентарь из раскопок Орешка, следует обратить внимание на то, что в основном он относится к сетяным снастям разных видов. Вероятно, были распространены в Орешке и сетевые ловушки: мережи, сежи, вентера. О большом разнообразии различных сетевых снастей в XV—XVI вв. говорят нам письменные источники. В погостах Ореховского уезда неоднократно упоминаются тони, пруды, колы на р. Неве и ее притоках, Ладожском озере. Часть их принадлежала великому князю и ореховскому наместнику, которые сдавали их внаем или эксплуатировали их в доле с местными крестьянами⁹.

Упоминаются и городчане из Орешка, владеющие частями тонь. Так, в одной из них они имели $\frac{1}{3}$ часть, а в другой — «два жеребье»¹⁰. Переписные книги по Орешку не дают нам сведений о занятиях жителей города. Археологические данные позволяют говорить о большом значении рыбного промысла в хозяйстве жителей Орешка и дополняют этим письменные данные. Однако они оставляют открытым вопрос о характере промысла. Было ли это промысловое рыболовство или домашний промысел, на основе этих данных сказать пока трудно.

⁹ «Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 г.» Вр. МОИДР, кн. III. М., 1851, стр. 116—118.

¹⁰ Там же, стр. 121, 123.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ

КРАСНЫЕ ИЗРАЗЦЫ ИЗ КИТАЙ-ГОРОДА

В археологических коллекциях древних русских городов многочисленную группу находок часто составляют красные печные изразцы — остатки великолепной детали интерьера жилища конца XVI—XVIII в. Печей с подобной облицовкой не сохранилось, поэтому пока единственным источником для реконструкции их являются изразцы, полученные из раскопок.

В настоящей публикации дается характеристика двух скопления красных изразцов с территории московского Китай-города. Они происходят из ям, в которые были сброшены части облицовки и обгоревшего основания двух изразцовых печей. По-видимому, это сделано во время ремонтных работ, поэтому в ямах оказались лишь наиболее разбитые облицовочные изразцы. В яме 1 (в 30 м севернее церкви Зачатия Анны) найдено 80 фрагментов изразцов, в яме 2 (в 23 м западнее церкви Троицы в Никитниках, рядом с пересечением переулков Ипатьевского и Никитникова) — 110 фрагментов.

Оба скопления имеют все основные элементы, составляющие набор облицовки печи, т. е. стенные изразцы — квадратные пластины с рельефным изображением, стенные угловые изразцы, поясовые изразцы в виде горизонтальных прямоугольных пластин с рельефным изображением, изразцовые перемычки или тяги, полукруглый глиняный валик с орнаментом растительного или геометрического характера и, наконец, так называемые изразцовые городки (пластины фигурных очертаний, венчающие печь).

Многочисленность коллекций красных изразцов позволила уже сейчас выделить некоторые, вполне обоснованные закономерности подобных печных наборов¹. И с этой точки зрения состав развалов двух печей из Китай-города представляет определенный интерес.

В облицовке первой и второй печей присутствуют все пять сюжетных групп² стальных изразцов.

Первую группу сюжетов составляют изразцы с батальными сценами. И в первом и во втором развалах печей они представлены скудно. В яме 2 найден небольшой фрагмент изразца с изображением крепости с башней (рис. 37, 15). Подобных целых изразцов в Москве найдено несколько³.

¹ Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, вып. Е1—39, 1968, стр. 58—63.

² Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 60—62.

³ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, стр. 65, № 58; Н. В. Султанов. Древнерусские красные изразцы. «Археологические известия и заметки». М., 1894, № 12, стр. 372, рис. 24; Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 60, табл. 20, 2.

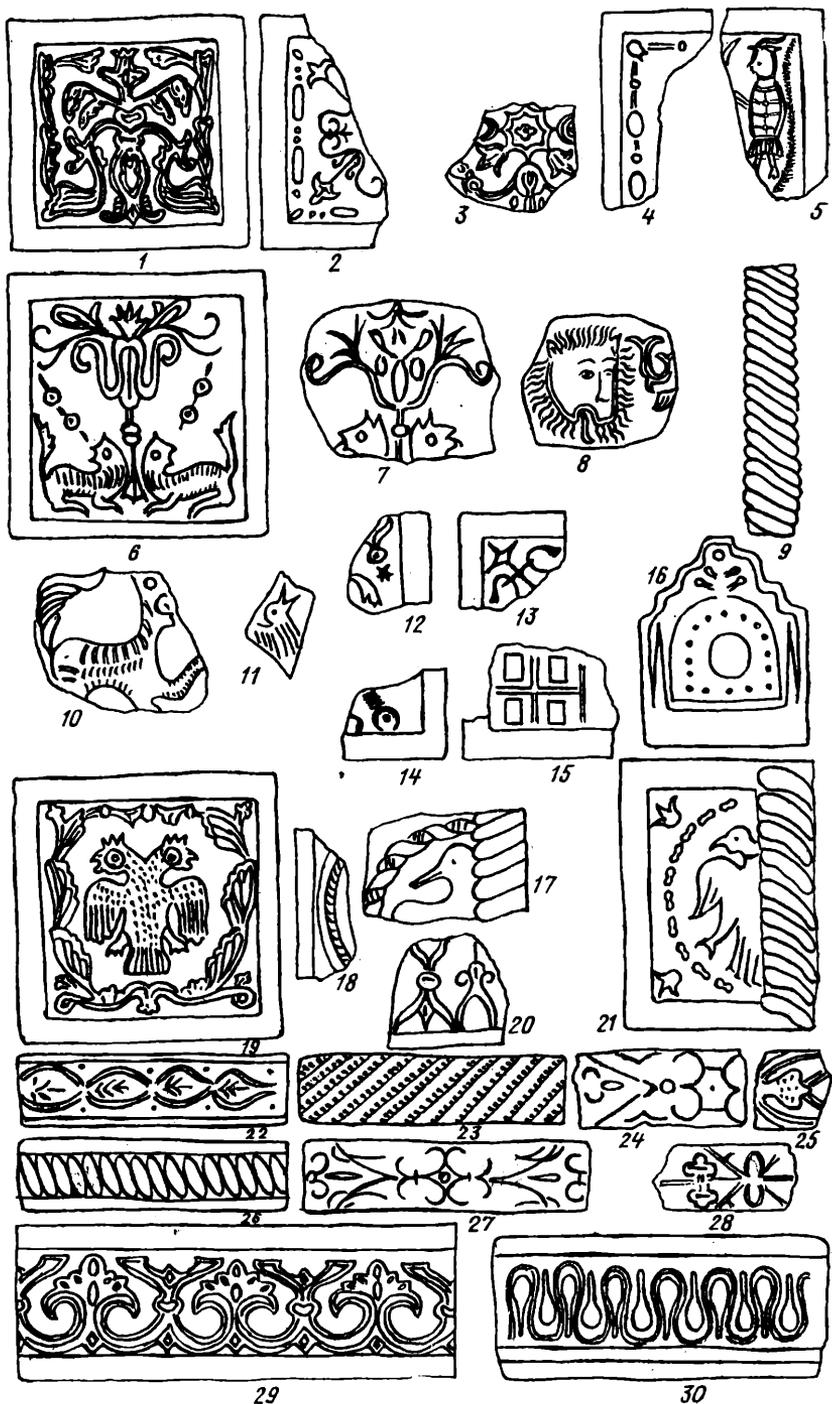

Рис. 37. Красные изразцы с различной орнаментацией из развалов двух печей московского Китай-города

В яме 1 обнаружен фрагмент изразца с изображением фигуры человека в западноевропейском платье, в берете с пером (рис. 37, 5). Кажется, это индивидуальная трактовка известной сцены с тремя воинами и пушкарем с пушкой⁴.

Во вторую сюжетную группу входят изразцы с изображениями зверей, птиц и охотника на коне. Центральным сюжетом этой линии, по-видимому, является изразец с двумя барсами под пальмой. Фрагменты нескольких изразцов с подобными сюжетами есть и в первом и во втором описываемых развалах. В комплексе первой печи есть фрагменты двух несколько различающихся по стилю изображений (рис. 37, 6, 7).

Фрагмент с изображением льва — один из любимых сюжетов на красных изразцах — найден в развале первой печи и аналогичен по трактовке изображению на фризе церкви Троицы в Костроме⁵. Правда, в отличие от последнего на печном изразце голова льва окружена широкими побегами растительного орнамента (рис. 37, 8). В развале первой печи есть и фрагмент изразца с изображением птицы (рис. 37, 11).

Во втором развале эта сюжетная группа представлена лишь одним небольшим фрагментом изразца с изображением охотника на коне (рис. 37, 12).

Сюжетная группа — фантастические звери — представлена лишь в развале первой печи, где найден один изразец с изображением, по-видимому, грифа (рис. 37, 10).

Обязательная для каждой печи сюжетная группа с двуглавыми орлами в геральдических позах в развале второй печи представлена фрагментами изразцов, оттиснутых в двух разных формах, а в развале первой печи изразцами, оттиснутыми в шести формах (рис. 37, 17, 18, 19, 21). Р. Л. Розенфельдт считает, что подобное многообразие форм в облицовке одной печи говорит о возможном наличии самостоятельного орнаментального ряда из изразцов с орлами⁶. Судя по материалам первого развала, где, во-первых, каждая из шести форм представлена более чем одним изразцом и, во-вторых, где найдено три угловых изразца с орлами трех разных форм, по-видимому, вполне возможно допустить присутствие в облицовке некоторых печей двух, а может быть, большего числа рядов изразцов с изображениями орлов.

Пятую группу составляют изразцы с растительным орнаментом. От первой печи до нас дошли изразцы с тремя разнотипными орнаментами, от второй — с двумя. Орнамент первого вида — растительный, несколько стилизованный, из развала второй печи (рис. 37, 13) — аналогичен узору, описанному Р. Л. Розенфельдтом⁷.

Второй вид орнаментации, выполненной сочетанием растительного и геометрического элементов, представлен на одном фрагменте изразца из первой (рис. 37, 4) и на одном фрагменте из второй ямы (рис. 37, 2). Схема узора — четырехчленная симметрия из сочетания растительного и геометрического элементов. Изразец с подобным орнаментом найден в 1953 г. на территории Зарядья рядом с церковью Жён Мироносиц⁸.

Еще два фрагмента изразцов из первой ямы орнаментированы растительными побегами изображенными двойной линией (рис. 37, 1, 3).

Так называемые поясовые изразцы, составляющие на зеркале печей сплошной пояс из орнамента, во втором развале представлены двумя видами: с обычным орнаментом «из серии пальметт, соединенных X-образ-

⁴ А. В. Филиппов. Указ. соч., № 53; Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 61, табл. 20, 6.

⁵ Р. Л. Розенфельдт. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме. СА, 1962, № 3, рис. 1, 5.

⁶ Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство..., стр. 62.

⁷ Там же, табл. 21, 10.

⁸ Коллекция Московской археологической экспедиции (участок 6, инв. № 2692).

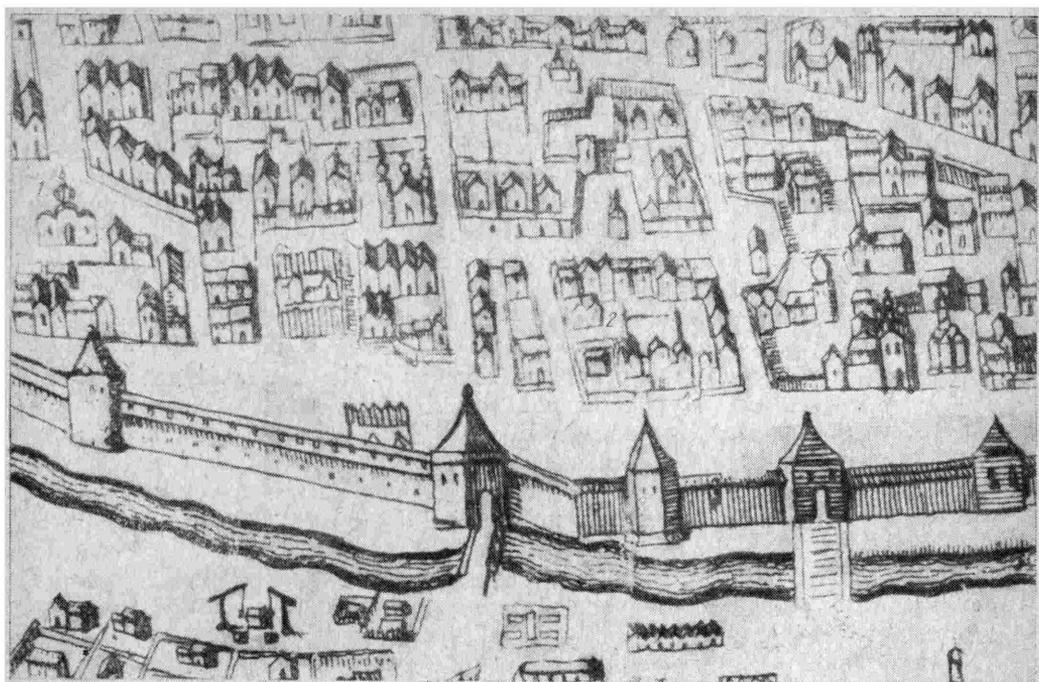

Рис. 38. Фрагмент Петрова плана города Москвы

1 — церковь Анна в Остром углу; 2 — место церкви Троицы в Никитниках

ными фигурами»⁹ (рис. 37, 20, 29), и с узором, составленным из стилизованного изображения сосудов, разделенных волнистой линией (рис. 37, 30). Во втором развале поясовые изразцы несут на себе орнамент только последнего типа.

Многочисленную группу составляют так называемые перемычки. Во второй яме найдено пять типов перемычек: три варианта жгутовых (рис. 37, 23, 26) и два с несложным растительным орнаментом (рис. 37, 22, 25).

Более интересен набор перемычек из первого развала. Есть тут прежде всего перемычки жгутовые, в частности два угловых изразца с орлами, соединенные с вертикальной жгутовой перекладиной (рис. 37, 21). Подобные изразцы — редкая находка. В коллекции из древних Холмогор есть стеной изразец со стилизованным растительным орнаментом, соединенный с перемычкой, украшенной пересекающимися кругами¹⁰.

Кроме жгутовых, во втором печном развале имеется два вида перемычек с развитым растительным орнаментом (рис. 37, 24, 27) и один фрагмент перемычки со стилизованным орнаментом (рис. 37, 28).

И, наконец, последний элемент печного набора — городки, венчающие печи. Они найдены только во втором развале. Все три городка украшены несложным геометрическим орнаментом (рис. 37, 16).

Итак, оба комплекса не только сохраняют все элементы зеркала печи, но и в какой-то мере позволяют проследить особенности отдельных групп изразцов. Прежде всего, обязателен ли был для каждой печи весь набор каждой сюжетной группы? В описываемых двух развалах некоторые сюжетные группы нашли минимальное отражение. Результат ли это непол-

⁹ Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство..., стр. 63.

¹⁰ О. В. Овсянников. Красные печные изразцы из древних Холмогор. КСИА, вып. 110, 1967, рис.-б, № 13.

ноты комплекта или здесь причина в какой-то индивидуальности облицовки печей? К сожалению, материалы только двух развалов не могут дать полного ответа на этот вопрос.

Очень четко проступают индивидуальные черты облицовок. Так, на поясовых изразцах второй печи наблюдается только один орнамент (рис. 37, 30). Предположить наличие еще одного пояса на этой печи трудно. Вместе с тем в первом развале обнаружены следы трех поясов (рис. 37, 20, 29, 30). Может быть, несколько орнаментальных поясов в облицовке печи говорят о большей стоимости набора изразцов?

Интересен вопрос о соотношении растительного и геометрического орнаментов в облицовках печей. Геометрический орнамент горodka второй печи (рис. 37, 16) явно перекликается с растительно-геометрическим орнаментом одного из стенных изразцов (рис. 37, 2) и с геометрическим орнаментом поясового изразца (рис. 37, 30). По-видимому, это не случайное явление.

Разница орнаментальных стилей изразцов первой печи создает как бы две группы сюжетов зеркала печи. Первая группа: стеной изразец с растительным орнаментом, поясовый изразец, перемычка и сюжет с барсами (рис. 37, 4, 30, 28, 6); вторая группа: поясовый изразец, стеной с растительным орнаментом перемычки двух типов и стеной изразец с барсами (рис. 37, 29, 1, 24, 27, 7).

Судя по размерам коллекции красных изразцов с территории Китай-города, можно предполагать, что изразцовые печи украшали интерьеры многих домов.

В заключение попытаемся выяснить, хотя бы предположительно, имена владельцев усадеб, на территории которых находились описываемые печи.

Судя по чертежу Мокринского и Кривого переулков XVII в., опубликованному В. И. Ламанским в 1961 г., первый развал печи найден на территории усадьбы подьячего Казанского двorca Ивана Еремеева¹¹. По линии переулка «от Зачатья к тюрмам» усадьба подьячего тянулась на 21 сажень. Яма с изразцами была найдена на расстоянии 14 саженей севернее церкви. Сохранилась купчая на двор Еремеева от 1715 г. Но чьей могла быть эта усадьба в первой половине XVII в.?

На Петровом чертеже, самом полном из московских ранних планов, на северо-восток от церкви Анны, хорошо виден посадский дом с двускатной крышей и крыльцом на север (рис. 38, 1). Где-то рядом с домом, к югу от него, и находилась яма с изразцами. В застройке квартала бросается в глаза густота ее в южном углу и относительная величина двора интересующего нас дома. Судя по переписи 1638 г.¹² и по упомянутому чертежу, в южной части квартала находилось Чудовское подворье.

Самая полная перепись дворов Китай-город — перепись 1626 г., принятая правительством после очередного пожара¹³. Главное для составителей этой переписи — ширина улиц и переулков, поэтому они не перечисляют всех дворов, опираясь на выборочно взятые усадьбы. Все, что имеет отношение к рассматриваемому участку, выглядит довольно скромно: «Из Зачатския ж улицы переулок к тюрмам меж дьяка Ждановского двора Шипова, да промеж двора Зачатского попа Василья и во весь переулок две сажени и тому переулку быть по прежнему»¹⁴. Ширина переулка,

¹¹ В. Н. Ламанский. Сборник чертежей г. Москвы, окрестностей ее и г. Пскова в XVII в. СПб., 1861, № VIII, IX.

¹² «Переписная книга г. Москвы 1638 г.» М., 1881, стр. 4.

¹³ «Роспись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе в 1626 году». — «Переписные книги г. Москвы, составлены в 1738—1742 гг.», т. I, М., 1881.

¹⁴ Там же, стр. 12.

«что от Зачатья к тюрьмам», определена по расстоянию между дворами, лежащими в начале его, у церкви Анны. Один из них, поповский, по-видимому, можно отождествлять с двором зачатъевского священника, упоминаемым в той же переписи несколько ниже: «...а двор попов приткнут к церкви углом...»¹⁵. Судя по чертежу XVII в., территория причта была стабильна и лежала на северо-восток от алтаря, рядом с Чудовским подворьем. Второй двор — ориентир авторов переписи 1626 г. — находился против поповского и принадлежал дьяку Ждану Шипову. Ширина переулка установлена по двум дворам, и на этом описание переулка в переписи закончено.

Следующая перепись относится к 1638 г.¹⁶ Этот документ перечисляет все оружие, имеющееся на посаде, и лиц, способных носить оружие в случае войны. Дворы зачатъевских попов остались на том же месте. В начале переулка упомянуты дворы: «Ивана Ондреева сына Шипова» и «Льва да Дорофея Фроловых детей Шипова»¹⁷. Кому же принадлежал интересующий нас двор? Его владельцами могли быть и торговый человек Евдоким Федосеевич, и постельничий Федор Иванович Игнатъев, и торговый человек Григорий Петров, и подъячий Казанского дворца Федор Васильевич Тольков¹⁸. Перепись 1638 г. не дает определенного ответа.

В 1954 г. при реставрационных работах в церкви Зачатья Анны обнаружена надгробная плита Никиты Семенова, сына Ширяева, человека кравчего Василия Яншеевича Сулешова. Надпись на плите несколько нарушена, но косвенные данные позволили восстановить дату захоронения. Это — 1632 г.¹⁹ Никита Ширяев был прихожанином церкви Анны. Но двор кравчего Василия Сулешова, судя по описи 1626 г., находился в непосредственной близости от церкви Николы Мокрого²⁰, и Василий Сулешов был прихожанином этой церкви, так же как его брат Юрий Яншеевич Сулешов, имевший двор на Ильинке, был прихожанином ближайшей к его дому церкви Дмитрия Солунского²¹.

Найденная же в церкви Анны плита свидетельствует о том, что или Ширяев, человек Сулешова, жил на чужом дворе, или где-то рядом с церковью Анны был еще один двор Василия Яншеевича. Более вероятно второе предположение, так как в переписи 1638 г. есть упоминание о том, что у Василия Сулешова было несколько дворов в Китай-городе²². А в таком случае можно допустить, что хозяином усадьбы, на территории которой найден первый развал изразцовой печи, был Василий Сулешов.

Сулешовы появились в Москве в XVI в.²³

В конце XVI — начале XVII в. два брата Сулешовы — Юрий Яншеевич и Василий Яншеевич состояли на службе у московского царя. Старший, Юрий, известный воевода, в 1615 г. был пожалован в бояре. О младшем брате, Василии, сведений значительно меньше. С 1625 г. он упоминается в дворцовых разрядах как кравчий.

В 1638 г. дворы Василия Сулешова стоят пустые²⁴. Судьба одного из них, двора, стоявшего рядом с церковью Николы Мокрого, известна.

¹⁵ «Роспись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе в 1626 году», стр. 13.

¹⁶ «Переписная книга г. Москвы 1638 г.», М., 1881.

¹⁷ Там же, стр. 5.

¹⁸ Там же, стр. 5, 6.

¹⁹ А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.). СА, 1960, № 4, стр. 199.

²⁰ «Роспись улиц, переулков и тупиков...», стр. 13.

²¹ Н. Скворцов. Уничтоженные в Китай-городе церкви. М., 1895, стр. 24.

²² «Переписная книга г. Москвы 1638 г.», стр. 10.

²³ Под 1534 г. в документах упоминается приезд в Москву крымских послов «...да Сулеш мурзы...» («Описи царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 г.», М., 1860, стр. 102).

²⁴ «Переписная книга г. Москвы 1638 г.», стр. 10.

В 70-х годах XVII в. эта усадьба принадлежала семье Чириковых²⁵. Можно предположить, что двор пожалован Чириковым еще в 40-х годах, так как Иван Гаврилович Чириков уже в 1629 г. упоминается среди московских дворян, присутствовавших на крещении царевича Алексея²⁶.

Кому была пожалована интересующая нас усадьба в приходе церкви Анны — трудно сказать. Наследников у Василия, по-видимому, не осталось. В Симоновом монастыре — месте погребения Сулешовых — сохранились надгробные плиты двух сыновей Василия — Ивана и Ильи, умерших в 1634 г.²⁷ Возможно, что в 40-х годах XVII в. двор Сулешова получил подьячий Казанского двorca Иван Еремеев.

В 1964 г. на углу Ипатьевского и Никитникова переулков, на запад от церкви Троицы, при строительных работах обнаружено и исследовано основание четырехпалатного каменного дома²⁸. На Петровом чертеже (рис. 38, 2) на этом месте хорошо виден дом с четырехскатной крышей и крыльцом в Никитников переулок. Несколько восточнее основания этого дома и обнаружена яма с остатками второй изразцовой печи.

Судя по описи 1626 г., владельцем усадьбы здесь был князь Иван Татев²⁹. Наследников у Татевых не было, и в 40-х годах XVII в. усадьба перешла во владение царевичей Сибирских, потомков хана Кучума. Раскопками второй ямы и открыты остатки изразцовой печи дома князя Татева, которая была разобрана, по-видимому, во время ремонта в середине XVII в.

²⁵ В. И. Ламанский. Указ. соч., № VIII, IX.

²⁶ «Дворцовые разряды», т. I. СПб., 1850, стр. 1148.

²⁷ В. Б. Гириберг. Надписи из Георгиевского монастыря. Сб. «Арх. памятники Москвы и Подмосковья». М., 1954, стр. 114.

²⁸ Центральные научно-реставрационные мастерские. Рукопись: Отчет о раскопках каменных сооружений во дворе дома № 9 по Ипатьевскому переулку в Москве, проводившихся в 1964 г. М., 1965, шифр 135 р. инв. № 114, стр. 7—9.

²⁹ «Роспись улиц, переулков и тупиков...», стр. 12.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ЯМЫ УГЛЕЖОГОВ XIV—XVI ВВ.
В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

На протяжении двух полевых сезонов, в 1969—1970 гг., Смоленский неолитический отряд проводил исследование памятников каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье. Р. Катынь, правый приток Днепра, вытекает из озера Купринского, находящегося в 25 км к западу от г. Смоленска. Длина Катыни—6—7 км. Эта неширокая речка (не более 5—7 м) имеет пойму 2—2,5 км, в весеннее половодье заливаемую водой. В пойме были открыты четыре неолитические стоянки (Катынь 1, 2, 3, 4), раскопки которых дали в руки археологов значительные коллекции лепной керамики, кремневых орудий, нуклеусов, отщепов и осколков кремня¹.

Наряду с неолитическими материалами на двух из указанных выше памятников—поселениях Катынь 2 и 3—были обнаружены остатки сооружений, относящихся к более позднему времени, описанию которых и посвящается настоящая статья.

Остатки первого сооружения были обнаружены на стоянке Катынь 2, располагавшейся на мысу на берегу старицы Катыни (рис. 39). Высота мыса относительно уровня воды—3,5 м, относительно поймы—около 1 м. Площадь мыса 200—250 кв. м. При визуальном осмотре поверхности поселения еще до снятия дерна в центре мыса была заметна западина диаметром 1,7 м, глубиной 10—15 см. После снятия дерна (под которым сразу же начинался неолитический культурный слой мощностью 20—25 см) на данном участке наметилось овальное темное пятно с многочисленными включениями угля дуба и золы. По мере разборки культурного слоя, который снимался двумя горизонтами по 10—12 см каждый, это пятно приобрело все более отчетливые четырехугольные очертания. Наконец, после удаления культурного слоя на фоне светлого материкового суглинка отчетливо выделился темный четырехугольник со сторонами 1,3; 2,45; 2,8 и 3 м, площадью приблизительно 5 кв. м. Дальнейшие работы показали, что перед нами древняя яма, глубина которой достигала 27 см от нижнего уровня культурного слоя. Учитывая то обстоятельство, что яма прорезала культурный слой, начинаясь сразу же под дерном, можно полагать, что действительная ее глубина равнялась 50—53 см. Причина того, что края ямы были размыты, объясняется, по-видимому, ежегодными разливами р. Катыни. Факт нарушения ямой культурного слоя свидетельствует о более позднем ее возрасте по срав-

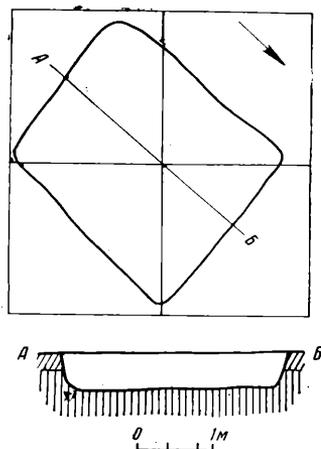
¹ В. П. Третьяков. Отчеты о полевых работах Смоленского неолитического отряда за 1969—1970 гг. Архивы ЛОИА в Ленинграде и ИА в Москве; он же. Исследование неолитических памятников в Верхнем Поднепровье. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970; он же. Древности в бассейне р. Катыни и оз. Купринского в Верхнем Поднепровье. «Археологические открытия 1970 года». М., 1971.

нению со временем существования здесь неолитического стойбища. Уголь, заполнявший описанную яму, был отдан в радиоуглеродную лабораторию ЛО Института археологии АН СССР. Полученная дата — 560 ± 50 (ЛЕ-890), т. е. вторая половина XIV — первая половина XV в. н. э.

Остатки трех сооружений, сходных с описанным выше, были обнаружены при исследовании поселения Катынь 3, расположенном в ста метрах от стоянки Катынь 2 на берегу той же старицы (рис. 40). Поселение находилось на мысу площадью 150—160 кв. м, возвышающемся над срезом воды на полтора метра. В центральной части этого мыса были заметны три западины диаметром 1—1,20 м, глубиной 15—20 см каждая. После снятия дерна на месте западин отметились три темных овальных пятна с включениями угля дуба и золы. После разборки неолитического культурного слоя мощностью 10—15 см пятна приобрели четырехугольные очертания с размерами: первое — 2,2; 2,5; 2,5; 1,9 м; второе — 2,1; 2,3; 2,2 м; третье — 1,8; 1,6; 1,5; 1,9 м. Таким образом, площадь первого из них равнялась 4—4,5 кв. м, второго — около 5 кв. м, третьего — около 3 кв. м. В результате дальнейших работ оказалось, что так же, как и на месте стоянки Катынь 2, указанные четырехугольные пятна представляют собой заполнения древних ям в светлом материковом суглинке глубиной соответственно 60, 42, 35 см. Учитывая то, что ямы прорезали культурный слой, их общая глубина достигала 75, 57 и 50 см каждая. В первой же яме, внутри нее, с трех сторон была выявлена приступочка шириной 20 см, приподнятая над уровнем пола на 12—15 см. В средней части второй ямы прослежено скопление угля и золы мощностью 17 см.

Описанные три углубления прорезают, как уже упоминалось, неолитический культурный слой, что не позволяет связывать их с бытовавшим здесь некогда поселением каменного века. В пользу этого свидетельствует и дата по С¹⁴, полученная в радиоуглеродной лаборатории ЛО Института археологии АН СССР (уголь взят из второй ямы), — 440 ± 50 (ЛЕ-891), что соответствует концу XV — первой половине XVI в.

Рис. 39. План и разрез ямы углежогов второй половины XIV — первой половины XV в. на месте поселения Катынь 2

Итак, на протяжении двух полевых сезонов в пойме реки Катынь на невысоких мысах были раскопаны четыре четырехугольные ямы площадью от 3 до 5 кв. м. Их глубина колебалась от 50 до 75 см. Большое количество угля и золы, а также прокаленность суглинка на дне ям и частично на стоянках свидетельствуют о том, что в них долгое время горел сильный огонь. Заметим, что данные ямы не могли служить центральной, углубленной в землю частью каких-либо наземных сооружений (жилищ и пр.), поскольку вокруг этих ям отсутствуют следы стен,

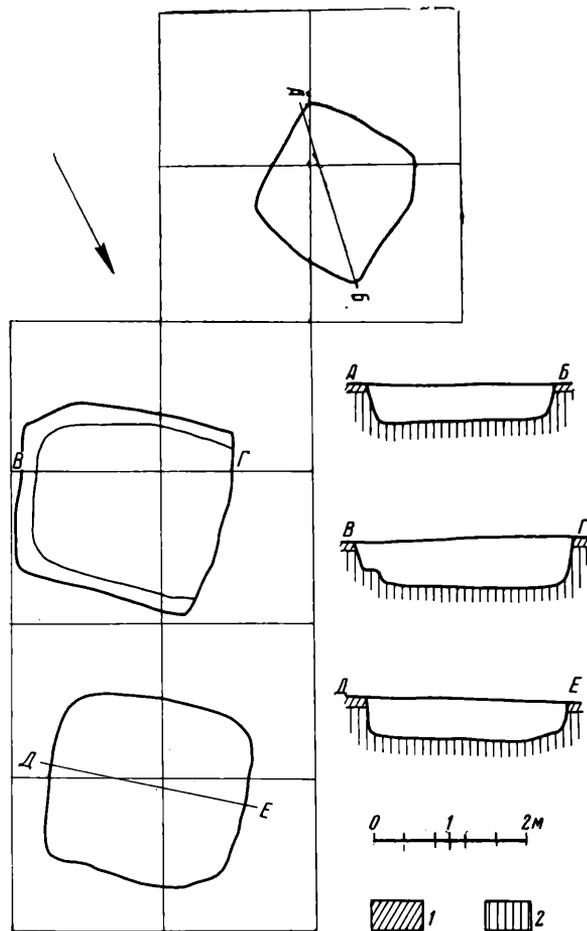

Рис. 40. План и разрезы ям углежогов XV — первой половины XVI в. на месте поселения Катень 3

1 — культурный слой; 2 — материк

столбовых ям и т. п., которые обязательно должны были бы сохранить в светлом прочном суглинке. Размеры ям исключают возможность их интерпретации как землянок или полуземлянок. Кроме того, в ямах и вокруг них отсутствуют какие-либо находки, соответствующие времени середины II тысячелетия н. э. Следовательно, остается предположить, что перед нами остатки сооружений сравнительно кратковременного хозяйственного назначения. Этнографические и археологические параллели свидетельствуют о том, что таковыми сооружениями могут быть ямы для выжигания древесного угля.

В литературе немного работ, посвященных подобным сооружениям. Интерес в данной связи привлекает книга Б. А. Колчина о металлургии в Древней Руси. Автор отмечает, «что ямный способ выжигания угля... заключается в том, что в удобном месте вырывается яма, куда складываются поленья и сучья деревьев. Яма плотно закрывается снаружи дерном и замазывается глиной; лишь на верху кучи, в центре и в боках ямы оставляют небольшие отверстия для слабого притока воздуха. Угольщик поджигал дрова и давал им всем частично сгореть. Когда температура повышалась, все отверстия плотно закрывались, дровам давали пол-

ностью обуглиться и образовавшемуся в яме углю давали остыть»². Примечательна и статья С. П. Пачковой о древнем металлургическом центре у с. Лютеж, относящемся к зарубинецкой культуре³. Здесь на поселении были найдены остатки горнов для выплавки металла и более или менее округлые ямы с большим количеством древесного угля⁴. Ссылаясь на этнографические параллели, С. П. Пачкова интерпретирует их как ямы для выжигания древесного угля. Исследовательница пишет, что в Полесье в начале 30-х годов нашего века бытовало кустарное металлургическое производство. В частности, существовали ямы, где выжигался древесный уголь. Они были округлыми в плане, глубиной до 0,6 м. Посредине их ставился столб, служивший опорой для нескольких «более тонких, косопоставленных столбов, вкопанных в борта ямы, образуя пирамидальное сооружение, известное в этнографической литературе под названием «майор». Оно служило основой, на которую клались поленья и ветки. Затем все сооружение поджигалось, и когда огонь сильно разгорался, пирамиду валили в яму и присыпали землей, часто разрушая при этом борта ямы»⁵.

Следует заметить, что ямы с углем, раскопанные нами на берегах р. Катыни в Верхнем Поднепровье, отличаются от описанных С. П. Пачковой лишь формой, что, вероятно, объясняется иным способом укладки поленьев. Размеры ям, их глубина полностью совпадают. Нельзя не обратить внимание на то, что верхние края катынских ям также разрушены. Выше мы допускали, что это результат половодья, но вполне правдоподобным кажется и объяснение этого явления как результата искусственной засыпки дров землей с краев ям и преднамеренного обвала краев с этой же целью.

Таковы некоторые итоги наших исследований в бассейне р. Катынь в смоленском Поднепровье, давших материал не только эпохи каменного века, но и середины II тысячелетия н. э.

² Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 40; см. также: «Крепостная мануфактура в России», ч. II. М., 1931, стр. 12, 71.

³ С. П. Пачкова. Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж. СА, 1970, № 1.

⁴ Там же, стр. 146.

⁵ Там же, стр. 147.

В. А. БУЛКИН

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПУСТЫХ КУРГАНАХ
ГНЕЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

При раскопках Гнездовских курганов остатки трупосожжения — кальцинированные кости находили в разных частях насыпи: на вершине кургана (под дерном), в основании насыпи, изредка в подкурганной ямке. Большинство погребений сопровождается инвентарем, что позволяет определить их дату в широком или узком хронологическом диапазоне, а некоторые детали погребального обряда и инвентаря дают возможность выяснить иногда и этническую принадлежность погребенного. Хуже обстоит дело с так называемыми пустыми курганами². Исследователи Гнездовских курганов постоянно отмечали в отчетах наличие таких насыпей. Одни относили их в разряд меморативных³, другие считали, что в верхней части этих насыпей некогда содержались остатки сожжения, не сохранившиеся к моменту раскопок⁴.

Среди исследованных и опубликованных Гнездовских курганов насчитывается более 35% пустых насыпей. Их высота колеблется в пределах от 0,4 до 1,8 м. Форма, как правило, полусферическая, за исключением отдельных курганов, которые имели плоские или уплощенные вершины. Обычно в основании этих насыпей лежит зольный слой, а в середине их иногда фиксируют скопление углей и золы. Нередко в таких насыпях находят отдельные вещи, фрагменты керамики, а иногда и целые сосуды⁵. По размерам и форме эти насыпи можно разделить на две группы. Курганы первой группы имеют высоту от 0,4 до 1 м и полусферическую форму, насыпи второй группы выше — от 1 до 1,8 м, форма их полусферическая или усеченно-коническая (с плоской вершиной).

В трактовке курганов первой группы, составляющих приблизительно 85% всех пустых насыпей могильника, ближе всех к истине, по-видимому, находились те исследователи, которые считали, что в верхней части их некогда содержались остатки трупосожжения. Действительно, в Гнездове имеются курганы, в которых остатки трупосожжения (произведенного на стороне), помещенные в урну, находили на вершине, буквально под дер-

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА 9 марта 1971 г.

² Под термином «пустой курган» обычно понимают насыпь, в которой не найдено остатков захоронения человека.

³ Д. А. Авдусин. Ответ о раскопках Гнездовских курганов в 1949 году. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 1. Смоленск, 1952.

⁴ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, 1902, стр. 30; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 133, 134.

⁵ Курганы 75, 78, 82, 30, Оль.— 4, 84, 48, раскопанные Д. А. Авдусиным, курганы 11(11), 84(13), 32(21), 45(34), раскопанные С. И. Сергеевым, и другие.

ном, а в основании фиксировали тонкий светлый зольный слой. Первый исследователь Гнездовских курганов В. И. Сизов отмечал, что урны в некоторых курганах можно было легко нащупать и вытащить из насыпи⁶. Небольшие повреждения вершин подобных курганов, причины которых могут быть самого разнообразного характера, приводили к уничтожению остатков кремации, и археологам курган доставался пустым. Судя по данным послевоенных раскопок, почти каждый курган имел большее или меньшее повреждение, а, учитывая, что остатки кремации в некоторых курганах зафиксированы на глубине 20—25 см от вершины, исчезновение их вполне объяснимо. Как отмечал еще А. А. Спицын, пустые курганы, аналогичные Гнездовским, известны и в других местах лесной зоны Восточной Европы⁷. В сводке круглых курганов с трупосожжением, которая опубликована И. И. Ляпушкиным, имеются могильники, не только включающие пустые насыпи, но и такие, где все раскопанные курганы оказались пустыми⁸. Важно и то, что некоторые исследователи курганов с трупосожжением лесной зоны неоднократно фиксировали наличие кальцинированных костей непосредственно на поверхности насыпи⁹. Поэтому вполне приемлемым для данной группы пустых насыпей Гнездовского могильника является предположение В. И. Сизова, поддержанное И. И. Ляпушкиным, о том, что в верхней части их некогда содержались остатки трупосожжения.

Своеобразие второй группы пустых курганов Гнездовского могильника заключается не столько в больших размерах насыпей, сколько в том, что часть этих насыпей имела плоские вершины. Курганы 30 и 32 (раскопки Д. А. Авдусина), расположенные в юго-западной части лесной группы, имели форму шарового пояса с уплощенной вершиной. Оба кургана определены авторами раскопок как меморативные¹⁰. Пустой курган 75 (17) — раскопки С. И. Сергеева — имел площадку на верху насыпи диаметром 4,5 сажени¹¹. В описании пустых насыпей В. И. Сизовым находим следующее: «Курган № 7 (дневника М.) весьма большой, расплывчатый и вверху несколько плосковатый. В насыпи находились небольшие гнезда угля; на обычном месте кострища оказался тонкий слой черной сажи; посреди этого слоя находился большой, пирамидальной формы камень, а впереди его полукругом лежала гряда более мелких камней». И далее: «Мы могли бы привести еще несколько подобных примеров из других дневников, откуда было бы видно, что в основании насыпи подобных курганов встречались иногда крупные валуны, составлявшие конструктивную основу кургана»¹².

Погребения в курганах с плоскими вершинами обычно выделялись исследователями как самые интересные в Гнездове¹³. Для них характерны захоронения, сопровождающиеся богатым и разнообразным инвентарем, включающим оружие, украшения, предметы культа¹⁴. Топографическую обособленность таких курганов отметил еще А. А. Спицын¹⁵. Погре-

⁶ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 30.

⁷ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 10.

⁸ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 97—111.

⁹ В. И. Глазов. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 58; В. В. Седов. Казихинские курганы на р. Великой. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 92, 96.

¹⁰ Д. А. Авдусин. Указ. соч., стр. 354, 355.

¹¹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 48.

¹² В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 29.

¹³ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 8.

¹⁴ В. А. Булкин. Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 209.

¹⁵ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 8.

бения с сожжением в ладье в этих насыпях типологически сходны с аналогичными захоронениями из могильников Средней Швеции.

Пустые насыпи с плоским верхом Гнездовского могильника вряд ли оказались пустыми за счет повреждений верхней части, так как сожжения в подобных по форме курганах производились на месте и остатки кремации, как правило, находятся в основаниях насыпей. Исследованные пустые насыпи с плоским верхом сосредоточены в непосредственной близости от аналогичных по форме курганов, в которых зафиксировано захоронение. В связи с этим можно предположить, что пустые насыпи с плоским верхом принадлежат той части населения Гнездова, которая хоронила своих покойников в таких же по форме курганах. По-видимому, пустые курганы с плоским верхом являются меморативными. Остальные пустые насыпи второй группы, имеющие обычную полушарную форму, трудно пока объяснить как меморативные.

М. Е. ВАСИЛЬЕВ

ГОРОДОК ЧЕРНИЦА¹

В «Списке русских городов дальних и ближних» упоминается городок Черница (или Черница)². Судя по порядку перечисления в «Списке», это был один из псковских городков. Местоположение его не вызывало особых сомнений; он, очевидно, был расположен в южной части Псковской земли, на речке Черница, в Черницкой губе Опочецкого уезда³. Однако при археологической разведке этого района, проведенной в 1959 г., обнаружить остатки древних укреплений не удалось⁴. Обследование территории, исполненное в 1969—1970 гг., позволяет уточнить место древнего городка.

Единственным местом во всем бассейне р. Черницы (ее протяженность около 15 км), которое могло быть в древности укреплено, является территория самого Чернецкого погоста. Теперь здесь расположено кладбище, а вплотную к нему примыкает современная дер. Алексино. До 30-х годов XX в. на кладбище стояла деревянная Покровская церковь. Следует отметить, что на кладбище до сих пор сохранились старинные каменные кресты очень архаичной формы. На других, соседних кладбищах подобных крестов нет. На территории, примыкающей к кладбищу, удалось собрать фрагменты средневековой русской керамики, в том числе несколько обломков, явно относящихся к XVI в.

Территория деревни и кладбища занимает северо-западную оконечность плато, наиболее высокая точка которого (на месте бывшей церкви) поднимается на 21 м над уровнем речки. Вокруг вся местность сильно заболочена, а, по словам местных старожилов, болотистая низина здесь не пересыхала даже летом и делала местность настолько труднопроходимой, что подъезд был возможен только с одной стороны, с юго-востока. С северо-запада и запада плато ограничено р. Черницей и оз. Черным, с юго-запада и юга — маленькой безымянной речкой, а несколько далее — р. Великой. С северо-западной стороны плато обращено к реке крутым обрывом. В древности эта территория легко могла быть укреплена, хотя никаких следов искусственных укреплений в настоящее время не заметно.

Косвенным свидетельством существования на месте Чернецкого погоста древнего городка может служить традиция собирать на этом месте ярмарку, державшаяся вплоть до 30-х годов XX в.

Городок Черница находился почти на самой литовской границе. В 6 км от погоста расположена дер. Ржевки, которая делится на две части, до сих пор сохраняющие названия — польская и русская сторона.

¹ Доклад на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА 23 февраля 1971 г.

² М. Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». «Исторические записки», № 40, 1952, стр. 225.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Н. Н. Воронин, Л. П. Гуссаковский, А. В. Никитин, П. А. Раппопорт, В. В. Седов. Среднерусская экспедиция. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 91.

III. ХРОНИКА

Т. И. МАКАРОВА

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1971 Г.

В 1971 г. сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР продолжал успешную разработку основных проблем археологии Древней Руси и этногенеза славян и их соседей. Завершено многолетнее исследование Р. Л. Розенфельдта «История населения лесной зоны Восточной Европы в I тыс. н. э.» И. П. Русановой подготовлен выпуск САИ «Древности славян VI—IX вв. в междуречье Днепра и Западного Буга». В двух номерах «Советской археологии» опубликована работа А. К. Амброза «Проблемы раннесредневековой хронологии» (СА, 1971, № 2, 3).

В ряде статей сотрудников сектора, помещенных в сборнике «Археологические открытия 1970 года», приводятся новые материалы для решения этого направления в работе сектора. Так, разведками Московской экспедиции открыты 19 новых городищ раннего железного века (А. Ф. Дубынин, Р. Л. Розенфельдт, К. А. Смирнов, А. А. Юшко). В. В. Седовым изложены результаты разведок в Псковской земле, где исследовались городища первых веков I тыс. н. э. И. К. Фролов публикует результаты раскопок поселения почепской культуры в Орловской области. На северной границе салтово-маяцкой культуры открыты трупосожжения и поселение пеньковской культуры (С. А. Плетнева). В 125-ом выпуске «Кратких сообщений» ИА И. П. Русановой опубликовано открытое ею жилище VIII—IX вв. на Житомирщине; В. В. Седов опубликовал материалы Грицковских курганов. Можно отметить и опубликованные этим автором две статьи, в которых гидронимические данные привлекаются для решения важных археологических проблем («Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья». — «Древнее поселение Подмосковья», т. II. М., 1971 и «Гидронимия голяди». — «Питання гідроніміки». Київ, 1971).

В этом году В. В. Седовым начата новая тема: «Происхождение и ранняя история славян».

Разработкой второй большой проблемы — генезис и история феодализма — занято большинство сотрудников сектора. В этом году вышла в свет книга Б. А. Рыбакова «Слово о полку Игореве и его современники». В ней на широком фоне русской жизни XII в. вылеплены образы живых людей, современников «Слова». Органичность «Слова» как произведения XII в. с несомненностью вытекает из всего изложения.

Заслуживают внимания многочисленные публикации сотрудников сектора, посвященные итогам археологических раскопок. В них отражены новые открытия в Новгороде (В. П. Янин, Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, Б. Д. Ершевский), Старой Рязани (В. П. Даркевич, Т. А. Кравченко,

А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт), Ростиславле Смоленском (Л. В. Алексеев, Э. М. Сергеева), Суздаде (В. В. Седов), Брянске (Т. И. Равдина), на Пировом городище — Ярополче Залесском (М. В. Седова), в Александровской Слободе Ивана Грозного (Б. А. Рыбаков). Разведками обследованы летописные города Подмосковья: Тешилов, Ростиславль и другие (Р. Л. Розенфельдт, А. А. Юшко). Исследуется сплошной разведкой район Старого Изборска, в результате чего открыты укрепленные пункты, окружавшие город (В. В. Седов). Произведены разведки некоторых мест, упоминавшихся в уставе Ростислава Смоленского 1136 г. (Л. В. Алексеев). Так заполнилось еще ряд белых пятен, пополнив растущий с каждым годом материал для археологической карты Восточной Европы.

В отдельных статьях публикуются обобщающие работы, явившиеся итогом многолетних экспедиций. Так, вышли статьи Т. Н. Никольской («О летописных городах в земле вятичей» и «Дневнерусский Серенск — город вятических ремесленников»). Наряду с этим продолжают публикации различных категорий археологических находок. Вышли в свет статьи Л. А. Голубевой «Назначение железных игл» (СА, 1971, № 4), М. Д. Полубояриновой «Русская керамика с Водянского городища» (КСИА, вып. 129), «Костяная печать из Серенска» (КСИА, вып. 125), М. В. Седовой «Предметы вооружения из Ярополча Залесского» (КСИА, вып. 125), «Ювелирные изделия из Ярополча Залесского» (КСИА, вып. 129). Публиковались и работы, выходящие за пределы археологического исследования. К таким принадлежит статья Монгайта в книге «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу», изданной совместно с Большаковым.

Различные аспекты материальной и духовной культуры Руси вплоть до XVI в. разрабатываются всеми археологами-славистами. Но ряд работ наших сотрудников сконцентрирован в основном на этой теме. Эти работы характеризует строгая связь с фактами, историчность, широта хронологического охвата. В этом году вышел в свет выпуск САИ «Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв.» А. В. Никитина и альбом Г. К. Вагнера «Рязань». Отдельным произведениям прикладного искусства, рассмотренным с зоркостью археолога, посвящены статьи Т. Н. Николаевой «Крест 1544 г. из Волоколамска» (СА, 1971, № 3) и В. П. Даркевича «Редкий памятник романской металлопластики» (СА, 1971, № 2). В истекшем году сотрудниками возглавлены 8 экспедиций и отрядов.

Надо отметить раскопки в Новгороде, Старой Рязани, Старой Руссе; продолжают исследования курганов в Вологодской области (А. В. Никитин), исследуются ряд пунктов Смоленской области, упоминавшихся в Грамоте Ростислава Смоленского в 1136 гг. (Л. В. Алексеев).

В этом году сотрудники сектора принимали участие в годичной сессии отделения истории АН СССР (Тбилиси). На секционном заседании славяно-русской группы были сделаны доклады И. П. Русановой («Культура типа Корчак и соседние с ней культуры») и Т. И. Макаровой («О датировке церкви Иоанна Предтечи в Керчи по археологическим данным»). Н. Н. Велецкая прочитала доклад «Сюжет сажания на лубок в украинской фольклорной традиции в соотношении с фольклорной традицией других народов и исторической действительностью» на VIII украинской славистической конференции в Виннице.

А. В. Никитин и Л. А. Голубева участвовали в научной археологической конференции Вологодского музея. А. В. Никитин выступил там с докладом «Археологические памятники славян в Вологодской области», Л. А. Голубева — с докладом «Древнее Белоозеро». А. А. Голубева прочитала также доклад «Некоторые скандинавские изделия и их бытование в Древней Руси» на V Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Как и в прошлые годы, сотрудники сектора постоянно ведут на местах раскопок и в Москве большую работу по пропаганде научных знаний среди населения и особенно среди молодежи, в патриотическом воспитании которой археология играет большую роль.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	— Археологическая комиссия
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
Вр. МОИДР	— Временник Московского общества истории древностей российских
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, СПб.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества, СПб.
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии, СПб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России, СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

<i>Русанова И. П.</i> Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Северо-Западной Украины	3
<i>Седов В. В.</i> Ранние курганы вятичей	10
<i>Раппопорт П. А.</i> О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества	17
<i>Медынцева А. А.</i> О «сукладниках» новгородских берестяных грамот	23
<i>Гуревич Ф. Д.</i> Грамотность горожан древнерусского Пономанья	28
<i>Корзухина Г. Ф.</i> Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладге	35
<i>Седова М. В.</i> Торговые связи Ярополча Залесского	41
<i>Спегальский Ю. П.</i> Железные кровли в архитектуре древнего Пскова	46

II. Полевые исследования

<i>Алексеев Л. В., Сергеева Э. М.</i> Раскопки курганов в Восточной Белоруссии	49
<i>Павлова К. В.</i> Раскопки курганов у дер. Городиловка	56
<i>Розенфельд Р. Л.</i> Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожае в Московской области	62
<i>Равдина Т. В.</i> О времени возникновения Брянска	66
<i>Лебедев Г. С.</i> Городец под Лугой (предварительное сообщение)	72
<i>Орлов С. Н.</i> Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом	77
<i>Никольская Т. Н.</i> Раскопки Серенского городища в 1969 году	80
<i>Комаров К. И.</i> Славянское поселение «Стрелка» на р. Лух	86
<i>Малевская М. В.</i> Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV—XV вв. (по раскопкам 1968 г.)	90
<i>Глезер Е. Н.</i> Собор Черемнецкого монастыря	98
<i>Голубева Л. А.</i> Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера	101
<i>Кильдюшевский В. И.</i> Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка	105
<i>Беленькая Д. А.</i> Красные изразцы из Китай-города	109
<i>Третьяков В. П.</i> Ямы углежогов XIV—XVI вв. в Верхнем Поднепровье	116
<i>Булкин В. А.</i> О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника	120
<i>Васильев М. Е.</i> Городок Черница	123

III. Хроника

<i>Макарова Т. И.</i> Работа сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР в 1971 г.	124
Список сокращений	126

Славяно-русские древности

КСИА, вып. 135

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

*Редактор А. Е. Сидоренко
Редактор издательства Л. С. Кручинина
Художественный редактор В. Н. Тихунов
Технический редактор Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 20/IX 1972 г.

Подписано к печати 17/I 1973 г.

Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 2150. Т-01217. Тип. зак. 1248. Бумага № 2

Цена 63 коп.

*Издательство «Наука», 103717 ГСП
Москва К-62, Подсосенский пер., 21*

*2-я типография издательства «Наука», 121099
Москва Г-89, Шубинский пер., 10*